

Владлен

Дорофеев

СТАЛИНИЗМ: НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ

«Мое имя будет оболгано, мне припишут множество злодействий. Мировой сионизм всеми силами будет стремиться уничтожить наш союз, чтобы Россия никогда уже не смогла подняться. Острие борьбы будет направлено на отрыв окраин от России. С особой силой поднимет голову национализм. Появится много вождей-пигмеев, предателей внутри своих наций...» – сказал как-то Иосиф Виссарионович. Пророчество Сталина сбылось с необычайной точностью.

Владлен Дорофеев

СТАЛИНИЗМ:
НАРОДНАЯ
МОНАРХИЯ

Москва
«Алгоритм»
ЭКСМО
2006

Оформление серии *A. Саукова*

Д 55 **Дорофеев В.Э.**
Сталинизм: народная монархия / Владлен Дорофеев. —
М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. — 400 с.: ил. — (Оклеветанная
Русь).

ISBN 5-699-19138-0

«Мое имя будет оболгано, мне припишут множество злодеяний. Мировой сионизм всеми силами будет стремиться уничтожить наш союз, чтобы Россия никогда уже не смогла подняться. Острие борьбы будет направлено на отрыв окраин от России. С особой силой поднимет голову национализм. Появится много вождей-пигмеев, предателей внутри своих наций...» — сказал как-то Иосиф Виссарионович. Пророчество Сталина сбылось с необычайной точностью.

Человека, возродившего Советскую империю, победившего во Второй мировой войне, создавшего ядерный щит и меч нашей Родины, объявили садистом, пьяницей и дегенератом. Однако английский премьер-министр Уинстон Черчилль назвал Сталина «выдающейся личностью, величайшим диктатором, принявшим Россию с сохой, а оставил с атомным оружием». Эта книга раскрывает истину о великой роли И.В. Сталина в российской истории XX века, рассказывает о его великих заслугах перед Россией, о безмерной любви советского народа к своему гениальному вождю в сравнении с личностью Николая II.

**УДК 82-94
ББК 66.3(2Рос)8**

ISBN 5-699-19138-0

© Дорофеев В.Э., 2006
© ООО «Алгоритм-Книга», 2006
© ООО «Издательство «Эксмо», 2006

ПРОЛОГ

Два человека оставили неизгладимый след во всей российской, да и мировой истории XX века — последний русский Император и Самодержец Николай Второй и глава Советского государства с 1925 по 1953 год (должности его в разные годы назывались по-разному, но его власть никогда и никем под сомнение не ставилась) Иосиф Сталин. Эти два человека были совершеннейшими антиподами как в личной жизни, так и в руководстве государством. Резко отличается и их прижизненная и посмертная судьба.

Николая II при жизни в народе называли Кровавым. Такое звание он получил по совокупности «заслуг» перед отечеством — за Ходынскую трагедию, случившуюся во время коронации, когда в давке погибли тысячи людей, за расстрел мирных рабочих демонстраций и за жестокие расправы с восставшим народом в 1905—1907 годах. Все 23 года правления Николая II, с 1894 по 1917 год, сопровождались кровавыми бедствиями, насилием и террором.

Император проиграл две войны — одну на востоке, другую на западе, в которых погибли в общей сложности десять миллионов человек и десятки миллионов были искалечены. Он до основания разорил Россию, привел ее на край пропасти, отрекся от престола, бросив свой голодный, обездоленный и измученный народ на произвол судьбы.

И вот награда. В конце ХХ и в начале ХХI века все средства массовой информации трубят о его скромности, человеколюбии, доброте и прочих достоинствах. По непредсказуемой логике церковных служителей, Николая II возвели в ранг святых мучеников. Сейчас во всех православных храмах вывешены его портреты в золотой оправе для всенародного поклонения.

* * *

Иосифа Сталина при жизни народ боготворил. О нем пели песни, ставили ему памятники, его имя присваивали городам и крупным предприятиям. За годы своего правления Сталин преобразил страну. Он принял Россию от Николая II разоренной и разрушенной, но сумел превратить ее в могучее и несокрушимое государство. За эти годы он перестроил народное хозяйство, создал новые отрасли промышленности, перевооружил армию, воспитал новое поколение людей, беспримерно преданных Родине и социализму, ликвидировал безработицу; образование и здравоохранение при нем стали бесплатными и общедоступными. В годы Второй мировой войны взял на себя всю ответственность за судьбу страны. Под его руководством была разгромлена фашистская Германия, покорившая до нападения на Советский Союз практически всю Европу и державшая в страхе весь мир. Разгромил мощнейшую Квантунскую армию, смыв позор проигранной Николаем II в 1904 году Русско-японской войны, и возвратил в состав России отторгнутые Японией территории.

Сталин не только не дрогнул перед атомной угрозой, которой Соединенные Штаты пытались шан-

тажировать Советский Союз, но и сам пригрозил шантажистам ответными мерами.

После окончания Второй мировой войны США и их союзники начали против России так называемую холодную войну. Сталин был готов и к такому повороту. Он отразил все дипломатические, экономические и идеологические нападки на Советский Союз. Россия стала могущественной сверхдержавой, без мнения и согласия которой не решалась ни одна серьезная проблема в мире.

Даже откровенный враг Страны Советов и коммунизма, английский премьер-министр Уинстон Черчилль, выступая в палате общин 21 декабря 1959 года, в день 80-летия Сталина, признал его выдающуюся роль в мире.

«Он был самой выдающейся личностью, импонирующей нашему изменчивому и жестокому времени того периода, в котором проходила его жизнь.

Сталин был человеком необычайной энергии и несгибаемой силы воли, резким, жестоким, беспощадным в беседе, которому даже я, воспитанный здесь, в Британском парламенте, не мог ничего противопоставить. Сталин прежде всего обладал большим чувством юмора и сарказма и способностью точно воспринимать мысли. Эта сила была настолько велика в Сталине, что он казался неповторимым среди руководителей государств всех времен и народов.

Сталин произвел на нас величайшее впечатление. Он обладал глубокой, лишенной всякой паники, логически осмысленной мудростью. Он был непревзойденным мастером находить в трудные моменты пути выход из самого безвыходного положения. Кроме того. Сталин в самые критические

моменты, а также в моменты торжества был одинаково сдержан и никогда не поддавался иллюзиям. Он был необычайно сложной личностью. Он создал и подчинил себе огромную империю. Это был человек, который своего врага уничтожал своим же врагом. Сталин был величайшим, не имеющим себе равных в мире, диктатором, который принял Россию с сохой, а оставил ее с атомным оружием.

Что ж, история, народ таких людей не забывает».

Напомню, это говорил «враг № 1», ярый противник Сталина, Советского Союза и коммунистического движения, говорил, когда Сталина уже не было в живых.

А что мы теперь слышим о Сталине в стране, одержавшей блестательные победы под его руководством? Увы, совсем другие слова. Сталина обвиняют в садизме, самодурстве, пьянстве, безнравственности, в отсутствии тактического и стратегического мышления, в убийстве собственной жены, в предательстве, а также в том, что Гитлер никогда бы не напал на Советский Союз, если бы Сталин не спровоцировал его. Не правда ли, версия вполне в духе геббельсовской пропаганды? Договорились даже до того, что именно Сталин готовился напасть на Германию, а Гитлер только упредил нападение. Словом, Гитлер — этакая скромная овечка, а Сталин — самый что ни на есть лютый зверь.

Что можно сказать об этих выпадах? Во-первых, очевидно, следует спросить: откуда взялось такое мнение и чье оно? Как известно, пословица гласит: нет пророка в своем отечестве. Видимо, здесь срабатывают черная зависть, неблагодарность, собствен-

ная корысть и тщеславие, которые многим туманят рассудок. Как правило, люди, обладающие подобными качествами, крикливы, говорливы, безапелляционны. Не имея таланта или хотя бы способности подняться на уровень действительно выдающегося человека, они призывают его, думая, что таким образом возвысятся сами. Если они имеют еще и власть, то это сущее бедствие для страны.

* * *

Первым, причем ярым антисталинистом стал один из ближайших сподвижников Сталина, Никита Сергеевич Хрущев. О том, что толкнуло его на такой путь и какие последствия это вызвало в стране и мире — тема отдельного разговора. Сейчас важно отметить: хрущевская антисталинская пропагандистская кампания была с одобрением встречена всеми антисоветски настроенными западными политиками. Они не ожидали такого подарка. Хрущев дал им мощное идеологическое оружие против Советского Союза и социалистического устройства общественной жизни. Имя Сталина было знаменем в борьбе с империализмом, и империалистическая пропаганда с помощью Хрущева и его единомышленников постаралась это имя втоптать в грязь.

С неимоверной оперативностью в Советском Союзе была сформирована пятая колонна. Появилось немало новоявленных историков, философов, публицистов, экономистов и прочих «исследователей», которые стали доказывать, что эпоха Сталина — это эпоха мрака и тьмы, когда вся страна была превращена в тюремный лагерь, где людей мучили, убивали и морили голодом.

Одни историки и политологи запустили утку, что Сталин за годы своего правления уничтожил от 40 до 60 миллионов человек, а другой «мыслитель» и «специалист» по советскому образу жизни – Солженицын – «поправил» своих коллег и выдвинул новую версию, согласно которой Сталин лишил жизни 66 миллионов человек. О страшных сталинских злодеяниях рассказывалось на страницах центральных газет и в толстых журналах, о них изо дня в день вещало радио и телевидение. И никто – ни редакторы тех изданий, ни телевизионные комментаторы – даже не хотел задуматься над тем, что в их данных не вяжутся концы с концами. Хотя достаточно было только обратиться к статистике, и все бы стало на свои места.

Перед Первой мировой войной население России составляло 100 миллионов человек. С учетом рождаемости, смертности, иммиграции и жертв репрессий, по бухгалтерии критиков Сталина в стране должно было остаться менее 50 миллионов человек. Однако если заглянуть в справочники по переписи населения, то перед Второй мировой войной, к 1941 году, население Советского Союза составило 190 миллионов человек. Отсюда вывод: страна жила, росли города, рождались дети...

Однако критиков Сталина ни точность, ни достоверность не интересовали. Обливая его имя грязью, они не задумываясь переворачивают всю историю своей страны с ног на голову и неправду называют правдой.

К слову сказать, Сталин предсказывал свою судьбу и развитие событий после своей смерти: «И мое имя будет оболгано, оклеветано, – сказал он в одной

из бесед еще в 1937 году, — мне припишут множество злодеяний. Мировой сионизм всеми силами будет стремиться уничтожить наш союз, чтобы Россия никогда больше не могла подняться. Острое борьбы будет направлено, прежде всего, против дружбы народов СССР, на отрыв окраин от России. С особой силой подымет голову национализм. Возникнут националистические группы внутри наций, появится много вождей — пигмеев, предателей внутри своих наций...»

Предсказания Сталина сбываются. Его имя оболгали и оклеветали. Появилось много вождей-пигмеев, и за каждым из них множество преступлений против собственного народа.

Такими вождями-пигмеями были Хрущев, Горбачев, Ельцин, Шеварднадзе, Кравчук, Шушкевич и многие другие. Горбачев, как выяснилось позже, просто оказался предателем народа и идеологическим противником социалистического развития общества, в чем он не постеснялся признаться, выступая на семинаре американского университета в Турции. Он так и сказал: «Целью моей жизни было уничтожение коммунизма». И далее: «...Мне удалось найти сподвижников в реализации этой цели. Среди них особое место занимают А.Н. Яковлев и Э.А. Шеварднадзе, заслуги которых в нашем общем деле просто неоценимы. Мир без коммунизма будет выглядеть лучше».

Таково мнение Горбачева и его приспешников. Однако, бросая страну в дикий капитализм, мнения простых людей они, все эти горбачевы, яковлевы, шеварднадзе, ельцины и прочие, не спрашивали, а действовали тихой сапой, исподтишка, грязными

методами. Разваливалась промышленность и сельское хозяйство, сокращалось производство, росли цены, падал жизненный уровень людей, обострялись внутринациональные проблемы, рос внешний долг; то в одном, то в другом месте возникали региональные и военные конфликты, появились первые безработные... И чем хуже становилось положение в стране, тем громче и криклинее звучала критика Сталина. Важнее и актуальней проблемы тогда не существовало. Противники социалистического (читай — справедливого) устройства общественной жизни, пробравшись на самый верх, списывали творимый ими развал и разбой на Сталина, сделав его своеобразным громоотводом от гнева народа.

* * *

Когда в стране назрел кризис и авторитет Горбачева в народе упал до нулевой отметки, он стал лихорадочно искать выход из создавшейся ситуации. В его ближайшем окружении созрела идея: «Нужно отвлечь людей от внутренних дел и переключить их внимание на международные успехи. Хорошо бы тебе встретиться с английской королевой. Нужно только дать команду нашей «независимой» прессе, чтобы она растрезвонила об этом событии. Назвала его историческим, эпохальным, судьбоносным. Словом, они знают, как это делать».

Идея понравилась Горбачеву, и он ее высказал английскому премьер-министру Маргарет Тэтчер, которая симпатизировала Горбачеву и на всех политических перекрестках нахваливала его, утверждая, что Михаил Сергеевич «наш человек» и с ним можно и нужно иметь дело. «Железная леди», как назы-

вали Тэтчер современники, видела и другое. Она понимала, что Горбачев, развалив страну, находится на краю пропасти, а встреча с королевой ему нужна для прикрытия и отвлечения общественного внимания. Тем не менее, она пообещала Михаилу Сергеевичу сделать все возможное, чтобы его встреча с Елизаветой II состоялась как можно быстрее.

* * *

Горбачеву не отказали во встрече с английской королевой, а поставили условия, при которых она может состояться. В очень мягкой, чрезвычайно деликатной форме Тэтчер сообщила Михаилу Сергеевичу, что Августейшая семья не может простить коммунистам, которых представляет Горбачев, уничтожение царской семьи. В то же время Ее Величество королева Елизавета II, прямая внучка английского короля Георга V, кузена Николая II, понимает, что Горбачев не может нести всей ответственности за убийство царской семьи. Поэтому она готова принять его, но при условии, что Горбачев выполнит ее просьбу — перезахоронит прах Николая II и его семьи из того тайного места, где он ныне покоится, в освященную христианским обрядом усыпальницу, куда она, королева Английская, в ходе своего визита в СССР могла бы возложить цветы.

Пожелание королевы Тэтчер высказала с обворожительной улыбкой. Горбачев также улыбался. Его провинциальному самолюбию льстило, что его может принять английская королева. Он уже представлял себе, какой это вызовет фурор в СССР и за рубежом, как поднимется его авторитет...

— Передайте ее королевскому величеству, — сказал Михаил Сергеевич, — что я с радостью выполню ее просьбу.

* * *

С того момента началась мощная пропаганда по взвеличиванию Николая II и еще большая критика Сталина. Причем они велись с такими натяжками и извращениями, что можно только диву даваться. Проводились, в частности, такие параллели: Николай II был высокообразованным человеком и военным стратегом (вспомним, он проиграл две войны), но он всю жизнь оставался полковником, так как царь Александр III, его отец, не успел присвоить ему генеральского звания. Stalin нигде не учился, не закончил даже духовной семинарии (вспомним, под руководством Сталина была выиграна величайшая битва XX века), но сам себе присвоил звание генералиссимуса.

Николай II — прекрасный семьянин, замечательный отец и муж, а Stalin двоих своих сыновей погнал на фронт, из которых один спился, а другой попал в плен. Его можно было спасти, обменяв на плененного фельдмаршала, как предлагали немцы, но Stalin, в силу своей жестокости, не стал этого делать и бросил своего сына на поругание врагам. Можно только представить, какой шум подняли бы нынешние критики Сталина, если бы он дал согласие на такой обмен. Своего сына, мол, спас, обменяв на фельдмаршала, а за сыновей России, гибнущих на фронтах, у него душа не болела. Что касается жены Сталина, то он, по одной трактовке «исследователей», убил ее собственноручно, а по другой — довел до самоубийства.

Николай II был одним из образованнейших и культурнейших монархов конца XIX и начала XX веков. Он дал мощный толчок развитию науки, искусства и строительству железных дорог, Сталин — уничтожал науку и презирал искусство. И так далее, и тому подобное...

* * *

Известно, что Сталин был скромным в быту. Он бескорыстно служил Родине. Дети и внуки Сталина не унаследовали от отца и деда никаких богатств и сами себе зарабатывают на хлеб.

Нынешние вожди-пигмеи беспребельно обогатились и продолжают обогащаться за счет народа. Они уже столько награбили, что их богатств хватит на роскошную жизнь не только их детям и внукам, но и прапраправнукам. Однако, «независимые» СМИ об этом скромно умалчивают, а пишут о сталинских дачах и его зарубежных счетах, на которых якобы хранятся украденные у народа деньги. Вот уж, поистине, вор кричит: «Держите вора». Естественно, ответственности за клевету никто не несет, и сознание людей затуманивается, в душу начинают закрашиваться сомнения — ведь не бывает дыма без огня.

* * *

Беспрецедентную кампанию по возвеличиванию Николая II и огульную критику Сталина возглавили Михаил Сергеевич Горбачев и его верный советник — член Политбюро Александр Николаевич Яковлев. Однако здесь вышла промашка. В КГБ узнали о связях Александра Яковлева со спецслужбами США,

о чем и доложил Горбачеву руководитель этого ведомства Владимир Крючков. Однако Генсек сделал вид, что не понял, о чем идет речь, и просто отмолчался. Крючков ожидал случая, чтобы напомнить Горбачеву о предательстве Яковлева. Скоро такая возможность представилась. После очередного заседания Политбюро, когда все его участники начали расходиться, Горбачев попросил Крючкова задержаться. Как только все вышли, Горбачев сразу же приступил к делу.

— Владимир Александрович, что тебе известно о захоронении Николая Второго? — спросил он. — Печать трубит о необходимости перезахоронить его прах, а мы молчим, словно нас это не касается.

Председатель Комитета государственной безопасности ожидал от Горбачева любых вопросов, связанных с работой его ведомства, только не такого. В общем и целом он знал, что в Екатеринбурге есть люди, добровольно занимающиеся поисками захоронения Николая II и его семьи, официально же никто поиска не вел. Во-первых, КГБ такого дела никто не поручал, а во-вторых, казалось бы, сегодня есть более важные вопросы, чем поиски царских останков. И Крючков напомнил Горбачеву о связях Яковлева с американскими спецслужбами.

— Все это болтовня, — обозлился Горбачев, — этого не может быть.

— Но есть доказательства, — возразил Крючков.

— Вот ты сам и доложи о них Александру Николаевичу.

Такая постановка вопроса не то что удивила, а просто потрясла Крючкова: вместо того чтобы обезвредить врага, пробравшегося в святая святых — По-

литбюро, Генеральный секретарь партии и президент страны советует предупредить его, что тот разоблачен. Если это не издевательство, то тогда... тогда это предательство на самом высоком уровне. Предательство, против которого не в состоянии бороться даже его всесильное ведомство.

Но и Горбачев понял, что он в открытую начал играть опасную игру.

— Не надо драматизировать, — попытался он смягчить неприятный для себя разговор. — Ты мне разыщи захоронение царя и его семьи, а потом мы разберемся и с Александром Николаевичем.

Говорить больше было не о чем, Крючков не стал даже спрашивать, зачем ему понадобились царские останки. Спустя несколько дней он доложил Горбачеву, что поисками захоронения Николая II и его семьи занята большая группа людей.

— Ты не тяни с этим делом, — сказал Горбачев, — нужно успокоить общественность и наших зарубежных друзей...

* * *

Скоро какие-то останки нашли под Екатеринбургом. Однако царские они или не царские — оставалось под большим вопросом. Пока эксперты и криминалисты изучали находку, новоиспеченный президент Российской Федерации Борис Ельцин в сговоре с таким же новоиспеченым президентом Украины Кравчуком и председателем Верховного Совета Белоруссии Шушкевичем, нарушив все мыслимые и немыслимые законы страны, подписали Беловежское соглашение и таким нехитрым способом выдернули из-под Горбачева кресло. Он оста-

вался президентом СССР, но страны с таким названием уже не было на карте мира. Встреча с английской королевой стала теперь для Михаила Сергеевича несбыточной мечтой.

Инициативу перезахоронения царских останков перехватил Ельцин — соперник Горбачева в борьбе за власть, но его верный последователь в деле развала страны, преданности западно-американской властной элите и ненависти к Советской власти, новый вождь-пигмей, возомнивший себя великим мыслителем. Он еще в большей мере развел ажиотаж вокруг царствования Николая II. «Независимые» печать, радио и телевидение продолжали трутить о великих достижениях последнего императора. По возрастающей шла критика Сталина, который продолжил дело тех, кто убил несчастного монарха, узурпировал власть и погубил великую Россию. При этом обязательно подчеркивалось, что Октябрьская революция явилась ошибкой, а строительство социалистического государства — неудачным и никому не нужным экспериментом.

Месяцами, изо дня в день, обсуждался вопрос: где должны покойиться останки царя и его семьи — в Москве или Петербурге. После долгих дискуссий было принято решение, что прах Николая II и его семьи должен покойиться в Северной столице, а сопровождать царские гробы к месту захоронения должны Ельцин и Патриарх Всех Руси. Однако Алексий II сразу же отказался от участия в похоронной процессии, сославшись на то, что церковь не уверена в том, что найденные в Екатеринбурге останки принадлежат царю и его семье. Ельцин не говорил ни «да», ни «нет». Оглядываясь на своего шефа, застыли в нере-

шительности губернаторы и конъюнктурные политики. Но ни на минуту не затихали страсти на телевидении и в печати, сотни «независимых» комментаторов, публицистов и правоведов, поливая грязью Сталина и всю историю советского периода, настоятельно толкали Ельцина к участию в проведении траурных мероприятий.

— Отсутствие первых лиц при захоронении царских останков, — кликушествовал популярный комментатор НТВ Киселев, — позор для России. Русский народ будет опозорен в глазах всего мира. Бесчувствие и равнодушие россиян к такой выдающейся личности, каким был последний царь, непростительны.

Ельцин в конце концов вышел из ступора. В последний момент он решился все же вскочить на подножку царского катафалка и помчался в Петербург. Комментаторы и политики оценили его поступок как сильный политический шаг. Вслед за Ельциным в Петербург помчалась и официальная делегация, туда же полетели губернаторы, политики и советники. Тут же, как водится, принялись чихвостить коммунистов и требовать суда над ними. Но вот слово взял Ельцин.

— Виноваты мы все, — заявил Борис Николаевич. — Нам нужно покаяться....

Десятки миллионов людей, слушавших выступление Ельцина по телевизионным каналам, не понимали, в чем их вина и в чем они должны каяться. Покаяться над царскими останками означало для них признать себя виновными в падении самодержавия, перечеркнуть историю великой страны, отречься от самопожертвования отцов и дедов и при-

знать законной нынешнюю контрреволюцию, уничтожившую Советский Союз и приведшую людей на грань вымирания. «Толмачи», комментирующие речь Ельцина, разъяснили народу смысл его выступления. По их мнению, Ельцин призывал народ к примирению и согласию в обществе.

Народ безмолвствовал.

* * *

Все, что происходит сегодня в нашей жизни, тесно связано с минувшим. Хотим мы того или нет, но на нас, на всем ныне живущем поколении лежит печать прошлого. Ни уйти от этого, ни спрятаться. Да и не нужно ни уходить, ни прятаться. Прошлое надо принимать таким, какое оно есть.

В нем ничего уже не исправишь. Нельзя его ни хулить, ни приукрашивать. Это наш опыт, который помогает нам не наступать дважды, как говорится, на одни и те же грабли. Вспомним слова А.С.Пушкина: «Ни за что на свете я бы не хотел переменить отчество и иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал».

Однако мы, к сожалению, не учимся ни на своих, ни на чужих ошибках. Все у нас не так, и каждый раз с приходом нового правителя начинаем переписывать свою историю с чистого листа. Или хуже того — все переиначивать на другой лад. Нынешнему поколению уже и не понять, что собой представляло царствование Николая II, каким человеком он был. Конъюнктурные политики, историки, философы, писатели, экономисты, деятели искусств окончательно исказили этот период времени. Если до горбачевской перестройки его называли самым мрач-

ным, развратным и коррумпированным, а Великую Октябрьскую социалистическую революцию — закономерной, то сегодня, в начале третьего тысячелетия, те же самые политики, историки, философы, экономисты, деятели искусств утверждают прямо противоположное.

Я не могу согласиться ни с одним из этих расхожих мнений и задаю себе вопрос: когда же меня обманывали? Раньше, когда ругали Николая II и его эпоху, или сейчас, когда его хвалят на все лады и даже возвели в ранг мученика? Где истина? Я решил докопаться до нее самостоятельно. Прежде всего обратился к письменным источникам, к воспоминаниям тех людей, кто жил в ту эпоху и непосредственно встречался с последним российским императором. Очевидно, их свидетельствам можно верить. Кроме того, большим подспорьем для понимания событий столетней давности являются документы, письма и дневники монарших особ. Они, на мой взгляд, наиболее ярко характеризуют жизнь, привычки, мысли и настроения тех лет. Тут все как на ладони.

А выводы? Выводы мы можем сделать и без посторонних подсказок. В том числе и самый главный — была ли Великая Октябрьская революция объективной необходимостью или же она, как утверждают наши «демократы» и некоторые нынешние историки, злой умысел Ленина, мстившего самодержавию за смерть казненного брата Александра.

НИКОЛАЙ II

Конец августейшей династии

(19 мая 1868 — 17 июля 1918)

Император и Самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский; Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Польский, Царь Сибирский, Царь Херсонеса Таврического, Царь Грузинский; Государь Псковский и Великий Князь Смоленский, Литовский, Волынский, Подольский и Финляндский; Князь Эстляндский, Лифляндский, Курляндский и Семигальский, Самогитский, Белостокский, Корельский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных; Государь и Великий Князь Новагорода низовские земли, Черниговский, Рязанский, Полоцкий, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский, Витебский, Мстиславский и всея северные страны Повелитель; и Государь Иверские, Карталинские и Кабардинские земли и области Арменские; Черкасских и Горских Князей и иных Наследный Государь и Обладатель, Государь Туркестанский; Наследник Норвежский, Герцог Шлезвиг-Гольштейнский, Сторманский, Дитмарсенский и Ольденбургский и прочая, и прочая, и прочая».

Последний российский самодержец Николай II появился на свет 19 мая 1868 года. Он был первенцем в семье императора Александра III. За ним родились Георгий, Ксения, Михаил и Ольга. По существующему обычаю первый мальчик, родившийся в царской семье, являлся наследником престола. Однако произойти это должно было очень не скоро. Александр III, его отец, обладал могучим здоровьем. Он мог гнуть подковы и поднимать немыслимые тяжести. О его силе ходили целые легенды. Рассказывали, что во время крушения императорского поезда в Борках он смог удержать на своей спине груду искореженного металла и таким образом спас жену и детей, а «затем, — писал в своих воспоминаниях Витте, — и сам спокойно вышел из вагона».

Первое и самое сильное потрясение цесаревич испытал в 1881 году, когда был убит Александр II, его дед, прозванный в народе за отмену крепостного права «Царем-Освободителем». Трагедия случилась, когда царская карета ехала по набережной Екатерининского канала. Бомбой, которую метнул террорист-народоволец, Александру II оторвало обе ноги, изуродовало лицо и живот.

Он умирал в Зимнем дворце. Агония императора продолжалась 45 минут. Все это время двенадцатилетний Ники находился в комнате умирающего. На мальчика в простой матросской куртке, с худой шеей и красивыми, как у матери, глазами никто не обращал внимания. Никто не задумывался над тем, какое впечатление произвело на него убийство его

деда, Императора Всех Руси. Что касается самого цесаревича, то он был еще не в состоянии до конца понять все происходящее, хотя и не был уже таким несмысленышем, чтобы не реагировать на окружающее. Однако он еще не знал, что убийство деда — это кровавый знак его судьбы, под которым пройдет все его царствование от начала до конца.

Когда придворный лейб-медик объявил: «Государь император скончался», Ники все еще был в комнате, а новый царь, его отец, Александр III, торопливо вышел. Он не был готов к управлению страной. Его страшил даже сам Петербург. Он боялся широких проспектов и пустынных площадей, где какие-то темные личности, именуемыми революционерами-народниками, упражнялись в охоте за царем. Александр III решил покинуть город и перевел свой двор в Гатчину.

В 1712 году Петр Великий подарил Гатчину своей сестре Наталье Алексеевне, после смерти которой она сменила нескольких владельцев, пока не была куплена Екатериной II. Та подарила Гатчину своему фавориту и организатору дворцового переворота Григорию Орлову, который и построил в своем поместье ныне существующий дворец.

В 1783 году Екатерина II выкупила у Орловых Гатчину и подарила ее наследнику престола Павлу Петровичу, превратившему Гатчинский дворец в своеобразную крепость, с хитроумными ходами и ловушками, с рвами и сторожевыми башнями, которые потайными ступенями соединялись с царским кабинетом.

В кабинете имелся люк, через который можно было неожиданно сбросить человека в воду на острые камни. Внизу существовали скрытые лестницы,

спускающиеся в глубокие казематы и в подземный ход, ведущий к озеру.

К тому времени, когда Александр III решил перебраться в Гатчину, все здесь находилось в запустении. Здесь не желали жить ни Александр I, ни Александр II. Все тут, кроме роскошного парка, было серо и скучно. Это было хорошее место для почетной ссылки, но оно совсем не подходило для управления государством со стомиллионным населением. Однако новый царь, видимо, так не думал. Он хотел здесь уберечься от бомбы или пули террориста.

По его распоряжению были восстановлены все защитные сооружения, построенные Павлом I, и созданы новые. Александр III приказал установить в подземельях автоматические приборы для того, чтобы террористы не смогли сделать подкоп. Такими же приборами были оборудованы и подземные галереи. Установлена строгая пропускная система.

Наставник и учитель императора Победоносцев даже сочинил для царя специальную памятку-инструкцию: «Ради бога, — писал он, — примите во внимание нижеследующее.

1. Когда соберетесь ко сну, извольте запирать за собой дверь не только в спальне, но и во всех следующих комнатах, вплоть до входной. Доверенный человек должен внимательно смотреть за замками и наблюдать, чтобы внутренние задвижки у створчатых дверей были задвинуты.

2. Непременно наблюдать каждый вечер перед сном, целы ли проводники звонков. Их легко можно подрезать.

3. Наблюдать каждый вечер, осматривая под мебелью, все ли в порядке.

4. Один из ваших адъютантов должен ночевать вблизи от Вас, в этих комнатах.

5. Все ли надежные люди, состоящие при Вашем Величестве? Если кто-нибудь был хоть немного сомнителен, можно найти предлог удалить его...»

Принимались и другие меры безопасности. Царь констатировал: «Я не боялся турецких пуль (он был участником русско-турецкой войны) и вот должен прятаться в своей стране».

Естественно, что внешняя обстановка накладывала печать на весь внутренний мир семьи. Здесь не чувствовался пульс огромного многомиллионного государства с его заботами, тревогами и нуждами. Наезды министров в царскую усадьбу и их доклады вносили мало разнообразия в мещанский быт императора. Он жил своей жизнью, отдаленной и отделенной от страны высокими стенами.

Вот в такой обстановке протекали детские годы Николая. Александр III не слишком заботился о том, чтобы привить наследнику престола те знания в управлении страной, которые ему будут необходимы. Подготовка наследника по плану должна была завершиться примерно к 30 годам. Однако это произошло раньше... Осознавал ли Николай важность его будущей роли, думал ли о великой ответственности правителя страны перед народом?

Первый наставник цесаревича

Царских сыновей учили домашние учителя. Наставником у Николая был все тот же Победоносцев, который воспитывал и его отца Александра III. Он являлся обер-прокурором Священного синода и одновременно воспитателем наследника престола. По-

бедоносцев был человеком крайне консервативных взглядов даже для своего времени. Незыблемые принципы, которые он проповедовал, сводились к двум постулатам: самодержавие и православие. Все, что не вписывалось в эти понятия, он отвергал и называл крамолой. Даже намеки на какие-либо реформы вызывали у него раздражение. Он называл их «...базаром прожектов... шумихой дешевых и низменных страстей». «Конституция, — внушал он своему воспитаннику, — это первая и самая ужасная язва... Газеты — царство лжи; избирательное право — роковая ошибка, парламент — это институт для удовлетворения личных амбиций и тщеславия его членов».

Победоносцев, будучи, по существу, министром по вопросам религии, проводил очень жесткую конфессиональную политику. Подвергались гонению евреи, мусульмане, протестанты, католики... Именно Победоносцев подписал в 1901 году документ об отлучении Л.Н. Толстого от церкви.

«Царь, — внушал Победоносцев наследнику престола, — это помазанник Божий. Божий промысел не допускает вмешательства народа в управление государством. Следовательно, царь, который не правит единолично, не исполняет обязанности, возложенной на него Всевышним».

Наставления и уроки этого убежденного реакционера сослужили Николаю плохую службу, когда он, став императором, пытался претворить его идеи в реальную жизнь.

Наследник престола

Прошло детство, отрочество и юность. Какими же знаниями, кроме наставлений Победоносцева,

овладел ко времени своего совершеннолетия наследник престола? К 22 годам он великолепно ездил верхом, еще лучше танцевал, метко стрелял, в совершенстве владел (лучше, чем русским) английским, немецким и французским языками. Его приучили вести дневник, куда он записывал все свои устремления, размышления и деяния. Собственно, дневник — это зеркало его жизни, документ, свидетельствующий об интеллекте и интересах наследника в зрелые годы. В мае 1890 года он делает такую запись в дневнике: «Сегодня окончательно и навсегда прекратил свои занятия».

Таким образом, учеба закончилась к 22 годам. Что дальше? Следовало ожидать, что цесаревич будет вникать в премудрости государственного управления. Ознакомится с положением дел в образовании, исследует направление, по которому идет Россия и сопоставит ее развитие с другими странами, задумается о нуждах народа и попробует найти какое-либо решение, чтобы облегчить их жизнь. Словом, работы для человека, который не сегодня, так завтра станет во главе государства, непочатый край. Однако все эти проблемы интереса у наследника не вызывают. Его, судя по документам, больше всего привлекал праздный образ жизни. Вставал он поздно, с головной болью после очередного кутежа. «Как всегда после бала, — пишет он в дневнике, — чувствовал себя ненормально. В ногах слабость. Встал в 10^{1/2}; я уверен, что у меня сделалась своего рода болезнь — спячка, т.к. никакими средствами добудиться меня не могут». Зимой он завсегдатай катка, где катается с сестрой Ксенией и тетей Эллой. «На катке очень весело, — пишет он. — Я во всю мочь развлекался».

Ужинали в ресторане или у кого-то из знакомых, где хозяева устраивали для высоких гостей развеселые концерты.

Особой страстью Николая были светские развлечения. В январе 1890 года он 20 раз был в театре, опере или балете, иногда дважды в день. Наследник был желанным гостем на званых вечерах, где собравшихся развлекал оркестр императорского флота. Два-три раза в неделю цесаревич отправлялся на ~~бал~~. «Пение, пляски продолжались до первого часа... сели за ужин в 3 $\frac{1}{2}$ утра».

Были у Николая и «серые» обязанности. Когда ему исполнилось 19 лет, Александр III выделил под его начало эскадрон казаков. Но, по сути, военная служба цесаревича больше походила на игру в солдатики. Он садился на белого коня, прикладывал к козырьку руку, а мимо него рысью носились казаки. После такого представления начиналась по пойка. 25 июня 1887 года он пишет в своем дневнике: «Было принято соответствующее количество влаги, пробовал шесть сортов портвейна и слегка надрызгался, лежали на лужайке и пили, был отнесен офицерами домой».

Факты. Сопоставления. Размышления

Вот такие познания у Николая II были в военном деле, с которыми он позднее ввязался в Перову мировую войну. Но самое удивительное, пожалуй, заключается в том, что горбачевские «перестройщики» и новоявленные демократы, критикуя Сталина, каждый раз подчеркивали полководческие достоинства последнего российского императора. Как уже говорилось, по их мнению, Николай II имел военное

образование, владел стратегическим искусством и скромно ходил в полковниках, тогда как Сталин, не имея военного образования, не владея стратегией и тактикой ведения военных операций, присвоил себе звание маршала и генералиссимуса. При этом они считают, что Россия одержала блестательную победу во Второй мировой войне не благодаря руководству Сталина, а вопреки ему, и умалчивают, что Николай II, будучи Верховным главнокомандующим, не выиграл ни одного сражения и кончил военную карьеру тем, что армейские генералы отказали ему в доверии.

Кругосветное путешествие

Весной 1890 года, в возрасте 22 лет, Николай, будучи театральным завсегдатаем, присматривался к молоденьким и симпатичным балеринам. Как ярый поклонник балетного искусства он критически оценивал их ножки и гибкость. Из всей труппы императорского балета он особо выделял танцовщицу Матильду Кшесинскую. Она была хороша собой, невысокого роста, гибкая, с гордо изогнутой шеей, полногрудая, что особенно нравилось наследнику. Кшесинская вскоре целиком завладела его помыслами. Он не пропускал ни одного спектакля с ее участием, бывал за кулисами в ее уборной, а потом увозил с собой.

Естественно, император и императрица знали об увлечении Николая, но смотрели сквозь пальцы на юношеские забавы отпрыска, считая его интерес к юной балерине временным и несерьезным. Однако скоро дела стали принимать нежелательный оборот. Николая повсюду видели только в обществе Матиль-

ды. Пошел даже слух, что он собирается на ней жениться. Это переполнило чашу терпения родителей. На семейном совете было принято решение охладить пыл Николая, отправив его в кругосветное путешествие. Вдали от Матильды он забудет про нее, и слухи поутихнут, и мальчик образумится.

Снаряжение большой и дорогостоящей экспедиции вокруг света для достижения подобной цели может у нас, людей конца ХХ и начала ХХI века, вызвать только улыбку. Путешествие Николая было бы оправданным, если бы он, как будущий Российский император, стремился пополнить свое образование, укрепить международные отношения России, завязать дипломатические и экономические связи с государствами, проявляющими интерес к России. Однако это, видимо, не входило в планы экспедиции, иначе почему в ее состав не были включены грамотные и дальновидные политики?

Николай и его брат Георгий отбыли в дальний путь на броненосце «Память Азова» в окружении товарищей по Преображенскому и гусарскому полкам. С теми самыми собутыльниками, с которыми они весело проводили время и дома. Поэтому немудрено, что сразу же после отплытия на броненосце установилась атмосфера безудержного веселья. Полное безделье и кутежи приводили к полушуточным-полусерьезным выяснениям отношений и схваткам. В одной из таких потасовок, как утверждали очевидцы, Георгий Александрович упал с лестницы и расшиб себе грудь, что, по мнению специалистов, обострило туберкулезный процесс, заболеванием которого страдал великий князь. Его пришлось ссадить в одном из портов и отправить домой.

А Николай продолжил путешествие. Одна за другой перед его взором мелькали европейские и азиатские страны. Он ездил на верблюдах и слонах, охотился на тигров и крокодилов — словом, развлекался всеми возможными способами. Однако такая бесшабашная жизнь не могла кончиться благополучно. В Японии с ним произошел трагический случай. Здесь на него с мечом в руках бросился самурай. Клинок, нацеленный в голову, нанес серьезную травму. Причины, побудившие японца напасть на наследника, так и остались невыясненными. По одним сведениям, нападение было совершено религиозным фанатиком за непочтительное отношение Николая и его спутников к японским святыням во время посещения храма; по другим — это была месть самурая, жена которого приглянулась цесаревичу. Как бы там ни было, но у Николая II на всю жизнь остался шрам и горький осадок раздражения против Страны восходящего солнца, столь оригинально проявившей свое гостеприимство. Рана, нанесенная самураем, оказалась серьезнее, чем предполагалось. Николая с той поры начали мучить головные боли. Такой постоянный болевой синдром, как правило, приводит к основательному расстройству психики и к изменению интеллекта. Так что удар японского самурая по голове будущего императора наложил отпечаток на все его царствование и, возможно, стал одной из причин последующих печальных событий не только для него самого, но и для страны.

Возвращение Николая домой было ознаменовано, выражаясь современной терминологией, культурно-массовым мероприятием — 31 мая во Владивостоке состоялась торжественная церемония закладки

первого участка Великой сибирской магистрали. Николай лично высыпал первую тачку земли на по-лотно дороги. В конце XX века горбачевские «перестройщики» возвели это событие в подвиг и именовали Николая как великого монарха, давшего мощный толчок развитию железнодорожного транспорта.

Однако все обстояло далеко не так просто. Начало строительства этой дороги было нужно не только государству, но и казнокрадам, которые в России слетаются на всякие государственные проекты, особенно предполагающие крупные денежные расходы.

К слову сказать, подобная практика сохраняется и поныне. Что касается закладки строительства Великого сибирского пути, то этот проект оказался не только преждевременным, но и вредным для страны. Россия тех лет могла смело идти на восток морем, ничего не опасаясь. Стратегическое же значение одноколейной дороги, проходящей через чужую территорию (Маньчжурию), без ее охраны от недовольных политикой России (а такие всегда были и будут), могло только ухудшить экономическое положение страны и явиться ахиллесовой пятой российской военной организации. Мыслящие современники еще до начала закладки сибирского пути критиковали затею. «Это колоссальное предприятие, — писал в своей книге «Последний самодерjeц» В.П. Облонский, — которое в руках культурного и правового государства могло иметь решающее значение как фактор обогащения и влияния, для России оказалось поводом к одному из тех крахов, которые, точно толкаемые роком, сами создают себе абсолютные монархи».

На Востоке, где хорошо взвешивали всякий шаг России, не замедлили учесть все дефекты, технические, военные и административные, коими страдала постройка сибирского пути и которые ярко свидетельствовали о слабости правительства, о разложении власти, о господствующем стремлении к расхищению народных средств.

Однако Николай не мог или не хотел глубоко вникать в ситуацию. Под дружные «ура» и аплодисменты он, как уже сказано, привез тачку песка, воткнул в него лопату, расписался в книге почетных гостей и поехал через всю Сибирь «на перекладных». О чем думал наследник, поглядывая на безграничные просторы великой земли Русской, на бедные и редкие ее поселения? Интересовала ли его жизнь населяющих ее людей? Об этом мы никогда не узнаем. Однако есть все основания предполагать, что он был глубоко равнодушен к тому, что видел. Правящая верхушка, как известно, обладает великим искусством не видеть то, что видеть не хочется — нищету, голод, страдания народа.

Поспешный брак

Путешествие никак не повлияло на цесаревича. Он снова погрузился в прежнюю жизнь, вернувшись к тому же, от чего его пытались уберечь. Опять пошли веселые кутежи, театры, встречи с Матильдой.

Описывают такой случай. Министр финансов Витте предложил царю назначить наследника председателем Комитета по сооружению Великого сибирского пути, того самого пути, начало которому положил Николай. Император был нескованно удив-

лен этим предложением. Между царем и министром состоялся интересный разговор.

— Как?! — удивился царь. — Да вы знаете цесаревича?

— Как же, ваше величество, я могу не знать наследника-цесаревича?

— Да, но вы с ним когда-нибудь о чем-нибудь серьезном разговаривали?

— Нет, ваше величество, я не имел счастья говорить с наследником.

— Да ведь он, — сказал император, — совсем мальчик, у него совсем детские суждения. Как же он может быть председателем комитета?

— Но ведь если вы, ваше величество, не начнете приучать (его) к государственным делам, он никогда к этому не приучится...

До двадцати шести лет Николай в основном развлекался, бражничал и волочился за балеринами. О том, что он скоро унаследует российский трон и ему придется управлять величайшим государством в мире, в котором живет стомиллионный народ, он думал мало. Расчет был на «авось» и «еще успеется». И для того, как ни странно, были все основания. Императору Александру III, отцу Николая, в 1894 году было всего 49 лет. Он рассчитывал царствовать еще лет 20—25. За это время, безусловно, он смог бы приобщить Николая к делам государства. Однако недаром говорят: человек предполагает, а Бог располагает.

Весной император заболел. Он долго крепился, скрывая свой недуг, и только когда стало невмочь, пригласили знаменитого московского диагностика профессора Захарьина на осмотр и консультацию

больного. Но эскулап только развел руками — положение оказалось безнадежным. Могучий организм Александра, подорванный в молодости алкоголем, был сражен нефритом. Врачи рекомендовали царю отдых и лечение в Крыму. Но и там здоровье императора не улучшилось.

Ощущив приближение рокового исхода, августейший двор стал думать-гадать о судьбе государства. Что касалось способности Николая управлять страной, тут двух мнений быть не могло. Но и сидеть сложа руки было уже нельзя. Решили для начала упрочить положение будущего монарха срочной женитьбой. Но и здесь возникли проблемы. Естественно, о женитьбе Николая на балерине речь не шла. Рассматривали более подходящие варианты. Родители предлагали ему в жены принцессу Елену Французскую, дочь графа Парижского, претендующего на французский престол. Однако Николай не согласился с мнением Александра. Принцесса Елена также возражала против этого брака. Она не хотела менять римско-католическую религию на православие, в которое обязана перейти будущая русская императрица.

Была сделана попытка сосватать Николаю принцессу Маргариту Прусскую. Однако цесаревич решительно отказался принять и это предложение, а Маргарита, в свою очередь, также, как и Елена Французская, заявила, что не собирается менять конфессиональную принадлежность.

Осталась одна кандидатура в жены Николая — Гессен-Дармштадтская принцесса Алиса. Полное ее имя — Алиса-Виктория-Елена-Луиза-Беатриса. Она родилась на четыре года позже Николая, в 1872 году, в старинном немецком городке Дармштадте, непо-

далеку от Рейна и была названа Алисой в честь своей матери, английской принцессы.

Николай впервые встретился со своей будущей женой, когда той было 12 лет. Она приезжала на бракосочетание своей старшей сестры Эллы, будущей великой княгини Елизаветы Федоровны, и великого князя Сергея Александровича, младшего брата Александра III.

Спустя несколько лет Алиса вновь появилась в столице. По рассказам современников, Николай и Алиса симпатизировали друг другу. Это подтверждается и записью в дневнике Николая. «Моя мечта, — писал он в 1889 году, — когда-либо жениться на Алисе». Однако императрице и Александру Алиса не понравилась. Несмотря на свою красоту, претендента на руку Николая большого впечатления на императорский двор не произвела.

В общем, сватовство тогда не состоялось. При дворе Алису окрестили «Гессенской мухой», и она, как говорится, не солено хлебавши, вернулась в Дармштадт, в дом своих родителей.

Болезнь Александра круто изменила обстоятельства в пользу Алисы. Родители в спешном порядке дали «добро» на брак с дармштадтской принцессой, и Алиса со своими скромными пожитками приехала в Крым, где доживал свои последние дни Александр III. Он еще нашел в себе силы благословить молодых, и 20 октября 1894 года скончался.

На второй день после его смерти был издан манифест. «Посреди скорбного испытания, — говорит-ся в этом документе, — которое всем нам послано по неисповедимым судьбам Всевышнего, веруем со всем народом нашим, что душа возлюбленного ро-

дителя нашего в селениях небесных благословила избранную по сердцу Еgo и нашему разделять с нами верующею и любящею душою непрестанные заботы о благе и преуспеянии нашего отечества».

Слог манифеста казенный и невразумительный, а пожелания, высказанные в нем, так и остались только добрыми пожеланиями по целому ряду причин. Во-первых, Николай не был подготовлен к роли правителя огромного государства, а Алиса не знала России и ее народа и, следовательно, не могла с ним «разделить... заботы о благе и преуспеянии отечества»; во-вторых, эти пожелания не могли быть выполнены и по чисто семейным обстоятельствам. Есть все основания предполагать, что Алиса затаила обиду на вдовствующую императрицу Марию Федоровну, которая не приняла ее в прежние годы как невесту Николая. Было очевидно: согласие на их брак получено не потому, что к Алисе изменили отношение, а лишь в силу сложившихся обстоятельств. Будущую императрицу огорчали неприязнь и настороженное отношение окружающих, но она знала, что скоро станет здесь хозяйкой и будет повелевать, а они, мать Николая и ее окружение, будут вынуждены подчиняться.

В свою очередь, Мария Федоровна понимала, что с женитьбой Николая ее положение также изменится, что им с Алисой не ужиться не только под одной крышей, но и в одном городе. Она видела, что за холодной красотой молодой невестки кроется жесткая, своеенравная и властная натура, которая легко подчинит мягкого, бесхарактерного Николая. А это может привести к неисчислимым бедствиям как для его личной жизни, так и для государства.

Предчувствие Марию Федоровну не обмануло. Она скоро почувствовала тяжелый характер моло-

дой невестки и покинула Санкт-Петербург. Жила в Дании, Киеве и практически не бывала в столице.

Но пока вся царская семья и народ России провожали Александра III в последний путь. Алиса шла рядом с Николаем, теперь уже императором Николаем II. Люди с каким-то суеверным страхом смотрели на молодую императрицу и передавали из уст в уста одну фразу: «Она пришла к нам за гробом — быть беде».

Естественно, Алиса их разговоров не слышала. Ее лицо не выражало ни скорби, ни участия ко всему происходящему. Все ее мечты сбылись. Она выходила замуж за человека, за которого и мечтала выйти. К тому же из бывшего нищенского Дармштадтского дома она оказалась вознесенной на вершину власти одного из могущественных государств мира и стала обладательницей несметных богатств.

Глава дома Романовых

Став всероссийским императором, Николай II стал главой дома Романовых, в распоряжение которого переходило огромное состояние. «Личные доходы императора складывались из трех источников:

1. Ежегодные ассигнования из средств Государственного Казначейства на содержание царской семьи. Это 11 миллионов рублей.
2. Доходы от удельных земель.
3. Проценты с капиталов, помещенных за границей в английских и германских банках.

В удельные владения входили сотни тысяч десятин земли, виноградников, охотничих угодий, промыслы, рудники, фруктовые сады...

Семья Романовых являлась обладательницей драгоценных сокровищ, среди которых была и Большая императорская корона со знаменитым бриллиантом «Орлов», не менее знаменитый скипетр с «Черной луной» — нешлифованным бриллиантом весом около 120 карат и «Полярной звездой» — бледно-розовым рубином в 40 карат».

К слову сказать, первый конфликт между Алисой и вдовствующей императрицей произошел именно из-за драгоценностей. Алиса с первых же дней стала настаивать на своем праве владеть частью фамильных украшений дома Романовых, а Мария Федоровна не торопилась с ней делиться. Вокруг этого и разгорелся семейный скандал, положивший начало обострению отношений между невесткой и свекровью.

Из недвижимого имущества императору принадлежали семь дворцов: Зимний и Аничков — в Петербурге, Александровский и Екатерининский — в Царском Селе, Большой дворец — в Петергофе, Гатчинский дворец, а также Большой Кремлевский дворец в Москве. Царскую семью обслуживали три тысячи дворцовых служащих, среди которых были гофмаршалы, церемониймейстеры, повара, камер-лакеи, камеристки... О таком богатстве и роскоши Алиса, проживая в своем заштатном королевстве, могла только мечтать.

О мыслях Николая, провожавшего отца в последний путь, мы можем лишь догадываться. Как уже говорилось, Николай не был подготовлен к управлению страной. Он не успел накопить для этого ни опыта, ни знаний. По рассказам современников, вначале он решил было во всем полагаться на братьев отца. Что ж, казалось бы, вполне естественное

желание и реальная возможность не наделать преступных глупостей в управлении государством. Но только при условии доброжелательных взаимоотношений и здравомыслии родственников. К сожалению, все обстояло не так хорошо, как хотелось бы.

У Александра III было четыре брата. Старший из них, великий князь Владимир Александрович, большой любитель охоты и застольй, балагур и весельчак, слыл покровителем изящных искусств, был президентом Академии художеств и одновременно командовал императорской гвардией. Такая разносторонность делала его дилетантом во всех областях. Единственное, что он глубоко и основательно знал, — это балет, где он активно покровительствовал хорошеньким балеринам.

Великий князь Алексей Александрович заведовал морскими делами, мнил себя великим флото-водцем и покорителем ближних и дальних морей. Однако большую часть времени он проводил на суше. Еще при жизни Александра III он, вместе с адмиралом Верховским, выпросил разрешение у императора на строительство кораблей хозяйственным способом. Деньги разворовывались, а корабли типа броненосца «Русалка», построенные сомнительными подрядчиками, переворачивались и шли ко дну. Алексей Александрович постоянно смущал своими действиями морское ведомство. В день Цусимского сражения он разъезжал по Петербургу подшофе и похвалялся: «Мы еще покажем этим япошкам, где раки зимуют».

Великий князь Сергей Александрович, генерал-губернатор Москвы, прославился своим суровым нравом и жестокостью. Во многом из-за его халат-

ности произошла Ходынская трагедия, так что он даже получил в народе титул «Князь Ходынский». О взглядах и умонастроении этого человека говорит хотя бы тот факт, что он запретил жене читать «Анну Каренину». Свою семейную жизнь он, по свидетельству современников, превратил в сущий ад. Дело кончилось тем, что его жена бросила свой дом и ушла в монастырь.

Самый младший, великий князь Павел Александрович, был всего на восемь лет старше Николая. Николай относился к нему с большой симпатией. У них было много общего. Но у Павла Александровича имелись серьезные проблемы в личной жизни (после смерти первой жены он женился на разведенной женщине. — Ред.), из-за которых он был удален от двора и многие годы провел за границей вдали от родины.

Вот такие были «наставники» у Николая II, которые обещали ему помочь и поддержку в управлении государством и на которых он опирался в течение первых десяти лет своего царствования.

У каждого дяди имелась своя свита, свои миссионеры, колдуны, ясновидящие, прорицатели, чудотворцы и медики, содержание которых обходилось очень недешево государевой казне. У тех также была огромная челядь, которая, в свою очередь, требовала для себя кусков и кусочков общественного пирога.

А тем временем экономика страны трещала по всем швам, народ нищал и голодал, тогда как кучка царственных вельмож обогащалась, блаженствовала и прожигала жизнь. И не было им никакого дела до обездоленного люда.

В народе росло недовольство, повсюду слышались слова «революция», «свобода», «справедли-

вость». Однако, когда об этом докладывали правительенным чиновникам, те реагировали довольно беспечно.

Армия слабела и была деморализована. Иностранные капиталы, искусно привлеченные министром финансов С. Витте, разворовывались, промышленность и сельское хозяйство находились в упадке. Новые железные дороги строились без стратегического расчета и глохли, ложась тяжелым бременем на экономику страны.

Новому императору выпала трудная судьба. Но он мог спасти свою страну, возродить ее к новой жизни — ведь он владел неограниченной властью и неограниченными возможностями. Но этому не суждено было произойти.

Свита нового царя заметно изменилась, но не в лучшую сторону. Свое окружение Николай формировал не по деловым качествам, а руководствуясь юношескими пристрастиями и симпатиями. Ко двору и в свиту императора стали входить люди с подмоченной репутацией и довольно сомнительными деловыми качествами. Не останавливался Николай и перед реабилитацией таких лиц, которых его отец наказывал за дела чисто уголовного порядка. Он их приближал к себе, за что они, стараясь заслужить его расположение, всячески угощали ему, искажая в своих докладах действительное положение вещей в стране и восхваляя его мудрость в управлении государством. Когда старейший генерал-адъютант Чертков попытался обратить на это внимание монарха, тот сухо ответил, чтобы он не вмешивался в его личные назначения.

Вскоре царский двор пополнился всякого рода ясновидящими, колдунами, прорицателями и просто шарлатанами, выдающими себя за святых. В их числе был и Распутин. Что касается здравомыслящих людей, действительно болеющих душой за судьбу страны и монархии, то они оказались на обочине, их мнением царь не интересовался. Ему казалось, что они покушаются на его власть. «Мне известно, — сказал он в своей первой тронной речи 17 января 1895 года, — что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекшихся бессмысленными мечтами об участии представителей земств в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что я, посвящая все силы свои благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незаветный покойный родитель».

Многие из присутствующих слушали царя с недоумением. Правда, оставалась слабая надежда на то, что речь новоявленного императора просто не очень хорошо продумана. Однако этим надеждам не суждено было сбыться. Вскоре многие стали замечать в молодом самодержце проявление жестокости, бессердечности и вместе с тем — детскую наивность, веру в обряды, чудеса, спиритические предсказания.

Помазанник Божий

Первое, что обращает на себя внимание: никто из современников Николая II не дает ему положительной оценки и не поминает добрым словом. По крайней мере, мне не удалось найти этого ни в воспоминаниях выдающегося судебного деятеля и ученого-юриста, блестящего оратора и талантливого

писателя Анатолия Федоровича Кони, ни в очерках публициста, служившего в одном из гвардейских полков в Царском Селе и близко наблюдавшего императора Виктора Петровича Обнинского, ни в мемуарах крупных политических деятелей того периода Сергея Юрьевича Витте и Михаила Владимировича Родзянко, ни в оценке английского дипломата сэра Джорджа Бьюкенена, ни у кого-либо другого.

«Мои личные беседы с царем, — пишет в своих воспоминаниях А.Ф. Кони, — убеждают меня в том, что Николай II несомненно умный...» И тут же делает оговорку: «если только не считать высшим развитием ума разум как способность обнимать всю совокупность явлений и условий, а не развивать только свою мысль в одном исключительном направлении».

В каком именно направлении развивал свою мысль император, Кони не уточняет. Говоря о достоинстве, он отмечает: «Если считать безусловное подчинение жене и пребывание под ее немецким башмаком семейным достоинством, то он им, конечно, обладал».

Одним словом, мыслительные способности и интеллектуальные достоинства Николая II Кони оценивает, мягко скажем, невысоко. Однако беда не только в ограниченности ума, но «...и в отсутствии у него сердца, бросающемся в глаза в целом ряде его поступков, — считает Кони. — Достаточно припомнить посещение им бала французского посольства в ужасный день Ходынки, когда по улицам Москвы громыхали телеги с пятью тысячами изуродованных трупов, погибших от возмутительной и непредусмотрительной организации праздника в его честь, и когда посол предлагал отложить этот бал».

Ходынская катастрофа случилась 18 мая 1896 года в Москве во время коронации Николая II. В тот день, вследствие преступной халатности местных властей и, в частности, генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, дяди Николая II, погибли тысячи людей. Великое горе свалилось не только на Москву (посмотреть на коронацию царя и получить подарки в честь его коронации приезжали люди из многих областей страны), но и на всю Россию. А Николай II тем временем танцевал на бале французского посланника. Когда ему посоветовали не ходить на бал, он не согласился: «По его (Николая II) мнению, — вспоминал в своих мемуарах С. Ю. Витте, — эта катастрофа есть величайшее несчастье, но несчастье, которое не должно омрачать праздник коронации; ходынскую катастрофу надлежит в этом смысле игнорировать».

Подобные рассуждения не назовешь даже глупостью — они говорят скорее о душевной черствости. Однако танцы на балу после катастрофы — не единственное свидетельство жестокости и бессердечности императора. Такие качества своего характера он демонстрировал на протяжении всего царствования. «Разве можно забыть, — пишет Кони, — равнодушное попустительство еврейских погромов, жестокое отношение к ссыльным в Сибирь духоборам, которым как вегетарианцам на Севере грозила голодная смерть, о чём пламенно писал ему Лев Толстой. Можно ли, затем, забыть Японскую войну, самонадеянно предпринятую в защиту корыстных захватов, и посыпку эскадры на явную гибель, несмотря на мольбы адмирала. И, наконец, нельзя простить ему трусливое бегство в Царское Село, сопровождаемое

расстрелом безоружного рабочего населения 9 января 1905 года».

А между тем, по мнению Кони, «...ему, по Евангельскому изречению, вина прощалась 77 раз. В его кровавое царствование народ не раз объединялся вокруг него с любовью и доверием. Но все это было вменено в ничто, и интересы Родины были принесены в жертву позорной вакханалии распутства и избежанию семейных сцен со стороны властолюбивой истерички».

Вспоминая свои встречи с Николаем II, Анатолий Федорович пишет: «...хотя я и был удостоен, как принято было писать, «высокомилостивым приемом», но никогда не выносил я из кабинета русского царя сколько-нибудь удовлетворенного впечатления. Несмотря на любезность и ласковый взгляд газели, чувствовалось, что цена этой приветливости очень небольшая и, главное, неустойчивая... Глаза газели смотрели на меня ласково, рука, от почерка которой зависело счастье и горе миллионов, автоматично поглаживала и пощипывала бородку, и наступало неловкое молчание, кончаемое каким-нибудь вопросом «из другой оперы».

Цену ласкового царского приема ощутили на себе многие приближенные. Обер-прокурор Синода Самарин, приехав на другой день, после благосклонного доклада, в совете министров прочел записку царя к Горемыкину, в которой было сказано: «Я вчера забыл сказать Самарину, что он уволен. Потрудитесь ему сказать это». Таким же образом был уволен и Ванновский, на плечах которого лежало тяжкое бремя народного просвещения.

«Председателю Государственной думы, — пишет Кони, — явившемуся с докладом о деятельности этого учреждения, оказывался «всемилостивейший прием», а вслед за тем Дума распускалась».

Не поддается никакому описанию состояние и настроение человека, которого высокое начальство только что обнимало, лобызало, гостеприимно усаживало за стол, а потом, ничего не объясняя, снимало с работы.

Если подобное поведение нельзя назвать иезуитством, то как его можно назвать?

Сопоставление и размышление

Нынешние демократы и политики новой волны в своих потугах возвести Николая II в ранг великого монарха, не смущаясь, черное выдают за белое. Подобное лицемерное поведение царя по отношению к неугодным ему людям выдают за... скромность, деликатность и интеллигентность. Он, мол, был настолько чуток, отзывчив и деликатен в понимании чужого горя, что не хотел огорчать человека и показывать к нему свое нерасположение. Он считал, что лучше дать отставку человеку без всяких объяснений, через второе или третье лицо, по записке. Таковы, очевидно, современные понятия нравственности и человеколюбия.

Мне лично ничего не остается, как только пожелать нынешним толкователям нравственных поступков Николая II хоть раз в жизни испытать на себе подобную доброту, милость и деликатность.

Я скорее соглашусь с мнением современников Николая II.

«Трусость и предательство, — продолжает рисовать облик императора А.Ф. Кони, — прошли красной нитью через все его царствование. Когда начинала шуметь буря общественного негодования и народных беспорядков, он начинал уступать поспешно и не последовательно, с трусливой готовностью — то уполномочивая Комитет министров на реформы, то обещая Совещательную Думу, то создавая Думу Законодательную в течение одного года. Чуждаясь независимых людей, замыкаясь от них в узком семейном кругу, занимаясь спиритизмом и гаданием, смотря на своих министров как на простых приказчиков, посвящая некоторые досужные часы стрелянию ворон в Царском Селе, скруто и редко жертвуя из своих личных средств во время народных бедствий, ничего не создавая для просвещения народа, поддерживая церковно-приходские школы и одарив Россию изобилием мощей, он жил, окруженный сетью охраны, под защитою конвоя со звероподобными и наглыми мордами, тратя на это огромные народные деньги».

Вот такая характеристика дана последнему российскому царю человеком, который встречался с ним и писал свои воспоминания не под диктовку (как утверждали демократы) коммунистов, а еще до Великой Октябрьской революции.

* * *

Николай II смотрел на себя (и в этом его убеждала царица и его ближайшее окружение) как на помазанника Божьего, что, видимо, вызывало в нем чувство самодовольства.

О таких приливах тщеславия и высокомерия вспоминает английский посол сэр Джордж Бьюкенен, который накануне Февральской революции встречался с императором. Речь зашла о положении дел в стране. Повсюду останавливались фабрики и заводы. Сотни тысяч рабочих и их семей вышли тогда на улицы, требуя хлеба, тепла и света. В Петрограде появились баррикады и начинались погромы. Союзники боялись, что при дальнейшем неблагоприятном развитии событий Россия может выйти из войны, а это абсолютно не устраивало ни Англию, ни Францию, привыкших воевать российскими солдатами, подставляя их под удары.

У союзников на сей счет была своя тактика и стратегия. Когда Германия готовилась перейти в наступление на западе, они требовали от России активизации действий на востоке для того, чтобы немецкое командование перебросило туда свои войска, тем самым снимая угрозу на западе. В результате гибли российские солдаты, а не солдаты союзников.

Одна только мысль о том, что Россия может выйти из войны, приводила в панику английское и французское правительства. Узнав о беспорядках в Петрограде, они забили тревогу и потребовали от своих послов встречи с царем для обсуждения выхода из создавшейся ситуации. По утверждению английского посла, у него состоялся следующий диалог с Николаем II:

— Ваше величество! — говорил Бьюкенен. — Позвольте мне сказать, что перед вами открыт только один верный путь, — это уничтожить стену, отделявшую вас от вашего народа, и снова приобрести его доверие.

Император выпрямился во весь рост, и жестко глядя на посла, спросил: «Так вы думаете, что я должен приобрести доверие своего народа или что он должен приобрести мое доверие?»

Вот так, не больше и не меньше. Кем же нужно себя считать, чтобы высказывать подобные суждения?!

Затем посол стал критиковать правительство и говорить о необходимости прислушиваться к мнению Государственной думы, предлагавшей сменить нынешнее правительство на «правительство доверия». Однако эти советы император пропустил, как говорится, мимо ушей. Позже посол узнал реакцию императрицы на его предложения. «Великий князь Сергей Михайлович, которого я встретил затем за обедом, — вспоминает Бьюкенен, — заметил, что если бы я был русским подданным, то был бы сослан в Сибирь».

И еще о самодовольстве. Когда Государственный совет постановил обратить внимание государя на необходимость отмены телесных наказаний, которое было бы своевременным, последовал отказ и резолюция: «Я сам знаю, когда это надо сделать!»

Судьба посыпала Николаю II умных людей, на которых он мог бы опереться, но он от них избавлялся всеми правдами и неправдами. Не ко двору пришли деловые реформаторы граф Сергей Юрьевич Витте и Петр Аркадьевич Столыпин. Оба они занимали высокие посты в правительстве, но под давлением царицы были смешены. Ей не нравилась их самостоятельность и недружественное отношение к Распутину. Руководителями внутренней политики стали угодные «старцу» и царице никчемные деятели типа Горемыкина, Штюрмера, Голицына, Хвост-

това, Протопопова... С их помощью Николай II и привел Россию на край пропасти.

Кони вспоминает и свои личные встречи с царицей. Она поддерживала некоторые благотворительные проекты. Однако это не помешало ему дать жене Николая нелицеприятную оценку.

«Нельзя сказать, — пишет он, — чтобы внешнее впечатление, производимое ею, было благоприятно. Несмотря на ее чудесные волосы, тяжелой короной лежавшие на ее голове, и большие темно-синие глаза под длинными ресницами, в ее наружности было что-то холодное и даже отталкивающее. Горделивая поза сменялась неловким подгибанием ног, похожим на книксен при приветствии или прощании. Лицо при разговоре или усталости покрывалось красными пятнами, руки были мясисты и красны».

Но это, так сказать, внешний портрет. Что касается внутреннего содержания, то здесь проявляются еще более уродливые черты. «...Ей нельзя простить, — пишет Кони, — тех властолюбия и горделивой веры в свою непогрешимость, которые она обнаружила, подчинив себе мысль, волю и необходимую предусмотрительность своего супруга. Она не любила русский народ, признавая в нем хорошим лишь монашество и отшельничество; она презирала его и ставила ниже известных ей европейских народов... Еще более нельзя ей простить и даже понять введение дочерей в круг влияния Распутина, послужившее еще лет семь назад поводом к увольнению фрейлины Тютчевой. Опубликованные в последнее время письма несчастных девушки к наглому и развратному «старцу» и их имена на иконе, оказавшейся на шее его трупа, показывают, в какую бездну внутреннего

самообмана, ханжества и кликушества, внешнего позора, огласки и двусмысленных комментариев повергла своих дочерей «Дармштадтская принцесса», ставшая русской царицей и воображавшая, что ее обожает презираемый ею русский народ...»

История с увольнением гувернантки великих княжон мадемуазель Тютчевой, о которой упоминал Ф. Кони, была известна всему Петербургу и Москве. Все началось с того, что «чудотворец», под предлогом совершения молебна, появился в комнате царских дочерей, когда они, надев ночные сорочки, готовились ко сну. Тютчевой это не понравилось, и она, усомнившись в благих намерениях и святости «Божьего человека», заговорила об этом с императрицей. Последняя была разгневана, но не Распутиным, а Тютчевой. С ней состоялся «крутой» разговор, и она была уволена.

Явление «святого старца»

О Распутине написано чрезвычайно много, как в бывшем Советском Союзе, так и за рубежом. Он стал героем романов, повестей, рассказов... Проводились даже специальные исследовательские работы, чтобы понять феномен знаменитого старца. В одном из таких исследований, изданном в США еще в тридцатых годах, прямо утверждалось, что при ликвидации русской монархии Ленину и большевикам оставалось только завершить сделанное Распутиным.

В другом подобном исследовании доказывалось, что Распутин был подослан в царскую семью Лениным, чтобы взорвать ее изнутри. Утверждалось, что уже при Советской власти коммунисты хотели наградить Распутина (посмертно) орденом, но потом

передумали. Высказывались и другие бредовые идеи. Многим до сих пор непонятно, как мог неграмотный мужик, смазывающий свои сапоги дегтем, стать советником и доверенным лицом царского дома, вершителем судеб министров, генералов и даже глав правительства.

Но если не мудрствовать лукаво, то ничего загадочного и таинственного нет. И искать, собственно, нечего. Известная китайская пословица гласит: трудно найти черную кошку в темной комнате, особенно если ее там нет. Так вот, «черной кошки», имея в виду феномен Распутина, не существовало, и потому искать ее бесполезно. А что же было? Было невежество и слепой случай. Вопреки утверждениям наших демократов, Николай Романов, как уже говорилось выше, не обладал большим умом и способностями в управлении страной. Под стать ему была и его жена Александра Федоровна, или, как ее еще называли, Алиса — немка с английским воспитанием, ограниченным домашним образованием, душевно неуравновешенная, склонная к мистицизму, суеверию и спиритизму.

Только на этой почве, богато удобренной, и мог появиться Распутин и распутинщина.

Теперь о «слепом случае». Как известно, у царской четы родились одна за другой четыре девочки. А нужен был наследник престола. Склонная к мистицизму императрица попробовала прибегнуть к посторонним силам. Во дворце стали появляться различного рода колдуны и волшебники. Они кружили вокруг царицы, вздымали руки к небу, что-то прятали в темных комнатах дворца, пускали слюни, бились в припадке, но ничего не помогало.

Наследник появился на свет естественным путем без всякого колдовства. Однако мальчик родился с наследственной по линии матери и неизлечимой болезнью крови — гемофилией. Это, безусловно, большая трагедия для семьи. Родители окружили ребенка заботой и вниманием. За ним наблюдали няньки и сиделки. К его услугам были лучшие врачи мира. Но ничего не помогало. Однажды, когда врачи не смогли остановить очередное кровотечение и мальчик был на краю смерти, пришел Распутин и путем «заговора» остановил кровотечение. Все! Для царицы он стал святым. Она стала называть его Другом и заявила, что с Распутиным (до этого он только подливал масло в лампадах) связано все счастье царской семьи и престола.

Позже будут сделаны далеко идущие умозаключения. Логика в них тоже присутствовала не очень сложная: если мы доверяем Другу самое дорогое — сына, то почему мы не можем доверять ему, когда он советует сместь, скажем, главу правительства или назначить другого министра. Делается вывод: Распутин все делает не сам по себе, а по велению свыше. Его советы от Бога.

Распутин был вознесен на такой пьедестал, что стал не досягаем для простых смертных. Жизнь великой страны стала зависеть от его привычек и бредовых фантазий. Он был зеркала в ресторанах, брал крупные взятки за предоставление протекции, использовал женщин-просительниц, и все ему сходило с рук. Царь и царица ничего не хотели слушать о проделках «святого черта», как называл Распутина великий князь Николай Николаевич. Когда великие княжны Милица и Анастасия отказались пускать на

порог своего дома новоявленного «святого» и попытались рассказать императрице о его проделках, та не стала их слушать.

Сопоставления и размышления

В последнем десятилетии XX века, когда демократы и продажные политики стали восхвалять чадолюбие царской четы и критиковать Сталина за его бездушие и крутой нрав по отношению к его детям, я спрашиваю себя: сколько стоила царская любовь к сыну и как она отразилась на судьбе стомиллионного народа России? Можно понять их родительскую тревогу за наследника престола, но нельзя понять ту безответственность, которую они проявили во имя своей любви, фактически принеся в жертву огромную страну и ее народ.

Теперь о Сталине. Любил ли он своих детей? На сей счет нет однозначного мнения. Одни говорят — любил, другие — нет. Не будем спорить. Ясно одно: он любил Россию, Советский Союз и свой народ сильнее, чем любил собственных детей. В этом и состоит разница между чадолюбием Николая II и Сталина.

Как бы ни болела у него душа за судьбу своих детей, он послал всех троих (третьим был усыновленный им Артем Сергеев, ныне генерал-майор в отставке, сын погибшего революционера Сергеева) сыновей на фронт. Он бросил их в огонь кровопролитнейшей войны вместе с миллионами их сверстников, чтобы спасти Родину. Эту его великую жертву никак не могут понять и оценить политики последнего десятилетия XX века. Им ближе и понятнее Николай II. Для них он пример для подражания. Ведь они, раз-

грабив и растащив национальные богатства страны, разжигая местечковые войны, не посылают на них своих детей и внуков, а отправляют их учиться в престижные зарубежные университеты, где чада живут в первоклассных отелях и виллах. Да, это не по-сталински. Это по-царски. Вот почему они освистывают и ненавидят Сталина и так любят Николая Романова.

* * *

Первые официальные расследования всех похождений и мерзостей Распутина начали служители церкви, те, кому исповедовались в грехе женщины, побывавшие в лапах «святого» Друга. Епископ Феофан, ректор Духовой академии, известный своим благочестием, отправился на прием к царице и рассказал ей о гнусных деяниях новоявленного старца. Императрица тут же вызвала к себе «божьего человека» и допросила. Распутин изобразил удивление, оскорбленную невинность, смирение и не моргнув глазом сказал:

— Наговоры. Наклеп.

Дело кончилось тем, что епископа Феофана сослали в Таврическую губернию. «Заткнул я ему глотку», — бахвалился в кругу своих друзей Распутин.

Еще более трагически закончилась судьба митрополита Антония, который также попытался открыто выступить против царского любимца. Выслушав митрополита, Николай II ответил ему, что церковь не вправе вмешиваться в личные дела царской семьи. Антоний возразил: «Нет, Государь, — сказал он, — это дело не только Вашей семьи, а всей России. Цесаревич не только Ваш сын, он Наследник престола и будущий монарх». Николай II, по своему обык-

новению, не стал продолжать неприятный разговор. Он кивнул головой, давая понять, что аудиенция окончена. Вскоре митрополит занемог и скончался.

Но самый ощутимый удар по Распутину и царской семье нанес иеромонах Илиодор. Он был аскетом и фанатично верил в православие и незыблемость самодержавия. Он один из первых заметил «благочестие» старца, способствовал его продвижению к царской семье и он же один из первых увидел подлинную суть Распутина. Он усомнился в его сло-вах, когда Григорий рассказывал ему, что царь становился перед ним на колени и говорил: «Григорий, ты Христос». Старец хвастался и тем, что он целовал царицу в спальне дочерей. Чтобы убедить Илиодора в том, что он не врет, Распутин показал ему письма царицы. Илиодор попросил подарить ему несколько писем на память. Распутин согласился.

— Я выбрал письма государыни и великих княжон, — вспоминал в своей книге Илиодор.

Спустя некоторое время отрывки из этих посланий появились в печати. Москва и Петербург с негодованием читали и перечитывали скандальные письма, которые подорвали и авторитет власти, и репутацию царской семьи.

«Возлюбленный мой, — писала царица к «свято-му», — и незабвенный учитель, спаситель и наставник. Как томительно мне без тебя. Я только тогда душой покойна, отыхаю, когда ты, учитель, сидишь около меня, а я целую твою руку, голову свою склоня на твои блаженные плечи. О, как легко мне тогда бывает. Тогда я желаю мне одного: заснуть, заснуть навеки на твоих плечах, в твоих объятьях. О, какое счастье даже чувствовать одно твое присутствие око-

ло меня. Где ты есть? (Распутин в это время навещал свою деревню.) Куда ты улетел? А мне так тяжело, такая тоска на сердце. Только ты, наставник мой возлюбленный, не говори Ане о моих страданиях без тебя. Аня — добрая, она — хорошая, она меня любит, но ты не открывай ей моего горя. Скоро ли ты будешь опять около меня? Скорей приезжай. Я жду тебя и мучаюсь по тебе. Прошу твоего святого благословения и целую твои блаженные руки. Вовеки любящая тебя — мама».

В самом деле, что могли думать современники, читая это и подобные письма? Могла ли после того императрица пользоваться авторитетом у народа?

Письма Александры Федоровны к Распутину и к супругу, естественно, не предназначались для постороннего чтения. Она не могла даже подумать о том, что ее послания когда-то и кто-то может прочесть, кроме адресата. В результате мы сегодня располагаем важными историческими документами, позволяющими нам лучше понять события тех лет, по достоинству оценить автора писем и того, кому они были адресованы.

Императрица писала помногу. После ее смерти в черном кожаном портфеле было найдено 630 написанных ею посланий. 230 из них относились ко времени первого знакомства с Николаем, когда он был еще только наследником и до начала мировой войны, а остальные охватывают период с 1914 по 1916 год. Размер и стиль писем обескураживают и ставят в тупик всех исследователей. С орфографией у императрицы были явные нелады. Она не знала ни запятых, ни тире, ни других знаков препинания. Все ее послания переполнены восторгом и словоблудием,

свидетельствующими об истеричности и экзальтированности их автора. Остановимся только на тех из них, которые касаются судьбы России.

Ставка верховного командования

С начала военных действий Николай II время от времени приезжает в Ставку. Вслед за ним сюда начинают поступать и «всеподданнейшие» доклады оставшихся в столице министров и письма императрицы. Сюда же, при первых признаках нарастающего революционного движения, полетели телеграммы с просьбой немедленно прислать надежные войска, верные царствующему дому, для подавления революции. Без поддержки армии самодержавие уже не могло устоять. Николай, видимо, не знал крылатого выражения вице-короля Индии лорда Китченера: «Со штыками можно делать все что угодно, на штыках нельзя только сидеть». А он сидел. Но об этом позже, а сейчас о деятельности царя в годы Первой мировой войны.

Находясь в Ставке, государь любил совершать продолжительные прогулки по проселочным дорогам, предварительно обследованным казачьими разъездами. В теплую погоду катался на гребной лодке по Днепру. Иногда приглашал на состязание по гребле других офицеров...

В ноябре 1914 года (еще до того, как он взял на себя главное командование), покинув Ставку, Николай II в сопровождении многочисленной свиты отправился на Кавказ. Там в это время русские войска сражались с турками.

«Мы едем, — пишет он императрице, — по живописному краю... с красивыми высокими горами по

одну сторону и степями — по другую... На каждой станции платформы набиты народом, особенно детьми: их целые тысячи... Мы катим вдоль берега Каспийского моря; глаза отдыхают, глядя на голубую даль...»

Сопоставление и размышления

Идет жестокая война. Мир в огне. Уже к концу 1914 года российская армия потеряла один миллион человек убитыми, ранеными и взятыми в плен. В общей сложности, это одна треть вооруженных сил России... В стране совершенно открыто и безнаказанно действует пятая колонна, которую, как говорили в народе, возглавляет сама императрица. В Петрограде начались погромы. С целью наведения порядка полиция и верные императору войсковые части разгоняют бастующих и стреляют в них.

Словом, обстановка более чем тревожная. А в это время император, олицетворение ее высшей власти, устраивает соревнования по гребле, совершает оздоровительные прогулки, любуется красотами природы...

Теперь вспомним, как повел себя Сталин в аналогичной ситуации. Сразу же после нападения фашистской Германии на Советский Союз он мобилизовал все ресурсы, все силы страны на отпор и разгром врага. Но еще до начала войны, в отличие от Николая II, он провел колоссальную работу по защите рубежей СССР. Если за 20 лет своего царствования Николай II так и не сумел преодолеть экономической отсталости русского государства и Россия по-прежнему плелась в хвосте западных стран, то Сталин за десять довоенных лет превратил огромную отсталую страну в мощную индустриальную дер-

жаву. Его стараниями и заботой был создан мощный индустриальный потенциал, обеспечивший победу над коварным врагом, на которого работала и которого поддерживала практически вся Европа вместе с Японией. Сталинские довоенные реформы в сельском хозяйстве, науке и технике позволили в годы войны обеспечить армию необходимым продовольствием, боеприпасами и первоклассным вооружением.

Сталин уничтожил пятую колонну, которая в новое время пополнилась троцкистскими и бухаринскими сподвижниками. Он возглавил правительство, взял на себя верховное командование вооруженными силами, участвовал в разработке стратегических планов разгрома врага. Он никому не прощал разгильдяйства, ротозейства, лени, беспомощности в решении важнейших проблем. У него не было личной жизни. У него была одна цель — разгромить врага, защитить страну и народ от фашистского порабощения.

Когда нынешние демократы, политики и продажные СМИ, возвеличивая Николая II, стараются унизить Сталина, то это не что иное, как извращение истории.

* * *

Осенью 1915 года, будучи Верховным главнокомандующим, император привез в Ставку одиннадцатилетнего наследника. В тот год российские войска терпели одно поражение за другим. Настроение солдат было подавленным, им уже осточертела война, голод и холод. Они думали о своих домах, о брошенных на произвол судьбы женах и детях, а Николай II всерьез мечтал с помощью наследника поднять их

боевой дух. Такой наивности можно только дивиться. По его мнению, стоит лишь солдатам увидеть цесаревича, как они начнут одерживать победы.

В письмах императрицы сквозит тревога за большого сына: «Позаботься о том, чтобы маленький [Алексей] не уставал, лазя по ступенькам...» Тут же она дает ценные советы, как смотреть и ухаживать за сыном.

Николай II, как заботливый отец, свято выполнял советы жены. В свою очередь, уезжая в Ставку, император поручает императрице управлять страной: «Подумай, матушка моя, не прийти ли тебе на помощь муженеку, когда он отсутствует, — пишет он в одном из писем. — Какая жалость, что ты не исполняешь такой обязанности давно уже, или хотя бы на время войны». В письме от 23 сентября 1916 года Николай II дает ей указания: «Да, действительно тебе надо бы быть моими глазами и ушами там, в столице, пока мне приходится сидеть здесь. На твоей обязанности лежит поддерживать согласие и единение среди министров, этим ты приносишь огромную пользу мне и стране! Я так счастлив, что ты, наконец, нашла подходящее дело! Теперь я, конечно, буду спокоен и не буду мучиться, по крайней мере, о внутренних делах».

На следующий день он сообщил супруге: «Ты действительно очень поможешь мне, если поговоришь с министрами и будешь за ними наблюдать».

Императрица не заставила себя долго упрашивать и развернула бурную деятельность. В сентябре 1916 года она пишет мужу: «Я больше уже ни капли не стесняюсь и не боюсь министров и говорю по-русски с быстротой водопада».

Рядом с императрицей находился Распутин. Он был не только ее главным советчиком, но и мерилом в оценке человеческих качеств. К «хорошим» людям он относил себя и всех тех, кто его слушается и почитает, а к плохим, соответственно, тех, которые его не слушаются и не почитают. Первые, по его мнению, должны быть вознаграждены и получить высокие должности в правительстве, а вторые изгнаны из правительства и наказаны. Императрицу не интересовали деловые качества того или иного претендента на должность министра. Для нее «...главное, чтобы он был угоден «божьему» человеку». Каждый новый претендент в члены Совета министров оценивался по таким меркам: «Он любит нашего Друга... Он почитает нашего Друга... Он считает нашего Друга святым...»

В результате, разумеется, началась министерская чехарда. Контора заработала во всю мощь. Убедившись в необыкновенных способностях и возможностях Распутина, дельцы и всякого рода проходимцы стали пользоваться его услугами, минуя императрицу. Он сам писал записки высоким правительственным чинам: «Сделай для хорошего человека». Дело дошло до того, что всякого рода жулье просто покупало у него эти записки, чтобы потом самим выбирать, кому их предъявить.

При таком способе формирования правительства нет особой нужды говорить о том, что в стране процветало, не могло не процветать казнокрадство, угодничество, разгул чиновничества. В общем, началось брожение умов и разложение общественных устоев.

Деятельность императрицы и Распутина не только деморализовала страну. Они взялись за руководс-

тво военными действиями. В телеграмме Александры Федоровны, которую она направила царю в Ставку в 1916 году есть такая строка: «Нужно сделать небольшой перерыв, и тогда все пойдет хорошо. Он [Распутин] так сказал». Видимо, царица знала о начавшемся наступлении, и эту строку следует рассматривать как совет Распутина сделать небольшой перерыв в наступлении.

В письме из Царского Села от 4 июня 1916 года, направленном царю в Ставку, императрица пишет: «...Мой родной голубчик, от всей души благодарю тебя за твое драгоценное письмо. А. [этой буквой обозначалась Анна Вырубова] позабыла тебе сказать, что наш Друг шлет свое благословение всему православному воинству. Он просит, чтобы мы не слишком сильно продвигались на Север, потому что, по его словам, если наши успехи на Юге будут продолжаться, то они сами станут на Севере отступать, либо наступать, и тогда их потери будут очень велики. Если же мы начнем там, то понесем большой урон. Он говорит это в предостережение».

В ответ на это письмо царь из Ставки пишет царице 5 июня 1916 года: «...Мы с Алексеевым [Алексеев — начальник штаба Ставки Верховного главнокомандования. — Авт.] решили не наступать на Севере, но напрячь все усилия на Южном. Но прошу тебя, никому об этом не говори, даже нашему Другу. Никто об этом не должен знать. Даже войска, расположенные на Севере продолжают думать, что они скоро пойдут в наступление, и это поддерживает их дух. Демонстрации, и даже очень сильные, будут здесь продолжаться нарочно. К югу мы отправляем сильное подкрепление».

Предупреждение царя о том, чтобы императрица никому не говорила о планируемой штабом операции, «даже Другу», может только насмешить. Именно Друг и советовал не наступать на Севере, как же царица может не сказать ему, что совет исполнен?

А вот еще одно послание Александры Федоровны к царю в Ставку от 21 июля 1916 года: «Вечером пойду к Ане [Вырубова], чтобы повидать нашего Друга. Он находит, что во избежание больших потерь, не следует так упорно наступать. Надо быть терпеливым, не форсируя событий, т.к. в конечном счете победа будет на нашей стороне. Можно бешено наступать и в два месяца закончить войну, но тогда придется пожертвовать тысячами жизней, а при большой терпеливости будет та же победа, зато прольется значительно меньше крови».

В письме от 4 августа 1916 года императрица пишет царю в Ставку: «Он [«Он» — все тот же Распутин. — Авт.] огорчен слухами, будто бы Гучков и Родзянко приступили к организации сбора меди. Если это так, то следует, по его мнению, отнять у них инициативу в этом. Совсем это не их дело. Просит тебя быть очень строгим с генералами в случае ошибок... Видишь ли, все страшно возмущены Безобразовым, все кричат, что он допустил избиение гвардии, что Леш, отступая в течение пяти дней, дал Б. приказ наступать, а он все откладывал и, благодаря своему упорству, все потерял, раненые стрелки, да и остальные не скрывают своего негодования».

Цитирование подобных посланий можно продолжать еще долго, но и без того ясно, какое влияние имел Распутин на царя и императрицу и какими он владел военными и государственными тайнами.

Если вспомнить, что в военной стратегии и в управлении страной он сам ничего не смыслил, то возникает вопрос: кто руководил его действиями, кто определял, где и когда нужно наступать, а где нужно повременить? О том мы можем только догадываться. Вокруг Распутина вращалось много темных лиц, готовых торговать Родиной. Но были задействованы силы и другого порядка. В Петрограде действовала немецкая разведка, и было бы наивно думать, что она осталась в стороне. Очевидно, именно на это намекали в своих послевоенных выступлениях немецкие специалисты, утверждавшие, что они получали информацию на самом высоком уровне.

О том, что Распутин торгует государственными и военными тайнами, говорили и депутаты Думы, прямо причисляя «святого старца» к «немецкой партии», действующей в пользу врага.

Под властью мародеров

К этой же партии современники причисляли и саму императрицу. Она не пользовалась в народе ни любовью, ни доверием. О ней ходили самые невероятные слухи и анекдоты. Вот один из них:

«Царевич сидит и плачет в коридоре Зимнего дворца. К нему подходит генерал и спрашивает:

— Что случилось? Почему ты плачешь?

Царевич отвечает:

— Как же мне не плакать? Когда бьют русских, плачет папа, а когда бьют немцев, плачет мама. А мне жалко и папу, и маму».

Плакать приходилось больше «папе». Российские войска, несмотря на свою беспримерную храбрость, были обречены. И в том не было их вины. Это

была великая беда, в которую вверг свой народ Николай II. Трагедия заключалась в том, что Россия ввязалась в войну совершенно не подготовленной. В количественном отношении российская армия превосходила армию противника. На первом этапе в ее рядах насчитывалось 1,4 миллиона человек, а после мобилизации она увеличилась еще на 3,1 миллиона. Всего за годы войны под ружье было поставлено более 15 миллионов человек.

Что касается технического и военного оснащения огромной массы российских солдат, то этот круг проблем оставался в запустении, находясь за пределами монаршего внимания. Железных дорог не хватало, их плотность в России составляла одну десятую от немецкой. По сообщениям печати тех лет, средний переход новобранцев в России равнялся 900—1000 верстам. В Германии и Австро-Венгрии — 200—300 верстам. Следовательно, маневренность и подвижность войск противника была в 4—5 раз выше российских. Немецкие и австро-венгерские армии оперативно перебрасывались с одного участка фронта на другой, тогда как российское Верховное командование сталкивалось здесь с неразрешимыми проблемами.

Не лучше обстояло дело и с развитием промышленности. На каждую российскую фабрику приходилось более 100 фабрик противника. Рассчитывая на скоротечность войны, Николай II и его генералы не позаботились о резервах достаточного количества вооружений и боеприпасов. На многих участках фронта запрещалось расходовать более трех снарядов в сутки, тогда как немецкие орудия били непрерывно.

Положение российской армии усугублялось еще бездарностью командования. Ее возглавляли два че-

ловека, которые конфликтовали друг с другом — генерал Сухомлинов, военный министр, и великий князь Николай Николаевич, родственник императора, главнокомандующий действующей армии. О военном искусстве оба стратега имели довольно смутное представление. Сухомлинов, лучший друг Распутина, был к тому же еще и нечист на руку.

Воевать в таких условиях было сущим безумием. Тем не менее Николай II влез в войну и завяз в ней, как муха в сиропе. Это было не легкомыслie, а преступление перед страной и народом, за которое они заплатили дорогую цену, о чем тогда, разумеется, молчали. Только спустя десять лет Н. Головин, российский генерал императорской армии, изучив все данные, привел конкретные цифры кровавых потерь России в Первой мировой войне: 1 300 000 убито, 4 200 000 ранено, из которых 350 000 умерло от ран, 2 400 000 оказались в плену. Таким образом, общие потери составили 7 900 000 человек — более половины от общего количества мобилизованных.

Но о потерях стало известно только после войны. А пока идет война, Николай II приезжает в Ставку не как глава государства, ведущего смертельную схватку с врагом, а как посторонний человек. Он ест, пьет, совершает длительные прогулки, ухаживает за больным наследником, выслушивает доклады, но не принимает никаких решений.

Позже, когда Николай II назначил сам себя Верховным главнокомандующим, всю работу по разработке стратегических и тактических планов выполнил начальник штаба генерал Алексеев. Правда, император вносил в них существенные корректизы, которые он делал по подсказке Распутина (о чём уже

говорилось выше), что, естественно, вносило еще большую сумятицу в работу штаба и приводило к еще большим потерям.

В одном из своих писем царю в Ставку императрица писала: «Будь тверд, покажи свою властную руку — вот, что надо русским... Они сами просят об этом — сколь многие недавно говорили мне: «Нам нужен кнут!» Это страшно, но такова славянская натура — величайшая твердость, жестокость даже и — горячая любовь (интересно, как можно совместить жестокость с горячей любовью?! — Авт.). Как бы мне хотелось влить в твои жилы свою волю... Будь Петром Великим, Иваном Грозным, императором Павлом I — круши их всех...»

Себя она сравнивала с Екатериной Великой, выстроив такую параллель: Екатерина была немецкая принцесса, и я немецкая принцесса; Екатерина стала императрицей, и я императрица; Екатерина правила Россией, и я (после отъезда Николая II в Ставку) правлю Россией. К всеобщему сожалению, на этом сравнения заканчивались. Екатерина II была в стократ умнее, обладала чутьем на талантливых людей — советников и военачальников, а Александра Федоровна опиралась на советы одного лишь Распутина. Совместными усилиями они и привели Россию на край пропасти.

Теперь опять сошлемся на документы. Вот «Доклад Петроградского охранного отделения особому отделу полиции. Октябрь 1916 год. Совершенно секретно».

Во вступительной части доклада характеризуется общая обстановка в стране и возможные катастрофические бедствия, угрожающие всему жизненному укладу государства.

Далее авторы доклада сообщают: «Систематически нараставшее расстройство транспорта; безудержная вакханалия мародерства и хищений различного рода темных дельцов в разнообразных отраслях торговли, промышленной и общественно-политической жизни страны; бессистемные и взаимно-противоречивые распоряжения правительственной и местной администрации; недобросовестность второстепенных и низких агентов власти на местах и, как следствие всего вышеизложенного, неравномерное распределение продуктов питания и предметов первой необходимости, неимоверно прогрессирующая дороговизна и отсутствие источников и средств питания у голодающего в настояще время населения — все это определенно и категорически указывает на то, что грозный кризис уже назрел и неизбежно должен разрешиться в ту или иную сторону».

И далее: «Экономическое положение массы, — говорится в докладе, — несмотря на огромное увеличение заработной платы, более, чем ужасно.

В то время как заработная плата у массы поднялась всего на 50%, цены на все продукты возросли на 100—500 процентов. Если раньше обед (чайная) стоил 15—20 коп, то сейчас 1 р. 20 коп.; чай соответственно — 7 коп. и 35 коп.; сапоги — 5—6 руб. и 20—30 руб.; рубаха 75—90 коп. и 2 р. 50 коп.—3 руб. и т.д.»

«Даже в том случае, — говорится далее в докладе, — если принять, что рабочий заработок повысился на 100%, то все же продукты повысились на 300 процентов».

«Страна отдана во власть мародерам, — говорится далее в докладе, — которые грабят и жмут всех без исключения. Правительство же как будто не видит

этого и продолжает свою систему покровительства разным банкам, сомнительным дельцам и т.п. В начале войны казались дикими всякие слова о возможности революции в России, а ныне все уверены, что революция будет неизбежно».

Сопоставление и размышление

Удивительно, как события рубежа XIX—XX вв. похожи на события, происходящие в экономике страны на рубеже XX—XXI вв. Перечислять аналогичные процессы не хватит пальцев. Коллапс производства, безволие власти, разброд и шатания в умах, анархия с отпущенными на свободу ценами, за которыми не поспевает заработка плата. Если зарплата (к слову сказать, выплату ее задерживают на полгода и больше) растет на 20—30 процентов, то цены подскакивают в 2—3 раз. Сегодня 90% населения оказалось за чертой бедности. Нечем уплатить за квартиру, нет денег на необходимые продукты питания. В народе гуляет шутка: живем на три «Д» — «доедаем», «донашиваем», «доживаем». И не дай бог вам заболеть.

Население бывшего Советского Союза катастрофически сокращается. За годы горбачевской перестройки и рыночных реформ ушло из жизни без единого выстрела больше наших сограждан, чем во время Второй мировой войны. Еще больше тех, кто должен был появиться на свет и не появился. Женщины боятся рожать. Власть предержащие делают вид, что ничего серьезного не происходит, и продолжают покровительствовать сомнительным дельцам и банкам. С молотка за бесценок продается национальное богатство страны. На предприятиях хозяй-

ничают либо бездарные, либо жуликоватые управляющие. Рабочие коллективы и их семьи стали заложниками неизвестно откуда появившихся новых русских, новых украинцев, новых казахов и т.д., откровенно обворовывающих народ. На них нет управы, и законы для них не писаны.

Вся общественная жизнь на территории одной шестой части суши представляет собой сплошной парадокс. Украинское правительство умоляет МВФ выделить 200—300 миллионов долларов кредита, а местные дельцы за последние годы уже вывезли из Украины более 100 миллиардов долларов. В прошлом году, по подсчетам специалистов, как сообщают одна из хорошо информированных газет, только из Донецкой области было вывезено за рубеж два миллиарда долларов. Такая же картина и в России. Здесь ежегодно за границу вывозится до 25 миллиардов долларов. Этих денег, безусловно, хватило бы не только на то, чтобы своевременно выплачивать зарплату и пенсии, но и обеспечить нормальную работу здравоохранения и образования, обновить основные фонды предприятий, которые, к слову сказать, изношены на 80—90 процентов.

Словом, если сравнивать воровство, то нынешние дельцы сильно обошли своих предшественников начала XX века. Правда, нужно сказать несколько слов в утешение царским чиновникам. Страна тогда была аграрной, остальные сектора экономики имели слабое развитие. Другое дело сейчас, когда при Советской власти были созданы мощные отрасли народного хозяйства — металлургическая, машиностроительная, химическая, энергетическая, пищевая... Тут есть, где разгуляться, есть, что тащить и грабить, есть, чем поживиться.

В конце ХХ и начале ХХI веков не было войны, однако, экономический урон и разруха народного хозяйства в несколько раз превзошли потери времен Второй мировой войны. Но и это еще не все. Люди морально опустошены. Произошла смена устоев человеческой жизни, ее главных ценностей — любовь, дружба, бескорыстие, сострадание сменились ненавистью, жестокостью, алчностью, отчуждением, которые каждый день пропагандируются в якобы свободных, но на самом деле подконтрольных денежным мешкам СМИ.

Народы бывшего СССР на распутье, как это было и в царской России накануне Великой Октябрьской революции. Но тогда были лидеры, была сильная партия большевиков, сумевшая вывести страну из тупика. Сейчас сотни партий. Они появляются, как грибы. Но нет вождя, нет ни одной организации или партии, которая по-настоящему отстаивала бы интересы страны и за которой пошел бы обездоленный и обманутый рыночными псевдореформами народ.

* * *

Рождественские праздники и новый 1917 год император встречал в кругу семьи. Он хорошо отдохнул от военных забот. Правда, докучали министры и председатель Государственной думы Родзянко. С последним в январе состоялся довольно непростой и неприятный разговор. Родзянко считал положение в стране критическим и даже опасным. Ожидая каких-то потрясений, он требовал отставки правительства. Но больше всего царю не понравилось, как Родзянко высказывался о его жене.

— Императрица, — говорил председатель Думы, — помимо вас отдает распоряжения по управлению государством, министры идут к ней с докладом, и по ее желанию все неугодные ей, но деловые люди быстро летят со своих мест и заменяются людьми, совершенно неподготовленными. В стране растет негодование на императрицу, очень много недовольных ею... Ее считают сторонницей Германии, которой она симпатизирует. Об этом говорят даже среди простого люда...

— Давайте факты, — сказал государь, — фактов у вас нет....

— Какие еще нужны факты, — сказал Родзянко, — если все направление политики, которое проводит ее величество, ведет к тому... что для спасения вашей семьи надо найти способ отстранить императрицу от влияния на политические дела... Не заставляйте, ваше величество, чтобы народ выбирал между вами и благом Родины. До сих пор понятия царь и Родина были неразрывны, а в последнее время их стали разделять.

Можно себе представить, что чувствовал и о чем думал Николай II, выслушивая мнение председателя Государственной думы. Родзянко вспоминал, что во время разговора император сжал голову обеими руками, долго молчал, а потом спросил:

— Неужели я двадцать два года старался, чтобы было лучше, и двадцать два года ошибался?

Родзянко не стал его щадить.

— Да, ваше величество, — сказал он, — двадцать два года вы стояли на неправильном пути.

Месяц спустя, 23 февраля, состоялась новая, уже последняя, встреча Родзянко и императора. Однако

и на этот раз общего понимания не было достигнуто. Председатель Думы высказал свое предположение о надвигающейся революционной угрозе, а Николай II по своему обычаю пропустил мимо ушей его предупреждение и промолчал.

Нападки на императрицу и постоянное напоминание о возможной революции раздражали императора, и он принял решение покинуть Петроград и снова отправиться в Ставку. Его пытались отговорить от поездки, ссылаясь на ту же революционную ситуацию в столице. Он пообещал, больше того, он сообщил, что будет сформировано новое «ответственное правительство». Это было утром. Однако вечером того же дня император заявил о своем отъезде в Ставку. Ему попытались напомнить о его обещании.

— Да... Но я изменил свое решение, — сказал Николай, — и сегодня вечером уезжаю в Ставку.

Напомним, разговор состоялся в среду 23 февраля, а спустя пять дней случилось то, что и должно было случиться.

В тот день, когда царский поезд увозил императора в Ставку, в Петрограде начались бунты. Голодные люди начали громить булочные и продовольственные склады.

На следующий день, 24 февраля, к бунтующим добавились новые массы людей. События развивались с катастрофической быстротой. 26 февраля забастовало большинство рабочих Петрограда. Остановились поезда и трамваи. Демонстранты заполнили все улицы столицы. Бастующие шли под красными знаменами, пели «Интернационал», требовали хлеба, отставки правительства. Были и более конкретные призывы: «Долой Протопопова!», «Долой войну!», «Долой немку!».

Народ потерял доверие к царю и правительству. Война обнажила всю несостоятельность и гнильность существующего режима правления. В городах и селах люди умирали с голода. В трудные годы войны 15 миллионов крестьян бросили свои хозяйства, и армия практически осталась без продовольствия.

Отречение

Железнодорожный транспорт был парализован. Если в начале войны Россия располагала паровозным парком в количестве 20 070 машин, то к началу 1917 года их количество уменьшилось на 11 050 и составляло всего 9021 единицу. Парк вагонов сократился с 539 549 до 147 346 единиц. У шестимиллионной российской армии, сражающейся с Германией и Австрией, практически не было тыла. Солдат загнали в окопы и держали их там месяцами без еды и без боеприпасов. Однако всякое терпение имеет предел.

В это время, после двухмесячного отдыха в кругу семьи, царь прибыл в Ставку. Как видно из его писем, отправленных Александре Федоровне, он скучает по домашнему уюту. Он пишет, что здесь, в Ставке, ему будет «недоставать тех игр, в которые они играли каждый вечер. В свободное время я здесь опять примусь за домино». Эти письма датированы 23 и 24 февраля — как раз те дни, когда на улицы Петрограда вышли демонстранты, требуя хлеба и отставки правительства.

Что отвечала императрица — неизвестно. Известно лишь, какую телеграмму направил царю Родзянко. «Положение серьезное. В столице — анархия. Транспорт, продовольствие и топливо пришли в полное расстройство. На улицах происходит беспо-

рядочная стрельба. Медлить нельзя. Всякое промедление — смерти подобно. Молю бога, чтобы в этот час ответственность не пала на Венценосца».

Известна и реакция царя на эту телеграмму. «Опять этот толстяк Родзянко, — сказал он графу Фредериксу, — мне написал всякий вздор, на который я ему уже отвечать не буду».

В телеграмме на имя князя Голицына он требует «занятия Государственной думы прервать». В тот же день он отправляет телеграмму императрице. «Выезжаю послезавтра. Разобрался здесь со всеми важными вопросами, спи спокойно. Да благословит тебя Господь».

Телеграмма была отправлена 28 февраля, а на кануне царское правительство во главе с Протопоповым было отправлено в отставку, и власть перешла в руки Государственной думы.

Выехав из ставки, царский синий литерный поезд в два часа ночи подошел к станции Малая Вишера, расположенной в 160 км к юго-востоку от столицы и остановился. Пришло сообщение о том, что путь перекрыт мятежными солдатами, вооруженными пулеметами и орудиями. В Петроград и к Царскому Селу не пробиться. Решили повернуть на запад — в Псков.

В восемь вечера царский поезд подошел к перрону Псковского вокзала. На платформе, где обычно выстраивался почетный караул, царя встречал только генерал-адъютант Рузской со старшими чинами штаба. Рузской доложил императору, что все гарнизоны Петрограда и Царского Села, включая гвардейские части и казаков, перешли на сторону мятежников. Отряд генерала Иванова, ранее направленный на подавление восставшего Петрограда, также перешел на сторону мятежников.

Выслушав его доклад, император наконец понял, что нужно сделать уступку и создать новое правительство. Он приказал Рузскому сообщить об этом Родзянко.

Генерал поспешил к телеграфу. Однако его сообщение не обрадовало председателя Думы. «Его величество и вы не отдаете себе отчета в том, что здесь происходит; настала одна из страшнейших революций. Ненависть к государыне императрице дошла до крайних пределов. Вынужден был во избежание кровопролития, всех министров, кроме военного и морского, заключить в Петропавловскую крепость. Прекратите присылку войск. Я сам вишу на волоске, и власть ускользает у меня из рук. К сожалению, манифест запоздал. Время ушло. Возврата нет».

Телеграмма Родзянко ярко высвечивала сложившуюся ситуацию в столице. Он только не сообщил, что Временный комитет Думы и Петросовет сошлись в одном мнении — о необходимости срочной отставки императора в пользу (делалась последняя попытка спасти монархию) царевича. Об этом царю должны были сообщить при личной встрече члены Государственной думы Гучков и Шульгин, которые для того уже отправились в Псков.

Посланцы прибыли к царю в 10 часов вечера. К тому времени был проведен опрос всех главнокомандующих фронтами, чтобы узнать их отношение к Николаю II. Все они единодушно высказались за отречение. «Если такое решение не будет принято в течение ближайших часов, — сообщили главнокомандующие, — то это повлечет за собой катастрофу с неисчисляемыми бедствиями».

Второго марта в 14 часов 30 минут Рузской положил на стол царя результаты телеграфного опроса генералов. Это был последний удар по престолу. Надеяться больше было не на кого. Народ и армия от него отреклись. Однако Николай и сейчас не понял того, что произошло. Он назвал случившееся «изменой». Но то была не измена, а отторжение инородного тела, питающегося соками великой России, доводя ее народ до нищеты и гибели.

* * *

Думские посланцы удивились, когда узнали, что Николай II отрекся от престола не в пользу царевича Алексея, а в пользу своего младшего брата Михаила. Свое решение он объяснил тем, что не хочет расставаться с сыном. И это была правда. Но не вся. Царь надеялся, что со временем «все образуется» и все будет снова поставлено на свои места, как в первую революцию 1905—1907 годов. Такую же мысль внушила Николаю и его главная советчица — жена Алиса. «Если тебя принудят к уступкам, — телеграфировала она царю, — то ты ни в коем случае не обязан их исполнять, потому что они будут добыты недостойным способом». И тут же добавляет: «Подписывай все, что угодно, любую бумажку, это отнюдь не страшно, ибо такое обещание не будет иметь никакой силы, когда власть будет снова в твоих руках».

Манифест об отречении был подписан 2 марта в пятнадцать часов.

В нем говорилось: «Божьей милостью Мы, Николай Второй, Император Всероссийский, Царь Польский, Великий князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая, объявляем всем нашим подданным...

В эти решительные дни в жизни России сочли Мы долгом совести облегчить народу нашему (это пишется уже после того, как народ и армия восстали и свергли его. — *Авт.*) тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и в согласии с Государственной Думой признали Мы за благо отречься от престола Государства российского и сложить с Себя Верховную власть...»

Это был последний акт Николая II.

Нашему поколению, поколению конца XX — начала XXI века, безусловно, хочется знать, что испытывал и о чем думал последний российский царь, подписывая свое отречение от престола, что волновало его сердце и душу, в часы и минуты, когда решалась судьба России и его. По одним сведениям, он со слезами на глазах отказывался от короны. По другим, был совершенно спокоен и безмятежен. Но верится, скорее, последним утверждениям, так как им более соответствует все поведение Николая. Сразу же после подписания манифеста об отречении, как утверждают участники этой трагедии, Николай засторопился с отъездом: «...Захвачу семью, — сказал он, — и поеду к матушке в Киев».

Его дневниковые записи говорят о том же — он читал, спал, скучал о семье, совершал оздоровительные прогулки и добросовестно, как заправский метеоролог, отмечал состояние погоды.

* * *

О царских дневниковых записях речь пойдет ниже, а мы сейчас вернемся в Петербург и посмотрим, что там происходило после отречения импера-

тора от престола. При этом сошлемся на надежных свидетелей, причем тех, которые не сочувствовали народу и были ярыми противниками всяческих революций.

Сошлемся на воспоминания Василия Витальевича Шульгина. Он был помещиком Волынской губернии, депутатом трех Государственных дум (второго — четвертого созывов), лидером правого думского крыла, членом «Прогрессивного блока». Именно Шульгин вместе с Гучковым, по поручению Государственной думы, принимал из рук царя манифест отречения от престола. Шульгин входил в состав Временного комитета Государственной думы, участвовал в белом движении, вплоть до середины 30-х годов занимался антисоветской деятельностью в эмиграции. Убедившись в ее бесперспективности, он отошел от политической жизни. В 1944 году при освобождении советскими войсками Югославии Шульгин был препровожден в СССР, приговорен к тюремному заключению и освобожден в 1956 году. Умер Василий Витальевич в 1975 году.

Шульгин прожил не одну, а несколько жизней. В первой жизни — он ярый враг революции и борец с Советской властью, во второй — поиски, метания, а затем расплата и раскаяние. Для нас Василий Витальевич интересен как свидетель событий, происходящих в Петрограде после отречения Николая II от престола. В своей книге «Дни», где после каждой фразы стоит многоточие, он пишет:

«Это было 27 февраля 1917 года (вспомним, в то время царский поезд сумбурно перемещался от одной станции к другой, не имея возможности попасть в столицу. — Авт.). Уже несколько дней мы жили на

вулкане... В Петрограде не стало хлеба — транспорт сильно разладился из-за необычайных снегов, морозов и, главное, конечно, из-за напряжения войны... Произошли уличные беспорядки... Но дело было, конечно, не в хлебе... Это была последняя капля... Дело было в том, что во всем этом огромном городе нельзя было найти несколько сот людей, которые бы сочувствовали власти... И даже не в этом... Дело было в том, что власть сама себе не сочувствовала...

Не было, в сущности, ни одного министра, который верил бы в себя и в то, что он делает...

Класс белых властителей сходил на нет...

Мы были рождены и воспитаны, чтобы под крыльшками власти хвалить ее или порицать... Мы способны были, в крайнем случае, безболезненно пересесть с депутатских кресел на министерские скамьи... Под условием, чтобы императорский караул охранял нас...

Но перед возможным падением власти, перед бездонной пропастью этого обвала у нас кружилась голова и немело сердце.

Бессиление смотрело на меня из-за белых колон Таврического дворца. И был этот взгляд презрительен до ужаса...»

Шульгин говорит о том, что улицы города заполнили толпы людей — рабочих, солдат и «всяких». Их было тысяч тридцать. Они шли в Государственную думу.

«Живым, вязким человеческим повидлом они залили растерзанный Таврический дворец, залепили зал за залом, комнату за комнатой, помещение за помещением...

С первого же мгновения этого потопа отвращение залило мою душу, и с тех пор оно не оставляло

меня во всю длительность «великой» русской революции.

Стиснув зубы, я чувствовал в себе одно тоскующее бессилие и потому еще более злобное бешенство.

Пулеметов!

Пулеметов — вот чего мне хотелось. Ибо я чувствовал, что только язык пулеметов доступен уличной толпе и что только он, свинец, может загнать обратно в его берлоги вырвавшегося на свободу страшного зверя...

Увы — этот зверь был... Его Величество русский народ!»...

Шульгин подробно рассказывает, как он с Гучковым вернулся в Петроград с царским манифестом об отречении и как все члены Государственной думы и вновь образованного правительства, собравшись на улице Миллионной на квартире Путятиной, обсуждали вопрос о передаче короны. Здесь же был и великий князь Михаил Александрович, в пользу которого царь отказался от престола. Теперь слово было за Михаилом Александровичем. Он был волен принять престол или отказаться от него. Однако он не спешил с принятием решения, а предоставлял слово желающим высказаться по этому вопросу.

— Вы, кажется, хотели что-то сказать? — обратился великий князь к Милюкову.

«Милюков, — пишет в своих мемуарах Шульгин, — встрепенулся и стал говорить. Эта речь его, если это можно назвать речью, была потрясающая...

Головой — белый как лунь, сизый — лицом (от бессонницы), совершенно сиплый от речей в казармах и на митингах, он не говорил, он каркал хрипло...

«Если вы откажетесь... Ваше величество... будет гибель!.. Потому, что Россия... Россия потеряет... свою ось... Монарх — это ось... Единственная ось страны!.. Масса, русская масса... вокруг чего... вокруг чего она соберется? Если вы откажетесь... будет анархия!.. Хаос... кровавое месиво!.. Монарх — это единственный центр... Единственное, что все знают... Единственное — общее... Единственное понятие о власти!.. Пока в России... Если вы откажетесь, будет ужас!.. Полная неизвестность... ужасная неизвестность... потому, что... не будет... не будет присяги!.. А присяга это все — это ответ... единственный ответ, который может дать народ... нам всем... на то, что случилось... Это его санкция... его одобрение... его согласие... без которого не будет... государства... России... ничего не будет».

Белый как лунь, он каркал, как ворон... Он каркал мудрые, великие слова... самые большие слова его жизни...

Великий князь слушал его, чуть наклонив голову... Тонкий, с длинным, почти юношеским лицом, он весь был олицетворением хрупкости... Этому человеку говорил Милюков свои веющие слова. Ему он предлагал совершить «подвиг силы беспримерной»... Что значит совет принять престол в эту минуту?

Я только что прорезал Петербург. Стотысячный гарнизон был на улицах. Солдаты с винтовками, но без офицеров шлялись по улицам беспорядочными толпами...

А за этой штыковой стихией — кто?

«Совет рабочих депутатов» и германский штаб — злейшие враги: социалисты и немцы.

Совет принять престол обозначал в эту минуту:

— На коня! На площадь!

Принять престол сейчас — значило во главе верного полка броситься на социалистов и раздавить их пулеметами.

Но в наличии нет такого полка. При входе в дом стоят только два часовых, охраняющих последнее заседание последней думы, где решалась судьба монархии.

Затем слово берет Керенский.

— Ваше высочество... обращается он к великому князю, — мои убеждения — республиканские. Я против монархии?.. Разрешите вам сказать... как русский — русскому! Павел Николаевич Милюков ошибается. Приняв престол, вы не спасете России!.. Наоборот... Я знаю настроение массы!.. Рабочих и солдат... Сейчас резкое недовольство направлено именно против монархии... Именно этот вопрос будет причиной кровавого развала!.. И это в то время, когда России нужно полное единство... Перед лицом внешнего врага... начнется гражданская, внутренняя война!.. И поэтому я обращаюсь к вашему высочеству... как русский — к русскому!.. Умоляю вас во имя России принести эту жертву!.. Если это жертва... Поэтому, что с другой стороны... Я не вправе скрыть здесь, каким опасностям вы лично подвергаетесь в случае решения принять престол... Во всяком случае... я не ручаюсь за жизнь вашего высочества!..

Потом выступали еще и еще. Одни советовали великому князю принять престол, другие — нет. Последним выступил Шульгин.

— Обращаю внимание вашего высочества, — сказал он, — на то, что те, кто должны быть вашей опорой в случае принятия престола, т.е. почти все члены нового правительства, этой опоры вам не оказали...

Можно ли опереться на других? Если нет, то у меня не хватит мужества при этих условиях советовать вашему высочеству принять престол...

Великий князь встал...

— Я хочу подумать полчаса, — сказал он.

Подскочил Керенский.

— Ваше высочество... мы просим вас, чтобы вы приняли решение наедине с вашей совестью... не выслушивая кого-либо из нас... отдельно.

Великий князь кивнул ему головой и вышел в соседнюю комнату...

Великий князь вошел... это было около двенадцати часов дня... Мы поняли, что настала минута.

Он прошел до середины комнаты.

Мы столпились вокруг него.

Он сказал:

— При этих условиях я не могу принять престол, потому что...

Он не договорил:

— Потому что... потому что... — И заплакал...»

Престол, от которого отказался Николай II, оказался бесхозным, а корона, венчавшая 300 лет головы представителей династии Романовых, брошенной.

Дневник царя

Теперь вернемся к дневниковым записям царя.

«1-е марта. Среда.

Ночью повернули с М. Вишеры назад, т.к. Любань и Тосно оказались занятами восставшими. Поехали на Валдай, Дно и Псков, где остановился на ночь. Видел Рузского. Он, Данилов и Савич обедали. Гатчина и Луга тоже оказались занятыми. Стыд и по-

зор. (Непонятно, кого Николай стыдит и позорит. — Авт.) Доехать до Царского не удалось. А мысли и чувства все время там! Как бедной Алекс должно быть тягостно одной переживать все эти события! Помоги нам, Господь!»

2 марта. Четверг.

Утром пришел Рузской и прочел свой длиннейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь Министерство и Дума бессильны что-либо сделать, т.к. с ними борется соц[иал]-демократическая партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение. Рузской передал этот разговор в Ставку, а Алексеев всем главнокомандующим. К $2\frac{1}{2}$ ч. пришли ответы от всех. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии нужно решиться на этот шаг. Я согласился. Из Ставки прислали проект манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с кот[орыми] я переговорил и передал им подписанный и переделанный Манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого.

Кругом измена, трусость, обман!

3 марта. Пятница.

Спал долго и крепко. Проснулся далеко за Двинском. День стоял солнечный и морозный. Говорил со своими о вчерашнем дне. Читал много о Юлии Цезаре. В 8.20 прибыл в Могилев. Все чины Штаба были на платформе. Принял Алексеева в вагоне. В 9.30 перебрался в дом. Алексеев пришел с последними известиями от Родзянко. Оказывается Миша (младший брат Николая, в пользу которого он отрекся от престола и который также отказался принять пре-

стол. — Авт.) подписал Манифест, кончающийся четыреххвосткой (что такое «четыреххвостка», видимо, было понятно только Николаю. — Авт.) для выборов через 6 месяцев учредительного собрания. Бог знает кто надоумил его подписать такую гадость! В Петрограде беспорядки прекратились — лишь бы так продолжалось дальше.

4 марта. Суббота.

Спал хорошо. В 10 часов пришел Алекс. Затем пошел к докладу. К 12 часов поехал на платформу встретить дорогую мама, прибывшую из Киева. Позвал ее к себе и завтракал с нею и нашими. Долго сидели и разговаривали. Сегодня, наконец, получил две телеграммы от дорогой Алекс. Погулял. Погода была отвратительная — холод, метель. После чая принял Алексеева и Фредерикса. К 8 часам поехал к обеду к мама и просидел с нею до 11 часов.

5 марта. Воскресенье.

Ночью сильно дуло. День был ясный, морозный. В 10 часов поехал к обедне. Мама приехала позже. Она завтракала и осталась у меня до 3.15. Погулял в садике. После чая принял Н.И.Иванова, вернувшегося из командировки. Он побывал в Царском Селе и видел Алекс. Простился с бедными гр. Фредериксом и Войковым, присутствие которых почему-то раздражает всех здесь — они уехали в его имение [в] Пензенской губ[ернии]. 8 час. Поехал к мама к обеду».

Как видим, не заметно, что положение в стране и судьба народа царя волновали. На что он надеялся? На то, что «скоро все образуется» и его снова пригласят на царствование? Ничего из этого не вышло. Император не владел ситуацией. Он не знал ни своей страны, ни своего народа и не мог понять, осмыс-

лить происходящие события, которые развивались с головокружительной быстротой, не мог и повлиять на них.

8 марта генерал Корнилов, посетив царский дворец, объявил Александре Федоровне, что она находится под арестом. Однако он тут же сделал оговорку, что целью ареста является не преследование царской семьи, а защита ее от революционно настроенной солдатни. С той же целью, добавил он, в Могилеве арестован и государь, который будет препротивожден в Царское Село. И последнее, что пообещал генерал Александре Федоровне: «Как только позволят обстоятельства, Временное правительство отправит всю семью государя в Мурманск, где их будет ждать английский крейсер, на котором они отправятся в Англию».

Персона «non grata»

Такой был план. Однако ему не суждено оказалось исполнится. Английское правительство и, в частности, король Георг V, двоюродный брат Николая, направил телеграмму в адрес Временного правительства. «Правительство Англии, — говорится в этом документе, — не считает возможным оказать гостеприимство бывшему царю». 30 марта личный секретарь Георга V телеграфировал: «Его Величество... сомневается в том, что в настоящее время разумно пригласить в Англию царскую семью не только ввиду путешествия, но и в не меньшей степени по соображениям целесообразности».

Георгу V было известно о враждебных по отношению к русскому царю настроениях в Англии, и он, опасаясь за свою популярность в стране, не стал рис-

ковать. О чем и было уведомлено Временное правительство.

Английский посол во Франции Берти, зная откровенно враждебное отношение французов к Николаю и его семье, пишет письмо секретарю по иностранным делам.

«Не думаю, — говорится в этом послании, — что бывший император и его супруга будут приняты во Франции с распластанными объятиями. Императрица не только «бош» (немка) по рождению, но и симпатизирует «бошам». Она всеми силами пыталась достичь соглашения с Германией. Здесь ее считают преступницей или психопаткой с преступными наклонностями, а к бывшему Императору относятся, как к преступнику вследствие его слабости и того факта, что он следовал указаниям Императрицы.

Искренне ваш *Берти*».

Таким образом, судьба бывшего императора и его семьи была фактически предрешена. В собственной стране его ненавидели, а правительства союзных государств откестились от него, чтобы не скомпрометировать себя перед мировым сообществом тем, что они предоставили убежище человеку, царствование которого связано с распутиницей и кровавыми преступлениями против собственного народа. Последний российский царь привел страну на край пропасти. Она истекала кровью, была ввергнута в нищету и хаос. Временное правительство, пришедшее на смену царскому режиму, так и не смогло преодолеть глубочайший кризис. Оно считало себя обязанным продолжать войну до победного конца. И только большевики во главе с Лениным бросили лозунг о прекращении братоубийственной войны. За этой партией и пошел обездоленный российский народ.

На сей счет существует твердое мнение: последнего российского императора Николая II и его семью без суда и следствия убили большевики. Такую мысль настойчиво вколачивают в сознание людей так называемые демократы и политики новой волны. Это происходит не от незнания истинного существа дела, а для достижения определенных политических целей. Во-первых, здесь четко просматривается желание под огульным обвинением скрыть настоящих убийц (палачи — это конкретные, а не абстрактные личности), а во-вторых, бросить ком грязи в партию большевиков: вот, мол, какие они изверги и садисты, учинившие расправу над безоружной семьей. Утверждается даже, что Николая II и его семью расстреляли по личному приказу В. И. Ленина, мстившего династии Романовых за смерть своего старшего брата, казненного Александром III, отцом последнего российского императора. Что именно ради мести он, Ленин, и совершил октябрьский переворот в стране.

Оставим такие сказки без комментариев на совести этих «специалистов» от истории.

Обвиняют в смерти царя и Сталина, для которого, как утверждают демократы, убить человека — раз плюнуть.

Оговоримся сразу: ни В. И. Ленин, ни И. В. Сталин не имеют никакого отношения к убийству последнего российского императора и его семьи. Ленин категорически настаивал на судебном разбирательстве деятельности свергнутого с престола царя и

его жены Александры Федоровны. Что касается И. В. Сталина, то он в то время, когда решалась судьба царя, вообще был вне Москвы и занимался другими делами. Поэтому у него есть, как говорится, железное алиби.

Забегая вперед, скажем: царь и его семья стали жертвами борьбы за власть Троцкого и его сподвижников, о чем речь пойдет ниже.

* * *

Прежде всего отметим: Николая II лишили престола не большевики, а нарождающаяся российская буржуазия, крупные помещики и военная элита. Из их числа и было сформировано Временное правительство. На первом этапе его возглавлял князь Г.Е. Львов, позже адвокат А. Ф. Керенский. От них и зависела судьба отрекшегося от престола императора. Судьба, прямо скажем, незавидная, полная лишений и унижений. Словом, горе побежденным.

Низложенного царя и его жену Александру Федоровну арестовали 20 марта 1917 года по приказу Временного правительства. Такая мера пресечения была обусловлена двумя причинами, на которые впоследствии, уже будучи в эмиграции, ссылался Керенский.

— Во-первых, — говорил Александр Федорович, — мы учитывали крайне враждебное настроение солдатских и тыловых масс по отношению к императору, требующих немедленной его казни. Одним словом, нам нужно было уберечь царя и его семью от возможного и вполне реального самосуда толпы.

Во-вторых, если рабочие, крестьяне и солдатские массы были недовольны только внутренней полити-

кой царя, то некоторые национальные, буржуазные партии и высшее офицерство определенно усматривали во всей внутренней и внешней политике царя, и в особенности в действиях императрицы и ее кружка, ярко выраженное предательство, направленное на развал страны.

Временное правительство, как утверждал Керенский, обязано было исследовать деятельность императора и его жены по всем направлениям. С этой целью постановлением от 17 марта 1917 года была учреждена Верховная чрезвычайно-следственная комиссия, которая и должна была обследовать деятельность носителей высшей власти старого строя и всех вообще лиц, подозревавшихся в действиях во вред интересам России.

Князь Львов, возглавлявший в тот период Временное правительство, дополняет Керенского.

— Мы обязаны были, — утверждает он, — ввиду определенного общественного мнения, тщательно и беспристрастно обследовать поступки бывшего царя и его жены, в которых общественное мнение видело вред и угрозу национальным интересам страны как с точки зрения внутренней, так и внешней политики.

Таким образом, взятие под стражу свергнутого императора и императрицы было оправдано со всех точек зрения. С того мгновения их жизнь стала полностью зависеть от воли Керенского, на которого и были возложены обязанности по содержанию и охране царя и его семьи.

Свою заботу и внимание к Николаю и его семье Керенский оценивает чрезвычайно высоко. Однако факты говорят о том, что он особенно не церемонился с узниками. Об этом свидетельствует и инструк-

ция, по которой должны были жить царственные особы в заточении. Прежде всего, у Николая отобрали все документы, дневники и прочие бумаги. Он был ограничен в свободе передвижения даже внутри дворца. Какое-то время ему не позволялось встречаться даже с императрицей, а если и разрешали увидеться с ней, то только под наблюдением дежурного офицера. Причем им позволяли вести беседы только на общие темы. Согласно инструкции, Николай и его семья были полностью изолированы от внешнего мира. Они могли передвигаться только внутри дворца, а для прогулок отводилось специально огороженное место. Запрещались всякие свидания, переписка подвергалась строгой цензуре. За жизнью заключенных велось двойное наблюдение — внешнее, ответственность за которое возлагалась на начальника караула, и внутреннее, под строгим надзором коменданта дворца.

Посещение Керенским царской семьи в заключении было лишено всякой учтивости. Он бесцеремонно вторгался в семейный уклад отставного монарха, громко, по-хозяйски отдавал распоряжения и всем своим видом демонстрировал Николаю, что тот не помазанник Божий, а простой смертный.

Соответственно вела себя и охрана. Николай постоянно чувствовал свое унижение. Привыкший повелевать и властвовать, он теперь должен был жить по какой-то дурацкой инструкции, составленной каким-то Керенским, а офицеры и солдаты не отдавали ему честь, а смотрели на него с презрением. Но самое сильное унижение он испытал во время своего первого после отречения от престола приезда во дворец, где находились под арестом его жена и дети.

Солдат, стоявший на посту, долго не открывал ему ворота, ожидая распоряжения начальника караула. Наконец, он появился и, не подходя к воротам, крикнул с крыльца:

— Открыть ворота бывшему царю.

Когда Николай поднимался по длинной дворцовой лестнице его провожали глазами группы офицеров. То, что он прочел в их глазах, поразило его до глубины души. Это были те самые офицеры, которые еще вчера замирали в восторге от одного его милостивого взгляда, а сегодня они курили, держали руки в карманах и даже не ответили на его приветствие. Во время прогулок караульные солдаты почти впритык шли за ним и его семьей. А стоило императрице присесть на скамью, как они тут же усаживались рядом и вели непристойные разговоры. Посещения Керенского и других членов Временного правительства не облегчали жизнь бывшего монарха. Отрезанный высокой дворцовой оградой от внешнего мира, он не знал действительного развития событий и пользовался только косвенными сведениями и слухами. Они были неутешительными. Говорили о нарастающей смуте в Питере, о том, что Временное правительство «висит на волоске» и власть может перейти в руки большевистских Советов. Это не сулило ничего хорошего, и Николай с тревогой ожидал дальнейшего развития событий и решения своей судьбы и судьбы своей семьи.

Развязка наступила скоро. Во время очередного своего визита Керенский сообщил ему, что принято решение об отправке всей августейшей фамилии в Тобольск. Причиной, побудившей Временное правительство к таким шагам, стала крайняя неустой-

чивость общественной жизни внутри столицы, обострение политической борьбы и полная непредсказуемость событий... Однако Керенский ничего не стал объяснять царю. Не сказал он и того, что это была его личная инициатива. Что касается Николая, то он не ожидал такой ссылки. Он надеялся, что его с семьей отправят в Крым, где проживали некоторые из великих князей и его мать, Мария Федоровна. Наконец, в случае опасности, из Крыма легко можно было выехать за границу.

Забегая вперед, скажем: Николай не ошибался в своих расчетах. Мария Федоровна и великие князья, жившие в Крыму, спаслись, а царь и его семья погибли. Он предполагал, что так может случиться. Но опять же не смог ничего сделать. Как не смог он уберечь страну, так же оказался не в состоянии уберечь и защитить и собственную семью — жену и детей. Правда, на момент переселения царской семьи в Сибирь Керенский считал, что это делается для их спасения. И царь не стал ему возражать.

* * *

Дом в Тобольске, где поселился Николай со своей семьей, ранее принадлежал губернатору и находился на улице, получившей после революции название «Улица Свободы». Это было каменное сооружение в два этажа с коридорной системой. Жизнь тут текла неспешно и спокойно, монотонно и однообразно. Николай и его семья жили в темном мире одних и тех же событий, одних и тех же интересов и переживаний. Дом, огороженный двор, небольшой сад — вот и вся территория, доступная царственным особам. Всегда одни и те же люди. Даже в церкви уз-

ники ни с кем не могли общаться, так как народ не допускался, когда там молилась царская семья.

Физический труд, качели и ледяная горка — вот и все развлечения, оставшиеся доступными монаршей семье. Такая жизнь была невыносима и она не могла долго продолжаться. Николай ждал перемен.

В сентябре в Тобольск приехал комиссар Временного правительства Панкратов и его помощник Никольский. Однако они не только не облегчили жизнь узников, а лишь еще более усложнили ее. Особенно свирепствовал Никольский. Когда он увидел, что у царя хранится вино в ящике, он взял молоток и перебил все бутылки, вызвав возмущение не только Николая, но и солдат, охранявших царскую семью.

Бесчинства Никольского продолжалось довольно долго. Он и Панкратов пережили власть Временного правительства, направившего их в Тобольск, и были изгнаны солдатами после Октябрьской революции. Их сменил комиссар Яковлев. Он прибыл в Тобольск с отрядом в 150 красноармейцев 22 апреля и предъявил свои документы начальнику караула полковнику Кобылинскому. Мандаты были подписаны председателем ВЦИК Яковом Свердловым. Первый документ удостоверял личность Яковлева, второй — являлся предписанием на имя Кобылянского, третий — адресовался отряду. Председатель ВЦИК Свердлов требовал беспрекословного подчинения приказаниям Яковлева, предоставлял ему право расстреливать неповинующихся на месте. Однако ни в одном из документов не оговаривались полномочия самого комиссара.

Яковлев познакомился с Николаем и его семьей. Несколько дней он присматривался к царскому быту.

Обратил особое внимание на болезнь наследника Алексея Николаевича, но не проронил ни одного слова и не задал ни одного вопроса. Только спустя трое суток он объявил Николаю, что имеет полномочия от ВЦИКа вывезти из Тобольска его и всю семью. Однако, учитывая болезнь Алексея Николаевича, получил новое задание — вывезти его одного. Такая постановка вопроса озадачила бывшего царя. Он усмотрел здесь какой-то подвох и наотрез отказался подчиниться распоряжению. Яковлев его предупредил.

— Прошу этого не делать, — сказал он, — я должен исполнить приказ. Если вы откажетесь ехать, то я должен буду воспользоваться силой или отказаться от возложенного на меня поручения. Тогда вместо меня могут прислать другого, менее гуманного человека.

Здесь Николай почувствовал жесткую хватку новых властей и еще острее ощущил — в который раз — полное бессилие перед обстоятельствами.

* * *

26 апреля 1918 года в половине четвертого утра из Тобольска в жестких кибитках выехали Николай Александрович, Александра Федоровна и их дочь Мария Николаевна. Остальные члены семьи остались в Тобольске.

Ближайшим пунктом назначения, куда стремился попасть Яковлев, была Тюмень... Впрочем, до сих пор никто не знает точных намерений Яковleva. Известно только, что он попал в Екатеринбург. Здесь его задержали и объявили «вне закона» за то, что он пытался вывезти царя за границу. Яковлев протесто-

вал, но с ним не церемонились и посадили в каталажку. Через сутки, правда, отпустили. Он уехал в Москву и оттуда прислал телеграмму своему телеграфисту: «Собирайте отряд. Уезжайте. Полномочия я сдал. За последствия не отвечаю». И все. Перед кем он отчитывался в Москве? Кому сдал полномочия? Какие могут быть последствия, за которые он не хотел нести ответственность? Об этом ни слова. Создается впечатление, что Яковлева использовали для выполнения какой-то части миссии, не посвящая во весь план операции. Есть основания предполагать, что председатель ВЦИК Свердлов, подписывая документы Яковлеву, знал, что задержание в Екатеринбурге не случайное недоразумение, а часть большого плана.

На такую мысль наводит одно обстоятельство. Накануне приезда Яковлева в Тобольск прибыл небольшой отряд из Екатеринбурга под командованием Заславского. По воспоминаниям свидетелей того времени, он был очень неприятным, желчным человеком. Он сразу же потребовал переселения царской семьи из губернаторского дома в каторжную тюрьму. Столь суровая мера, по его мнению, была необходима для предотвращения возможного побега Николая, которого собираются якобы освободить сообщники, соорудив подкоп под зданием. Однако начальник караула Кобылинский и в целом его отряд воспротивились такому решению, и Заславский уехал в Екатеринбург, пригрозив солдатам охраны, что это дело он так не оставит.

С приездом спокойного и вразумительного комиссара Яковлева о Заславском забыли и вспомнили о нем, лишь когда отставной царь, его жена Алексан-

дра Федоровна и их дочь оказались в Екатеринбурге. Создавалось впечатление, что по какому-то хитро разработанному плану, чтобы не подымать большого шума в Тобольске, их заманили в екатеринбургскую ловушку. Николая, его жену и дочь поселили под усиленной охраной в доме Ипатьева — последнем пристанище царя. Сюда же привезли и остальных членов семьи, которые остались в Тобольске.

* * *

Жизнь императора и его семьи в Екатеринбурге, как говорится, не назовешь медом. Они попали в железные лапы вышеупомянутого Заславского и еще двух «специалистов», Шая Исаковича Голощекина и Якова Хаимовича Юровского. В биографии этой троицы много белых (вернее, скорее всего, черных) пятен. Шая Исакович, мещанин города Витебска, по мнению современников, был человеком жестоким, с некоторыми чертами деградации на лице. На Урале он являлся членом областного совета и областным военным комиссаром.

Под стать Голощекину был и Юровский. Его дед Ицка проживал в Полтавской области. Отец Хаим был уголовным преступником, которого сослали в Сибирь, за что его сын, Яков Хаимович, решил отомстить царю и его семье. Сам мститель учился в Томской еврейской школе «Талматейро» при синагоге, но так и не закончил ее. В Томске у него был часовей магазин. Примкнув к большевикам, параллельно с ремонтом часов он стал заниматься революционной деятельностью, за что его и сослали в Екатеринбург. Там Юровский открыл свою фотографию. По мнению близко знавших его людей — это был злопамятный, скрытный и жестокий человек.

Председателем Уральского областного совета был Белобородов (Янкель Вайсбарт). Вся троица числилась в партии большевиков и поддерживала тесную связь с председателем ВЦИК Яковым Свердловым (Янкель Мовшевич Розенфельд), а тот с Львом Троцким (Лев Давыдович Бронштейн). Забегая вперед, скажем: о своей близости с Белобородовым Троцкий говорит в автобиографической книге «Моя жизнь». «Я жил, — пишет он, — уже не в Кремле, а на квартире у своего друга Белобородова». Эти два друга вместе со Свердловым проводили на Дону «раскачивание», безжалостно уничтожая не только мятеожных казаков, но и мирных жителей хуторов и станиц. На их совести тысячи и тысячи загубленных ни в чем не повинных душ.

Но в начале 1918 года их занимали другие проблемы. К тому времени Троцкий стал вторым человеком после Ленина в партии и государстве. Но вторые роли его не устраивали, он хотел быть первым. Однако на пути к этой цели стояли два человека — Ленин и Николай II. Первый обладал сильным политическим авторитетом и поддержкой внутри страны, кроме того, он был опытным бойцом, которого так просто не обойдешь. Правда, в запасе всегда оставались крайние методы.

Что касается царя, то здесь помеха исходила с другой стороны. Шла война. Молодая Советская республика пылала в огне революции. Большевики могли не удержать власть. В таком случае союзники царской России или немцы могли бы освободить Николая и вернуть ему трон. Следовательно, царь или его наследник также представляли опасность для планов Троцкого.

Изначально устранение царя и его семьи замышлялось осуществить в Тобольске. Именно с этой целью (другого объяснения не найти) туда приезжал из Екатеринбурга Заславский. Однако он не нашел поддержки со стороны начальника караула и солдат, под стражей которых находилась царская семья. Заславский, как говорят, вернулся несолоно хлебавши в Екатеринбург и доложил сложившуюся обстановку Белобородову, который в срочном порядке выехал в Москву, где встретился с Троцким и Свердловым. Здесь они, надо полагать, и разработали тот хитроумный план перевода царя из Тобольска в Екатеринбург, который успешно осуществил Яковлев.

* * *

Лев Борисович спешил. В мутной воде взбаламутивших Россию революционных событий он чувствовал себя вполне уверенно и понимал, что рыбку ловить надо быстро, пока муть не осела на дно. Обстановка благоприятствовала планам «иудушки» Троцкого. Внутреннее и внешнее положение Советской России требовало подписания мирного договора. Страна находилась в состоянии крайней экономической разрухи, старая армия развалилась, а новая боеспособная, рабоче-крестьянская, еще не была создана. Народ требовал мира, на этом настаивал и В.И. Ленин. Однако значительная часть высших партийных работников, в том числе и Троцкий, не считаясь с объективными фактами, требовала продолжения войны. В партии образовалась группа «левых коммунистов» во главе с Бухариным, не допускавших мысли о каких-либо соглашениях с империалистами. Бухарин договорился даже до того, что во

имя «интересов международной революции» нужно идти на утрату Советской власти. Это была демагогическая и авантюристическая политика. В какой-то мере примыкал к ней и Троцкий, в то время нарком иностранных дел. Он предлагал: объявить войну прекращенной, армию демобилизованной, но мира не подписывать.

В конце января 1918 года в Бресте начались мирные переговоры с Германией. Провожая советскую делегацию в Брест, Ленин давал напутствие Троцкому:

— Всячески затягивайте переговоры, — говорил он, — но как только немцы предъявят ультиматум, немедленно подпишите договор.

Однако Лев Давыдович не выполнил указаний Ленина. Он не стал ожидать немецкого ультиматума, а высказал свою идею: Советская Россия войну прекращает, армию демобилизует, а мирного договора не подписывает.

Можно только представить, как таким заявлением Троцкий рассмешил немецкую делегацию. У него спросили: «Понимает ли господин Троцкий, что отказ от подписания мирного договора автоматически влечет за собой продолжение войны?» Лев Давыдович гордо отказался от ответа на этот вопрос, и советская делегация покинула Брест.

Воспользовавшись разрывом переговоров, австро-германские войска перешли в наступление, и Советской России пришлось подписывать еще более унизительный договор с потерей огромной территории и выплаты чрезмерной контрибуции.

Троцкий был освобожден от должности наркома иностранных дел и назначен председателем революционного совета — наркомом по военным делам. Лев

Давыдович надел шинель, нацепил кобуру с пистолетом и стал разъезжать по фронтам, пугая капиталистов мировой революцией. Все победы гражданской войны, кто бы их ни одерживал — Сталин, Фрунзе, Буденный, Ворошилов... — он приписывал только себе. Зарубежная пресса, которая находилась в руках сионистской братии, называла его Красным Наполеоном.

— Мы должны превратить Россию в пустыню, населенную белыми неграми, которым мы дадим такую тиранию, какая не снилась самим страшным despotам Востока... — как вспоминал бывший секретарь Распутина Арон Симанович, разглагольствовал Троцкий. — Мы прольем такие потоки крови, перед которыми содрогнутся и побелеют все человеческие потери капиталистических войн. Крупнейшие банкиры из-за океана будут работать в теснейшем контакте с нами. Если мы выиграем революцию, раздадим Россию, то на погребальных обломках ее укрепим власть сионизма и станем такой силой, перед которой весь мир опустится на колени. Мы покажем, что такое настоящая власть. Путем террора, кровавых банд мы доведем русскую интеллигенцию до полного отупения, до идиотизма, до скотского состояния. А пока наши юноши в кожаных куртках — сыновья часовых дел мастеров из Одессы, Орши, Гомеля и Винницы, — о, как великолепно, как восхитительно умеют они ненавидеть! С каким наслаждением они физически уничтожают русскую интеллигенцию — офицеров, инженеров, учителей, священников, генералов, агрономов, академиков, писателей!..

Вот в руки таких «мальчиков в кожаных куртках» и попал бывший император с семьей. 12 июля

1918 года Уральский совет под председательством Белобородова принимает решение: предать Романовых казни, не дожидаясь суда. Далее события развивались со стремительной быстротой. Юровский в спешном порядке стал формировать отряд убийц, в который вошли австро-германские пленные и преданные ему служаки из «чрезвычайки». Им он без проволочек объявил, что получена команда из Москвы о казни царской семьи.

17 июля в 12 часов ночи Юровский разбудил Николая и его семью, потребовав, чтобы они быстро оделись и следовали за ним. Свои действия он объяснил тем, что ночь предстоит опасная и, проявляя заботу о безопасности императора и его семьи, было принято решение переместить их в нижние комнаты. Когда все спустились в предназначеннное место, Юровский сделал заявление: «Николай Александрович, — сказал он, обращаясь к императору, — ваши родственники старались вас спасти, но им не удалось. Мы вынуждены вас расстрелять». С этими словами он выстрелил в царя, а вслед за ним открыл стрельбу по безоружным узникам прибывший с ним отряд. Кроме царя, Юровский лично застрелил и наследника престола.

Через несколько минут все было кончено. В ту же ночь Юровский предпринял все, чтобы замести следы и уничтожить все улики. Утром он доложил Белобородову о сделанной «работе». Белобородов, не откладывая дело в долгий ящик, тут же отправился в Москву с докладом к председателю ВЦИК Свердлову, который сердечно пожал ему руку и поблагодарил за верную службу. Но наибольшую радость и удовлетворение от убийства царя и его семьи испы-

тал Троцкий: была устранина одна из двух помех к вершине власти в новой России.

Теперь на очереди остался один В.И. Ленин. Подготовка к его убийству шла полным ходом. Этот акт должны были осуществить доверенные и хорошо проверенные люди. «Осечка» исключалась. И вскоре, 30 августа, спустя 43 дня после убийства царя, было совершено покушение на В.И. Ленина. Но здесь вышла промашка. Владимир Ильич был только ранен, а не убит. Покушение совершила Фани Каплан (Фейга Хаимовна Ройдман).

В дальнейшем, как известно, события развивались не по сценарию Троцкого. Но убийство последнего российского императора Николая II и покушение на В.И. Ленина — это звенья одной цепи, беспощадной борьбы Троцкого за власть в России.

Конец династии Романовых

Династия Романовых, правившая Россией с 1613 г., утратила власть над страной в 1917 г.

Род Романовых восходит к боярину Андрею Кобыле (XIV в.); до начала XVI в. именовались Кошкиными, затем Захарьиными, Никита Романович Захарын (?—1586) — дед царя Михаила Федоровича.

Михаил Федорович	(1613—1645)
Алексей Михайлович	(1645—1676)
Федор II Алексеевич	(1676—1682)
Петр I Алексеевич	(1682—1725)
Екатерина I (Марта Скавронская)	(1725—1727)
Петр II Алексеевич	(1727—1730)
Анна Иоанновна	(1730—1740)
Иван VI Антонович	(1740—1741)

Елизавета Петровна (1741—1761)
Петр III (Карл-Петр-Ульрих) (1761—1762)
Екатерина II (Софья Анхальт-Цербстская) (1762—
1796)
Павел I Петрович (1796—1801)
Александр I Павлович (1801—1825)
Николай I Павлович (1825—1855)
Александр II Николаевич (1855—1881)
Александр III Александрович (1881—1894)
Николай II Александрович (1894—1917)

СТАЛИН

Страницы жизни

Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович
(21 декабря 1879 — 5 марта 1953)

Верховный главнокомандующий Вооруженными Силами СССР

Председатель Совета Народных Комиссаров СССР
Председатель Государственного Комитета Обороны
Генеральный секретарь ЦК ВКП(б)

Маршал Советского Союза

С 1946 года — генералиссимус Советского Союза

Вместо предисловия

Вначале хотелось бы привести обширную выдержку из «Воспоминаний и размышлений» Георгия Константиновича Жукова, человека, близко знавшего Сталина и видевшего его в самые сложные и ответственные моменты жизни. Безусловно, это предвзятый взгляд, но он интересен, ему можно верить.

«Близко узнати И. В. Сталина мне пришлось после 1940 года, когда я работал в должности начальника Генштаба, а во время войны — заместителем Верховного главнокомандующего.

О внешности И. В. Сталина писали уже не раз. Невысокого роста и непримечательный с виду, И. В. Сталин производил сильное впечатление. Ли-

шенный позерства, он подкупал собеседника простотой общения. Свободная манера разговора, способность четко формулировать мысль, природный аналитический ум, большая эрудиция и редкая память даже очень искушенных и значительных людей заставляли во время беседы с И. В. Сталиным внутренне собраться и быть начеку.

Идти же на доклад в Ставку, к И. В. Сталину, скажем, с картами, на которых были хоть какие-то «белые пятна», сообщать ему ориентировочные, а тем более преувеличенные данные было невозможно. И. В. Сталин не терпел ответов наугад, требовал исчерпывающей полноты и ясности.

У И. В. Сталина было какое-то особое чутье на слабые места в докладах или документах, он тут же их обнаруживал и строго взыскивал с виновных за нечеткую информацию. Обладая цепкой памятью, он хорошо помнил сказанное, не упускал случая довольно резко отчитать за забытое. Поэтому штабные документы мы старались готовить со всей тщательностью, на какую только способны были в те дни.

И. В. Сталин не любил сидеть и во время разговора, медленно ходил по комнате, время от времени останавливалась, близко подходя к собеседнику и прямо смотря ему в глаза. Взгляд у него был ясный, пронизывающий.

Он говорил тихо, четко отделяя одну фразу от другой, почти не жестикулируя, в руках чаще всего держал трубку, даже потухшую, концом которой любил разглаживать усы.

Говорил он с заметным грузинским акцентом, но русский язык знал отлично и любил употреблять образные литературные сравнения, примеры, метафоры.

И. В. Сталин смеялся редко, а когда смеялся, то тихо, как будто про себя. Но юмор понимал и умел ценить остроумие и шутку. Зрение у него было очень острое, и читал он без очков в любое время суток. Писал, как правило, сам, от руки. Читал много и был широко осведомленным человеком в самых разнообразных областях. Его поразительная работоспособность, умение быстро схватывать материал позволяли ему просматривать и усваивать за день такое количество самого различного фактологического материала, которое было под силу только незаурядному человеку.

Трудно сказать, какая черта характера преобладала в нем. Человек разносторонний и талантливый, он не был ровным. Он обладал сильной волей, характером скрытным и порывистым.

Обычно спокойный и рассудительный, он иногда впадал в раздражение. Тогда ему изменяла объективность, он буквально менялся на глазах, еще больше бледнел, взгляд становился тяжелым и жестким. Не много я знал смельчаков, которые могли выдержать сталинский гнев и отпариовать удар.

У И. В. Сталина был несколько необычный распорядок дня: работал он главным образом в вечернее и ночное время. Вставал не раньше 12 часов дня. Работал много, по 12—15 часов в сутки. Приспосабливаясь к распорядку дня И. В. Сталина, до поздней ночи работали ЦК партии, Совет Народных Комиссаров, наркоматы и основные государственные и планирующие органы. Это сильно изматывало людей.

Многие политические, военные и общегосударственные вопросы обсуждались и решались не только на официальных заседаниях Политбюро ЦК и в Секретariate ЦК, но и вечером за обедом на квартире

или на даче И. В. Сталина, где обычно присутствовали наиболее близкие ему члены Политбюро. Тут же за этим обычно весьма скромным обедом И. В. Сталиным давались поручения членам Политбюро или наркомам, которые приглашались по вопросам, находившимся в их ведении. Вместе с наркомом обороны иногда приглашался начальник Генерального штаба.

В довоенный период мне трудно было оценить глубину знаний и способностей И. В. Сталина в области военной науки, в вопросах оперативного и стратегического искусства, так как в Политбюро и лично у И. В. Сталина (во всяком случае, тогда, когда мне доводилось там бывать) рассматривались и решались главным образом организационные, мобилизационные и материально-технические вопросы.

Могу только повторить, что И. В. Сталин всегда много занимался вопросами вооружения и боевой техники. Он часто вызывал к себе главных авиационных, артиллерийских и танковых конструкторов и подробно расспрашивал их о деталях конструирования этих видов боевой техники у нас и за рубежом. Надо отдать ему должное, он неплохо разбирался в качествах основных видов вооружения.

От главных конструкторов, директоров военных заводов, многих из которых он знал лично, И. В. Сталин требовал производства образцов самолетов, танков, артиллерии и другой важнейшей техники в установленные сроки и таким образом, чтобы они по качеству были не только на уровне зарубежных, но и превосходили их.

Без одобрения И. В. Сталина, как я уже говорил, ни один образец вооружения или боевой техники не

принимался на вооружение и не снимался с вооружения. Разумеется, это ущемляло инициативу наркома обороны и его заместителей, ведавших вопросами вооружения Красной Армии.

Перед Отечественной войной и особенно после войны И. В. Сталину отводилась выдающаяся роль в создании вооруженных сил, в разработке основ советской военной науки, основных положений в области стратегии и даже оперативного искусства.

Действительно ли И. В. Сталин являлся выдающимся военным мыслителем в области строительства вооруженных сил и знатоком оперативно-стратегических вопросов?

Как военного деятеля И. В. Сталина я изучил до скончалью, так как вместе с ним прошел всю войну.

И. В. Сталин владел вопросами организации фронтовых операций и операций групп фронтов и руководил ими с полным знанием дела, хорошо разбираясь и в больших стратегических вопросах. Эти способности И. В. Сталина как Главнокомандующего особенно проявились, начиная со Сталинграда.

В руководстве вооруженной борьбой в целом И. В. Сталину помогали его природный ум, богатая интуиция. Он умел найти главное звено в стратегической обстановке и, ухватившись за него, оказать противодействие врагу, провести ту или иную крупную наступательную операцию. Несомненно, он был достойным Верховным главнокомандующим.

Конечно, И. В. Сталин не вникал во всю ту сумму вопросов, над которой приходилось кропотливо работать войскам и командованию всех степеней, чтобы хорошо подготовить операцию фронта или группы фронтов. Да ему это и не обязательно было знать.

В таких случаях он, естественно, советовался с членами Ставки, Генштабом и специалистами по вопросам артиллерии, бронетанковым, военно-воздушным и военно-морским силам, по вопросам обеспечения тыла и снабжения.

Лично И. В. Сталину приписывали ряд принципиальных разработок, в том числе о методах артиллерийского наступления, о завоевании господства в воздухе, о методах окружения противника, о рассечении окруженных группировок врага и уничтожении их по частям и т. д.

Все эти важнейшие вопросы военного искусства являются плодами, добытыми на практике, в боях и сражениях с врагом, плодами глубоких размышлений и обобщения опыта большого коллектива руководящих военачальников и самих войск.

Заслуга И. В. Сталина здесь состоит в том, что он правильно воспринимал советы наших видных военных специалистов, дополнял и развивал их и в обобщенном виде — в инструкциях, директивах и наставлениях — незамедлительно давал их войскам для практического руководства.

Кроме того, в обеспечении операций, создании стратегических резервов, в организации производства боевой техники и вообще в создании всего необходимого для фронта И. В. Сталин, прямо скажу, проявил себя выдающимся организатором. И будет несправедливо, если мы не отдадим ему за это должное.

Но, конечно, прежде всего мы должны поклониться до земли нашему советскому человеку, который, отказывая себе в самом необходимом, в питании и сне, делал все от него зависящее, чтобы вы-

полнить задачи, которые ставила перед народом Коммунистическая партия в целях организации победы над врагом».

Май сорок пятого

Земля, истерзанная и израненная войной, пробуждалась к жизни. Зеленели поля, цвели сады, щебетали птицы. Весна. Stalin любил это время года. В юношеские годы он даже писал стихи о весне, о любви. Иосиф Виссарионович попытался вспомнить хотя бы одну строчку, написанную им в те далекие годы, но не смог. Все его мысли были заняты Берлином. Там сегодня представители Верховного главнокомандования СССР, США, Англии и Франции подпишут акт о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии. Он ждал этого часа долгих четыре года. Нет, не ждал — он бился, сражался неистово и страшно, чтобы приблизить это мгновение. И вот оно пришло. Он победил. Это его победа. Это победа советского народа и нового социалистического строя. Мир безусловно обновится и станет лучше.

Стрелки часов дрогнули на цифре 12. Полночь. Именно в это время с 8-го на 9 мая и будет подписан акт о безоговорочной капитуляции. Stalin мысленно представил себе, как будет проходить процедура. «Было бы ох как любопытно воочию глянуть на лица немецких генералов. Как они себя будут вести? Униженно, как поверженные и раздавленные, или с very-соко поднятой головой, — побежденные, мол, но не сломленные?»

Stalin неслышно ходил по ковру кабинета, потом подошел к столу, присел на край стула, но тут же поднялся и снова начал вышагивать из угла в угол.

На ходу как-то думалось легче. Ему самому хотелось присутствовать при подписании акта о безоговорочной капитуляции, но это невозможно — не его уровень. Это дело поручено решать представителям Верховного главнокомандования. Пусть решают. От Советского Союза исторический акт будет подписывать Георгий Жуков. Stalin дал ему все необходимые указания и полномочия. Собственно, — Иосиф Виссарионович был уверен в этом, — Жуков и без его указаний не ударил бы в грязь лицом. Крепкий орешек. И тем не менее...

Stalin посмотрел на часы. Было половина первого ночи. «По всей видимости, — думал Иосиф Виссарионович, — Жуков сейчас выступает с речью, которую ему подготовил Вышинский. Интересно, о чем будут говорить представители США, Англии и Франции. Какие оценки они дадут? Впрочем, не стоит над этим ломать голову. Скоро все и так станет ясно.

В это время вошел Поскребышев.

— Звонит Жуков, — сказал он.

Stalin взглянул на часы.

«Что-то они быстро управились, — подумал он, — или что-то не сладилось»

Иосиф Виссарионович снял трубку.

— Товарищ Stalin, — по военному докладывал Жуков, — акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии подписан. С победой вас, товарищ Stalin.

— Хорошо, — сказал Иосиф Виссарионович. — Я вас также поздравляю с победой и поздравьте от моего имени наших союзников. Я думаю, вы все вместе отметите это событие.

В тот же день, 9 мая, Stalin уже знал все подробности подписания документов. Вся процедура дли-

лась 45 минут. Подумать только! Четыре изнурительных года кровопролитнейшей войны — и 45 минут. Есть в этом что-то невероятное и даже неправдоподобное.

Доложили Сталину и о поведении немецкой делегации. Вначале ее члены держались спокойно и даже чуть высокомерно. Кейтель еще пытался, картино вскинув руку с маршальским жезлом, приветствовать представителей стран победителей, но Жуков сразу его одернул

— Сядьте, — сказал он отрывисто.

«И это правильно, — отметил про себя Иосиф Виссарионович, слушая доклад, — нечего им рядиться в чистеньких парламентариев. Мундиров со свастикой чистеньких не бывает».

Немецкая делегация сразу же сникла. Кейтель выронил свой монокль, и он повис у него на шнурке.

— Имеет ли на руках немецкая делегация акт о безоговорочной капитуляции Германии, — спросил Жуков, — и имеет ли полномочия подписать этот акт?

Кейтель ответил:

— Да-да, мы акт изучили и готовы его подписать.

— Предлагаю немецкой делегации, — сказал Жуков, — подойти сюда, к столу, чтобы подписать акт о безоговорочной капитуляции Германии.

Кейтель резко встал. Он неожиданно вышел из образа «поверженного, но не сломленного маршала». Выражение лица и непроизвольные жесты выражали одновременно и ненависть к противникам, и унижение побежденного. Он присел на край стула, вставил монокль и дрожащей рукой подписал все пять экземпляров акта о капитуляции.

Когда все формальности были завершены Жуков тем же безапелляционным тоном то ли сказал, то ли приказал:

— Немецкая делегация может быть свободна.

Затем, когда представители Германии покинули зал, продолжил, обращаясь к союзникам: «На этом, господа, позвольте заседание объявить закрытым».

Жуков поздравил союзников с победой и доложил Сталину о проделанной работе. Никаких речей он не стал произносить. Доклад, который подготовил для него Вышинский, он «забыл» в сейфе своего кабинета, что, естественно, не понравилось Вышинскому, и он не преминул доложить об этом Сталину. Но Иосиф Виссарионович не придал этому особого значения. Он и сам не любил длинных речей. Его обращение к народу по случаю подписания акта о безоговорочной капитуляции фашистской Германии отпечатано всего на двух страницах. Он подготовил его еще 7 мая, а после звонка Жукова из Берлина решил еще раз просмотреть текст выступления и что-то изменить или подправить.

Однако никаких поправок или изменений он не стал вносить. Текст обращения отвечал его настроению и духу времени.

«Товарищи! Соотечественники и соотечественницы! – так начал он свое выступление. — Наступил великий день Победы над Германией. Фашистская Германия, поставленная на колени Красной Армией и войсками наших союзников, признала себя побежденной и объявила безоговорочную капитуляцию...

Великие жертвы, принесенные нами во имя свободы и независимости нашей Родины, неисчислимые лишения и страдания, пережитые нашим наро-

дом в ходе войны, напряженный труд в тылу и на фронте, отданые на алтарь отечества, не прошли даром и увенчались полной победой над врагом...

Три года назад Гитлер всенародно заявил, что в его задачи входит расчленение Советского Союза и отрыв от него Кавказа, Украины, Белоруссии, Прибалтики и других областей. Он прямо заявил: «Мы уничтожим Россию, чтобы она больше никогда не смогла подняться». Это было три года назад. Но сумасбродным идеям Гитлера не суждено сбыться — ход войны развеял их в прах. На деле получилось нечто прямо противоположное тому, о чем бредили гитлеровцы. Германия разбита наголову. Германские войска капитулируют. Советский Союз торжествует Победу, хотя он и не собирался ни расчленять, ни уничтожать Германию.

Товарищи! Великая Отечественная война завершилась нашей полной победой. Период войны в Европе кончился. Начался период мирного развития.

С победой вас, мои дорогие соотечественники и соотечественницы!

Слава нашей героической Красной Армии, отстоявшей независимость нашей Родины и завоевавшей победу над врагом!

Слава нашему великому народу, народу-победителю!

Вечная слава героям, павшим в боях с врагом и отдавшим свою жизнь за свободу и счастье нашего народа!»

* * *

Война закончилась, а забот и хлопот у Сталина не убавилось. Страна была разрушена и разграблена фашистами. Требовалось восстанавливать народное

хозяйство и перестраивать его на мирный лад. Такая работа уже велась по всем направлениям. Здесь нельзя было терять ни одной минуты. Сталиным были определены первоначальные задачи руководителям республик, областей и наркоматов. Определены задачи и сроки восстановления целого ряда базовых промышленных предприятий и отраслей, которые должны были начать выпуск продукции мирного назначения.

Но это долгосрочные планы. А в ближайшее время предстояло организовать достойное празднование Победы. Здесь также не должно быть никаких мелочей. Советский народ и Красная Армия выстрадали, выстояли и победили опаснейшего врага, и нужно было достойно отметить такое великое историческое событие.

В один из июльских дней Сталин пригласил к себе Жукова и после короткого приветствия спросил:

— Не разучился ездить на коне, товарищ маршал?

— Нет, не разучился, товарищ Сталин, — ответил Жуков.

— Хорошо, вам придется принимать Парад Победы. Командовать парадом будет Рокоссовский.

Жуков знал о предстоящем параде. Это была идея Сталина, и ее уже однажды обсуждали на одном из совещаний, где решался вопрос о переброске войск и военной техники с Запада на Дальний Восток для оказания помощи США в войне с Японией. С докладом на том совещании выступал начальник Генерального штаба Антонов. Когда все вопросы, связанные с этой проблемой были решены, Сталин неожиданно спросил:

— А не следует ли нам в ознаменование нашей победы над фашистской Германией провести в Москве Парад Победы?

Идею поддержали все присутствующие. И тут же принялись обсуждать некоторые детали предстоящего события. Само собой разумелось, что Парад Победы должен принимать Верховный главнокомандующий, это казалось очевидным и не обсуждалось. Антонову дали задание подготовить все необходимые расчеты и документы.

Все было сделано оперативно, в считанные дни. Согласно разработанному сценарию, в Параде Победы должны были принять участие по одному сводному полку от Карельского, Ленинградского, 1-го Прибалтийского, 1, 2 и 3-го Белорусских и 1, 2, 3 и 4-го Украинских фронтов, сводные полки Военно-морского флота и Военно-воздушных сил.

В состав полков включались Герои Советского Союза, Кавалеры орденов Славы, прославленные снайперы и наиболее отличившиеся орденоносцы — солдаты, сержанты, старшины, офицеры...

Сводные полки должны возглавлять командующие фронтами.

Решено было привезти из Берлина Красное Знамя, которое водружено над рейхстагом, а также боевые знамена немецко-фашистских войск, захваченных в сражениях советскими войсками.

Словом, Парад Победы должен стать историческим событием, которое подведет черту под Великой Отечественной и Второй мировой войнами и останется в памяти поколений. Возглавить парад, по мнению Жукова и всех командующих фронтами, должен был человек, который являлся душой этой победы,

который внес наибольший вклад в разгром страшного и жестокого врага.

— Спасибо за такую честь, — сказал Жуков, — но лучше Парад Победы принимать вам, вы — Верховный главнокомандующий.

Сталин, по своему обыкновению, какое-то время молча прохаживался по кабинету. Потом подошел к Жукову и сказал:

— Я уже стар принимать парады, принимайте вы, вы поможете.

Когда Жуков вышел, Сталин вызвал Поскребышева и продиктовал приказ:

«В ознаменование Победы над Германией в Великой Отечественной войне назначаю 24 июня 1945 года в Москве на Красной площади парад войск действующей армии, Военно-морского флота и Московского гарнизона — Парад Победы...

Парад Победы принимать моему заместителю Маршалу Советского Союза Г.К. Жукову, командовать парадом Маршалу Советского Союза К.К. Рокоссовскому.

Верховный главнокомандующий
Маршал Советского Союза
Сталин».

* * *

В 1945 году Сталину было 66 лет. Это еще не тот возраст, на который следовало бы жаловаться. Сказывались не годы, а усталость и тот объем работы, который он выполнял на протяжении долгих лет жизни. Он взял на себя всю ответственность за судьбу социалистического отечества и советских людей. Кроме Верховного главнокомандующего, он оста-

вался на постах Генерального секретаря ЦК ВКП(б), Председателя Совета Народных Комиссаров СССР и Председателя Государственного Комитета Обороны. Это была нечеловеческая нагрузка. Работать приходилось по 15—16 часов в сутки. Под его руководством и прямом участии разрабатывались, планировались и им же утверждались практически все крупные военные операции. Он контролировал работу предприятий, институтов и конструкторских бюро, занятых производством и созданием новых типов военной техники. Он смог мобилизовать все ресурсы партии и народа на разгром сильнейшего в мире, злобного и коварнейшего врага.

Дорогой ценой далась эта победа, но дешевых войн и побед не бывает. Они всегда уносят тысячи и тысячи человеческих жизней. А в последней войне счет шел на миллионы, на десятки миллионов. И сегодня, когда враг разбит, радость победы омрачается горечью потерь. Матери, получившие известия о погибших сыновьях, все равно ждут их возвращения, дети — отцов, невесты оплакивают потерянных любимых и потерянное счастье быть любимыми.

Сталин вместе со всем народом глубоко переживал и радость победы, и горечь утрат. В этой войне он потерял сына. То было его личное горе, с которым он никогда и ни с кем не делился. Он молча переживал свою боль, а окружающие думали, что он совершенно равнодушен к судьбе старшего сына. Вот если бы он распахнул свою душу и поплакался, тогда бы его оценили как отца. Но он не мог этого сделать. Он давно научился скрывать свои чувства под маской спокойствия и невозмутимости. Даже в самые критические моменты он не терял присутствия духа. Но

такое спокойствие, такая невозмутимость не проходили бесследно. Они томили и сдавливали сердце. Оставаясь наедине с собой, он иногда позволял себе расслабиться, подумать и вспомнить то, о чем он никогда и ни с кем не делился.

* * *

Незадолго до начала войны Иосиф Виссарионович собрал троих своих сыновей — Якова, Василия и Артема. Он объявил им, что война неизбежна, и спросил, что они думают по этому поводу.

Какое-то время дети молчали, а он ждал ответа, пристально всматриваясь в их лица. Как отец, Сталин знал характеры и привычки своих сыновей. Младший, Василий, неугомонный непоседа. Ему все тряси-трава и море по колено. Смелый и безумно-расточительный, он еще в школе доставлял немало хлопот учителям. С хитринкой, не пропасть лишний раз покрасоваться, но друзей не предаст, пойдет, не раздумывая, в огонь и воду.

Яков, старший сын, застенчивый, флегматичный, мягкий и на первый взгляд — робкий. Но это только на первый взгляд. Есть в нем и упорство и внутренняя сила. Яков рос и воспитывался до 14 лет у родственников первой жены Сталина Екатерины Сванидзе, которая умерла, когда Якову было всего два года. Сталин мало уделял ему внимания и времени. И здесь не было его вины. До революции — аресты, тюрьмы, сибирские ссылки, побеги, подпольная работа... После революции — множество чрезмерных забот и работа, работа, работа... Времени не оставалось ни для себя, ни для семьи. Яков рос без теплой материнской и отцовской заботы и был приучен

к самостоятельности. Он сам, без подсказок, выбрал институт, сам отнес документы в приемную комиссию и сам сдал экзамены.

Когда Иосиф Виссарионович узнал об этом, он позвонил ректору, для которого его звонок стал полной неожиданностью. Он даже не подозревал, что в его институте будет учиться сын Сталина.

То, что Яков ничего не сказал о выборе своей профессии, вызывало у Сталина противоречивые чувства. Огорчало то, что Яков не искал совета отца, и одновременно радовало, что тот самостоятельно принимает решения и не ищет поддержки влиятельного папы. Так поступают сильные духом люди.

Говорят, человек сам творец своей судьбы. К Якову это относилось в полной мере. Он влюбился, женился, развелся и снова влюбился и женился. Он не просил у отца ни одобрения, ни благословения. Когда Сталину сказали, что он должен вмешаться в личную жизнь Якова, он ответил: «Мужчина любит ту женщину, которую любит, и я ничего не могу изменить».

Окружение по-разному судило о таком отношении Сталина к своему сыну. Многие обвиняли его в равнодушии. Но Сталин знал: вмешательство родителей в выбор сына себе жены или дочери — мужа никогда ничего хорошего не дает. Об этом говорят бесчисленные житейские факты.

— Пусть все идет, как идет. Придет время — обрзумится.

Артем — третий сын — был не родным, а приемным ребенком в семье Сталина. Его настоящий отец, Артем Сергеев, друг и соратник Сталина по революционной борьбе, трагически погиб. Артем чем-то напоминал своего отца. Среднего роста, коренастый и

такой же смелый, сильный и вдумчивый. Он был связующим звеном между Василием и Яковом, которые по характеру являлись антиподами и часто ссорились по пустякам. Артем умел их примирять и снимать напряжение.

— Так что же вы скажете? — повторил свой вопрос Stalin.

— Тут и говорить нечего, — первым отозвался Василий, — если будет война, мы все пойдем воевать.

Stalin не ждал другого ответа.

— Война — серьезное дело, — сказал он, — и здесь шутки плохи. Врага нужно бить умеючи, а для этого нужно учиться. Вот я и хочу, чтобы каждый из вас выбрал себе военную профессию.

Яков и Артем решили стать артиллеристами, а Василий — военным летчиком.

Когда началась война, Stalin позвонил в военкомат и попросил, чтобы его сыновей использовали с учетом их военных профессий и знаний. Это была единственная привилегия, которую он предоставил своим сыновьям.

* * *

Военная судьба Артема и Василия сложились более-менее удачно. Они прошли всю войну, были ранены, остались живыми и дослужились до генеральских чинов. Якову не повезло. В первые дни войны он попал в плен. Кто-то донес фашистам, что он сын Stalina. Это вызвало особую жестокость палачей по отношению к Якову. От него требовали изменить Родине. Вначале его били и издевались над ним особо изощренными способами. Однако Яков устоял и не сломался под пытками. Тогда фашисты перешли к

новым методам — соблазнам. Якову пообещали все блага земли. Его повезли в Берлин, здесь он жил в комфортабельной гостинице, где ему создали все условия для роскошной жизни. Но он устоял и против соблазнов. Тогда его решили обменять на пленного фельдмаршала Паулюса. Но Сталин не пошел на сделку.

— Солдат на фельдмаршалов не меняю, — сказал он тогда. А сердце болело и болит сейчас: мог спасти сына — и не спас. Но если бы он тогда поддался этому искушению, то как бы стал сегодня смотреть в глаза матерей, чьи сыновья легли на полях сражений или погибли мученической смертью в плену?

Яков не дожил до разгрома гитлеровской Германии. Но он, как и миллионы его сверстников, отдал свою жизнь, чтобы сегодняшний парад, Парад Победы, состоялся.

Сталин медленно ходил по кабинету, думая о погибшем сыне, о себе, о стране, которая лежала в руинах, о людях, обездоленных войной и потерявших родных и близких. Однако (в этом он был твердо убежден) нельзя жить прошлым, нельзя жалеть себя. Жалость расхолаживает. А расслабляться нельзя ни на минуту. Там, за океаном, что-то замышляют. Сегодняшние союзники завтра могут стать врагами.

Сталин никогда не верил в искреннюю дружбу английских и американских политиков. На союз с СССР их толкнул страх перед Гитлером. Теперь главного врага нет, и они снова ополчатся против Советского Союза. К этому нужно быть готовым. Уже трубят заморские борзописцы, что фашистская Германия была разгромлена не Советской Армией, а победоносными войсками США и Англии. О Советс-

ком Союзе вспоминают как-то между прочим — мол, он также участвовал в войне, но его победы незначительны и одержаны благодаря военной помощи, которую оказывали ему Америка и Англия. Собственно, для Сталина здесь ничего не было нового. Он не раз говорил о том, что русские умеют воевать, но не умеют пользоваться плодами своей победы. Их всегда обманывал так называемый цивилизованный Запад. Однако на сей раз, думал Сталин, у заморских ловкачей номер не пройдет.

* * *

Сталин был убежден, что США и Англия никогда не согласятся со все возрастающим влиянием и ролью Советского Союза на международной арене, и потому не избежать ни провокаций, ни агресии с их стороны. Его предположения подтверждала и разведка. На столе Сталина уже лежали доклады о послевоенных планах союзников по коалиции. Вся их политика строилась на «сдерживании коммунизма». В рамки этого расплывчатого лозунга входила и «доктрина Трумэна», и сколачивание агрессивных блоков, и окружение Советского Союза плотным кольцом американских баз.

В обстановке величайшей секретности по указанию Черчилля разрабатывался план экстренной операции под кодовым названием «Немыслимое», предусматривающий начало военных действий против СССР с 1 июля 1945 года с привлечением сил немецкого вермахта. Подобное развитие событий Сталин никогда не исключал и был готов к ним. В оперативном плане принимались соответствующие меры противодействия — перегруппировка сил Крас-

ной Армии, укрепление обороны, детально изучалась дислокация войск западных союзников,

Однако операция «Немыслимое» не состоялась. Из рассекреченных документов личного досье Черчилля в октябре 1998 года, которые были опубликованы в английской и мировой печати, стало известно, что разработчики плана «Немыслимое» не рекомендовали правительству начинать войну против СССР. Они ссылались на то, что для Советского Союза «пирровой победы» над фашистской Германией, как на это рассчитывали Англия и Соединенные Штаты, не произошло. Победы удалось достигнуть хотя и ценой больших потерь, но все же в масштабах, не истощивших сил государства, не подорвавших его экономическую, политическую и военную мощь.

«В области экономики, — констатировали разработчики, — Россия обеспечивает себя широким спектром материальных потребностей для сухопутных войск и авиации. Военный потенциал России значительно вырос в первой половине 1945 года. Не возникнет для нее серьезных проблем и с продовольственным снабжением. Вооружение Русской армии совершенствовалось на протяжении всей войны и находится на хорошем уровне, не уступает другим великим державам... Из соотношения сухопутных сил сторон ясно, что мы не располагаем возможностями наступления с целью достижения быстрого успеха. Мы считаем, что, если начнется война, достигнуть быстрого ограниченного успеха будет вне наших возможностей, и мы окажемся втянутыми в длительную войну против превосходящих сил. Более того, превосходство этих сил может непомерно возрасти уже в процессе войны...»

Этот документ подписал и начальник Имперского генерального штаба фельдмаршал А. Брук, и начальник штаба ВМС и ВВС. Их анализ был подтвержден в сентябре 1945 года генералом Эйзенхауэром — в то время главнокомандующим союзными силами в Европе — и британским фельдмаршалом Б.Монтгомери.

Сегодня с полной уверенностью можно сказать, что благодаря политике Сталина была предотвращена третья мировая война.

Отступления и размышления

Пройдут годы. К власти в Советском Союзе придадут хрущевы, горбачевы, ельцины и другие политические «вожди». Они извратят все, что сделал советский народ под руководством Сталина, и начнут переписывать историю заново. В стране образуется пятая колонна, которая за доллары будет продавать интересы государства. Не имея и сотой доли тех качеств, которыми обладал Сталин, они будут порочить имя Сталина, обливать его грязью, принижать его заслуги, чтобы хоть как-то возвыситься самим.

Даже трагическая смерть Якова будет поставлена ему в вину: мог спасти сына, обменяв его на немецкого фельдмаршала, но не сделал... И далее: если он так обошелся со своим сыном, то как он мог жалеть чужих детей?! Он гнал их на смерть, чтобы не потерять власть и спасти свою шкуру. До такого не могла додуматься даже геббельсовская пропаганда.

* * *

Но все это произойдет потом, когда Сталин уйдет из жизни. А пока — 1945 год, через два дня Парад

Победы, итог его прожитой жизни. Он шел к этому дню долгих и неимоверно трудных 17 лет, преодолевая невероятные препятствия. У него было такое чувство, какое испытывает человек, подымающийся по отвесной скале. Со всех сторон кричали, что ему не одолеть этого подъема и не дойти до вершины, что еще шаг, второй — и он полетит в пропасть, увлекая за собой всю страну, с которой он был в одной связке. А он шел и шел вперед, стиснув зубы. За спиной осталась титаническая работа, неимоверное напряжение. Он сделал все, что мог. Он достиг вершины. Он победил. И он устал. Он ведь тоже человек. Смертный, как и все остальные, из плоти и крови.

«Гибель Спасителя»

О детстве вспоминать не хотелось. Ничего хорошего там не было. Были нужда и голод. Помнил согбенную спину отца, тачавшего сапоги, усталую и озабоченную мать. Отец хотел, чтобы он стал сапожником, а мать — священником. На этой почве часто возникали ссоры.

— В роду у нас не было священников, — говорил отец, — были землепашцы, есть сапожники, а священников не было.

— Не было, так будут, — возражала мама.

И в конце концов настояла на своем. Осенью 1888 года он поступил в Горийское духовное училище.

Иосиф Виссарионович старался вспомнить своих друзей по училищу и не смог — время и потрясающие события последних лет стерли их имена. Но он хорошо помнил атмосферу, царившую в том богоугодном заведении. От всех учеников требовали бес-

прекословного повиновения, подчинения и выполнения установленных правил. Их учили добродетели, терпению и умению прощать грехи и в то же время жестоко карали за малейшую провинность. Иосиф увидел здесь противоречие и сказал об этом отцам-преподавателям. Его тут же обвинили в вольнодумстве, а в его душу запали сомнения, пока еще не осознанные до конца, в правильности миропорядка, а также мысль о человеческом лукавстве: на словах одно, а на деле другое. Тут одно из двух: или порядки негодные, или их учат тому, чего нет в реальной жизни. Запавшие сомнения не давали покоя. Возможно, они и стали тем зерном, из которого вырос его нигилизм, который был сродни чувствам тургеневского Базарова.

При выпуске из училища отцы-наставники припомнили ему его вольнодумство и придирчиво экзаменовали по всем предметам. Однако не могли ни к чему придраться. Обладая незаурядной памятью, Иосиф наизусть цитировал целые страницы Священного Писания. Это успокоило экзаменаторов и начальство училища. За прилежание и безупречные знания он получил отличную оценку. И никто не знал, что его сердце томит и мучает крамольная мысль о несовершенстве существующего миропорядка.

В том же 1894 году Иосиф поступил в Тифлисскую православную Духовную семинарию. Однако его продолжали волновать не божественные, а мирские заботы. Он искал ответы на мучившие его сомнения. Они и привели его к подпольным группам русских революционеров, проживавших в Закавка-

зье, которые и объяснили ему, в чем заключается суть царившего миропорядка. Здесь он получил свое первое марксистское образование и познакомился с произведениями Ульянова-Ленина.

Его жадность к знаниям не знала границ. Он изучает философию, политическую экономию, историю, естественные науки, увлекается поэзией и сам пишет стихи. Стихотворение «Гибель Спасителя», написанное в те годы, оказалось пророческим.

В этой стране был он тенью,
Гостем, пришедшим без вести.
Трогал он вечные струны.
Пел необычные песни.

Песни, рожденные светом,
Песни, рожденные болью.
Все в них была сама правда,
Все в них дышало любовью.

Песни его волновали
Даже остывшие души,
Делали ясными мысли
К свету из мрака идущих.

Но, неспособные слушать
Пение тех чудных песен,
Люди налили отравы
И, ослепленные спесью,

— Выпей, проклятый, — кричали, —
Это твой рок, ангел ада...
Правда зачем нам такая?
Нам таких песен не надо!

Увы, такова судьба всех пророков и тех, кто ушел далеко вперед от основной массы, кто видит дальше и делает больше. Он становится опасным для обывателя. Они видят в нем укор самим себе. Одни его не-навидят, другие завидуют, а третья стараются при-низить до уровня своего понимания. «Это случится и со мной. Яшел далеко вперед от своего времени и изменил общественное устройство. По сути дела, со-здал новую социалистическую цивилизацию, и у меня много врагов как внутри страны, так и за рубе-жом. Они ждут удобного момента, чтобы распра-виться со мной. Только кто это сделает?»

Исторические факты свидетельствуют, что про-роков и вождей убивают и предают, как правило, люди из ближайшего окружения. Даже Иисуса Хрис-та предал его ученик Иуда. Но есть ли Иуда в его ок-ружении? Кто может поднять на него руку?

Молотов? Нет. Старый товарищ. Вместе, можно сказать, пуд соли съели. Он не способен на подлость.

Маленков? Во время войны, как член Политбю-ро, он курировал промышленность. Недавно Сталин узнал, что самолеты изготавливались с дефектами и во время войны многие летчики погибли не в боях, а в авиакатастрофах. Маленков, маршал авиации Но-виков и народный комиссар авиационной промыш-ленности Шахурин о том знали и не принимали ни-каких мер к устраниению недостатков. Это возмутило Сталина. Он дал команду проверить все факты и ви-новных в преступном разгильдяйстве наказать со всей строгостью.

Он осознавал, что появится целая группа недо-вольных, которые если и не решатся поднять на него руку, то, во всяком случае, будут рады, если с ним что-то случится.

Кто еще? Хрущев. Был троцкистом, стал большевиком. Самый яростный борец с врагами народа. По составленным им спискам в Москве и на Украине расстреляны десятки тысяч человек. Сталин много раз пытался укротить хрущевскую ревность в этом вопросе, но не смог. Тот клал на стол правоохранительных органов все новые и новые списки врагов народа. Чрезмерная услужливость и рвение Хрущева настораживали Сталина. Он видел, что Хрущев делает все, чтобы забыли о его троцкистском прошлом. От страха, что ему напомнят о былых грехах, он прикидывался рубахой-парнем, отплясывал гопак и даже смирился с тем, что его называли придурком — числиться придурком менее опасно, чем попасть в разряд троцкистов. Трус пойдет на любую подлость, лишь бы спасти свою шкуру.

Кто еще? Берия? Опасный тип. Беспорядочные связи с женщинами. Есть сведения о том, что его особняк под видом любовницы посещает жена помощника военного атташе американского посольства в Москве — сотрудница Центрального разведывательного управления США. Жена Берии, урожденная грузинская княжна Нина Таймуразовна Гегечкори, поддерживает связь с белогвардейской эмиграцией в Париже.

Берия знает, что Сталин хорошо информирован о всех его проделках, и дрожит от страха. Он также служака, угодник и подхалим. Чтобы спасти себя, не остановится ни перед чем

Почему-то вспомнилось предупреждение Троцкого: «Можно «захватить» власть, «узурпировать» ее отдельным лицам, отдельным руководителям и изменить общественный строй по своему усмотре-

нию». Такое утверждение он высказал в двадцатых годах. Тогда Сталин наголову разбил его позицию. Спустя годы он почти дословно помнил все сказанное им по этому поводу. Он утверждал, что «захватить» власть в миллионной партии, совершившей три революции и потрясшей вековые основы миро-порядка, практически невозможно, и все, что говорит Троцкий, — сущая глупость.

«Можно ли вообще «захватить» власть в миллионной партии полной революционных традиций? — спрашивал он тогда у своих сподвижников на объединенном заседании Президиума ИККИ и ИКК и сам же отвечал: — Нельзя. Если бы это было возможно, то первый, кто бы это сделал, был Троцкий. Он долгие годы боролся за власть в руководстве партии. Однако это ему не удалось. Почему? Разве он менее крупный оратор, чем нынешние лидеры нашей партии? Не вернее ли будет сказать, что как оратор Троцкий стоит выше многих нынешних лидеров нашей партии? Тем не менее ему не удается «захватить» власть в партии. Почему? Троцкий объясняет это тем, что наша партия, по его мнению, является голосующей барантой, слепо идущей за ЦК партии. Но так могут говорить о нашей партии только люди, презирающие ее и считающие ее чернью. Это есть взгляд захудалого партийного аристократа на партию.

Изображая партию как голосующую баранту, Троцкий выражает презрение к рядовым партийцам ВКП(б). Что же тут удивительного, если партия, в свою очередь, отвечает на это презрением и выражением полного недоверия Троцкому».

Так думал и говорил Stalin в 20-х годах. На тот период времени все сказанное им было правильно и выражало действительное положение вещей. На

пути рвавшегося к власти Троцкого стоял тогда он, Сталин. Он сумел организовать ЦК на борьбу с оппозицией. Но если бы не он, а, скажем, Каменев или Зиновьев стояли во главе партии, то что бы произошло? Произошло бы то, о чём говорил Лев Давыдович. Демагоги и предатели во главе ЦК легко могли завести партию в непроходимые дебри.

Спустя почти два десятка лет те далекие события представлялись Сталину в новом свете. Он мысленно перебирал и оценивал все свое ближайшее окружение и пришел к неутешительному выводу, что его нужно срочно обновлять и пополнять молодыми кадрами. Он боялся не столько за себя, сколько за судьбу страны. Кто его сменит, если он уйдет из жизни? Никого из тех, кто сегодня находился рядом с ним, он не мог представить на своем месте: мелко пашут, узкий кругозор, не могут в целом охватить и осмыслить ситуацию в мире, связать ее с внутренним положением в стране и определить тактику и стратегию партии. Все они будут драться за власть и погубят дело социализма, дело всей его жизни. Будут заигрывать с американцами, и те облапошат их по всем статьям.

К этим мыслям Stalin возвращался снова и снова. Он всячески стремился упредить возможное развитие событий. Но так и не успел. Угрозу троцкистского реванша Иосиф Виссарионович осознал только в июне 1945 года, а троцкисты об этом не забывали никогда. Они медленно, упорно, ползком, пробивались на самый верх и прибирали к рукам командные высоты в партии и государстве.

Идею Троцкого о «захвате» верховной власти подправили, видоизменили и взяли на свое воору-

жение американские политические стратеги. Вот что по этому поводу еще при жизни Сталина говорил первый руководитель ЦРУ Аллен Далес:

«Окончится война, все как-то утрясется, устроится. И мы бросим все, что имеем, — все золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей... Человеческий мозг, сознание людей способны к изменению. Посеяв там хаос, незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания.

Из литературы и искусства, например, мы постепенно вытравим их социальную сущность, отучим художников, отобъем у них охоту заниматься изображением, исследованием тех процессов, которые происходят в глубинах народных масс. Литература, театры, кино — все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства... Мы будем всячески поддерживать и подыметь так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства, — словом, всякой безнравственности. В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху. Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток про-

шлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство... Национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу — все это мы будем ловко и незаметно культивировать, все это расцветет махровым цветом... И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или даже понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества. Будем вырывать духовные корни, опошлять и уничтожать основы духовной нравственности. Мы будем расшатывать таким образом поколение за поколением. Будем браться за людей с детских, юношеских лет, главную ставку будем делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать ее. Мы сделаем из них циников, пошляков, космополитов».

* * *

Надо отдать должное американским политикам: они четко и откровенно осуществляют намеченную программу. В конце XX и начале XXI века командные высоты в партии и государстве захватили «правоверные» троцкисты Горбачев, Ельцин, Яковлев, Шеварднадзе... и сумели повернуть развитие страны вспять, подобострастно выполняя волю США. Успешно решается и задача по обolvаниванию народа, насаждается насилие, половая распущенность, наркомания...

Все это случится, когда Сталин уйдет из жизни. К слову сказать, его предвидение о том, что его убийцами станут люди из ближайшего окружения, оправдалось...

Уже в юношеские годы он видел всю несправедливость общественного устройства. На одном полюсе кучка ошалевших от избытка денег богачей, а на другом — его отец и мать, обездоленный, голодный и нищий народ. Никто не живет по заповедям Спасителя, ученье которого извратили и каждый толкует по-своему, кому как выгодно и удобно. Противоречивость евангельского учения была налицо. Здесь и непротивлению злу, и гневное осуждение богатых и праздных, и призыв к сопротивлению великим мира сего, и требование покорности им, ибо нет на земле иной власти, чем от Бога. Разобраться во всей этой путанице не позволяли семинарские преподаватели. На все вопросы они давали один ответ: «Нужно верить».

Но Иосиф уже усомнился в евангельской трактовке учения Христа. Ему ближе и понятнее было марксистское учение, где говорилось о классовой борьбе, несправедливости общественного устройства, которое призывало к перестройке мирового порядка. Он с головой уходит в революционную работу. Вначале руководит кружком в железнодорожных мастерских, потом возглавляет тифлисскую социал-демократическую партийную организацию, которая была создана по образу и подобию ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», издает газету «Бридзола» (Борьба).

Разумеется, его деятельность не могла не заинтересовать царскую охранку. В мае 1899 года Иосифа исключают из семинарии, а полиция берет его на за-

метку. Для семинариста Джугашвили это не стало трагедией. Он внутренне уже давно порвал с православной теoriей. Однако он скрывает все случившееся с ним от мамы. Он знает, что для нее оно будет страшным ударом. Это крушение ее мечты. Иосиф жалеет ее, но уже ничего не может, да и не хочет изменить. «Мама, моя мама, — думает он, уже поседевший, на вершине своей бессмертной славы, — сколько же ты натерпелась из-за меня. Кто не хотел, и тот бросал в тебя камни».

После исключения из семинарии он кое-как перебивается уроками, а затем поступает на работу в Тифлисскую физическую обсерваторию в качестве вычислителя-наблюдателя. Это было удивительное время в его жизни. Он продолжал осваивать марксистскую науку, читал запрещенную литературу, которой снабжали его русские революционеры, писал листовки и прокламации, призывающие к свержению существующего порядка. По ночам любил смотреть в телескоп на звездное небо. Звезды были большими и яркими. Казалось, их можно коснуться рукой. Господи, господи, думал он, какая бесконечная ширь и чистота. Что там, за этими яркими звездами? И какое удивительное сочетание света и тьмы, а на земле правды и лжи, любви и ненависти. И так хочется больше света, больше любви и правды... И в его душе сами собой рождаются поэтические строки: поклонение свету среди тьмы.

Свет среди тьмы разрастайся,
Ты — как небесная совесть.
Тучи от света исчезнут.
Господа воля на все есть.

Ждет твоей светлой улыбки
Мраком покрытое поле.
С неба ты песнями лейся,
Есть на все Господа воля.

Знай! Окрыленный надеждой,
Он, хоть никто он сегодня,
Все равно неба достоин.
Воля на все есть Господня!

Что может быть лучше света...
Свет среди тьмы окрыляет.
Милая, пусть, как и раньше,
Все в тебе светом сияет.

Грудь распахну нараспашку,
Руки раскину — распятый,
Чтобы наполнился светом
Весь я... На то — и луна ты.

Полиция помнит о бывшем семинаристе и не спускает с него глаз. В марте 1901 года она производит обыск в обсерватории. Иосиф переходит на нелегальную работу. Он уезжает в Батуми, где создает социал-демократические кружки. А в апреле 1902 года его арестовывают и высыпают на три года в Восточную Сибирь. В январе 1904 года он бежит из ссылки и снова появляется на Кавказе, сначала в Батуми, а затем в Тифлисе.

Сколько было пройдено дорог, сколько пережито и выстрадано! За первой ссылкой последовала вторая, третья, четвертая... Побеги, побеги, побеги.... С 1902 по 1913 год Сталина арестовывали семь раз. Однажды, при очередном побеге из ссылки, он провалился в прорубь и чуть было не утонул. Едва вы-

брался из ледяного плена, а пока добежал до ближайшего селения, одежда покрылась ледяной коркой. В какой-то избе его обогрели и отпили травами. Собственно, вернули к жизни. Но с тех пор у него часто, особенно на перемену погоды, болели суставы и поясница.

В декабре 1905 года закавказские большевики делегировали его на первую Всероссийскую большевистскую конференцию в Таммерфорс (Финляндия). Здесь он впервые встретился с Лениным, с которым связал всю свою дальнейшую жизнь. Железная воля Владимира Ильича, его ум, энергия, знания во всех областях покорили Сталина. С этого мгновения они уже не порывали связи.

Вместе они боролись против меньшевиков, отстаивали единство партии, организовывали и руководили большевистскими газетами «Звезда» и «Правда». Сталин был рядом с Лениным на самых крутых поворотах исторических событий и решений: борьба с оппортунизмом, подготовка вооруженного восстания, нашествие иностранной интервенции, Гражданская война, заключение Брестского мира, борьба с голодом... Всего не счесть.

Личная жизнь

У Сталина фактически не было личной жизни в житейском толковании. В 1907 году он женился на Екатерине Сванидзе. Этого хотела мама, и это была его первая любовь. Но счастье было коротким. Като, так звали его избранницу домашние и подруги, родила сына Якова и умерла, когда малышу исполнилось всего два года, а его опять арестовали и сослали в Сибирь. Сын рос и воспитывался у родственников

жены. О создании новой семьи не приходилось даже думать. Только спустя 10 лет он встретил и полюбил Надю Аллилуеву. Чувство было взаимным, но мешала большая разница в возрасте: ему 38, а Наде — 16 лет. Он знал ее родителей по партийной работе. Часто бывал у них в доме, помнил Надю еще ребенком и держал ее на руках. Потом он надолго исчез. Был в ссылке, вел подпольную работу, скрывался от полиции, а когда вновь появился в доме Сванидзе, то увидел уже не маленькую девочку, а взрослую девушку.

Из рассказов родителей Надя знала, что однажды Иосиф спас ей жизнь. Это случилось в 1903 году, когда Наде было всего два года. Играя на набережной в Баку, она упала в море. Ее мама отвлеклась и даже не заметила исчезновения дочери. Зато увидел случайно проходивший по набережной Иосиф. Он бросился в море и вытащил из воды тонувшего ребенка. После того случая Иосиф всегда был желанным гостем в доме Аллилуевых. И если он долго не появлялся, его не забывали. Что касается Нади, то в ее глазах он был не просто человеком, спасшим ей жизнь, но и героем, сражающимся (как говорили ее родители) с несправедливостью и злом.

В свои 16 лет Надя читала Чехова и любовные романы, тогда как Иосиф уже досконально усвоил марксистскую науку, философию, социологию, историю, издавал газеты и побывал в сибирских ссылках. Но любовь не учитывает разницу взглядов, возраста, опыта и отношения к жизни. Она вообще ни с чем не считается. Видимо, поэтому ее и называют слепой. Они поженились. Родители Нади благословили их брак. Но как объединить юную романтическую душу

с душой, прошедшей огонь и воду, претерпевшей множество бедствий, которая знает жизнь не понаслышке, а людей не по романам. И эта разница в возрасте и взглядах станет трагедией Надежды и Иосифа, когда первая волна чувств схлынет.

Первые годы после революции они жили в кремлевской квартире. Не богато, но и не бедствовали. Родился сын. После работы Stalin спешил домой. Дом, семья, любимая жена — это то, о чем он мечтал всю свою неспокойную жизнь. Ради них он даже поломал свою привычку работать по ночам, изо всех сил стараясь выкроить время, чтобы чаще бывать в семье. Не всегда удавалось, но он старался. Не по душе ему были только многочисленные протекционистские просьбы тещи, Ольги Евгеньевны, к которым иногда подключалась и Надежда. Кому-то требовался хороший врач, кого-то нужно было пристроить на хорошую работу, кто-то нуждался в модной одежде. Stalin категорически и в резкой форме отказывался выполнять эти просьбы. Сам он был не-прихотлив в быту. Ходил в поношенной шинели, шапке-ушанке. В сильные морозы одевал такой же поношенный полушибок и подшитые валенки, которые сохранились еще с сибирской ссылки.

Его отказы обижали Надю. Но особенно недовольна была его «жизненной философией» Ольга Евгеньевна. Теща была на четыре года старше зятя и почему-то считала, что он во всем должен ее слушаться. Это была эксцентричная женщина. Она вела бурный образ жизни, о котором говорила не стесняясь. Отношения между полами интересовали ее больше всего на свете. Что касается мужа, Сергея Яковлевича, тестя Stalin, то она его, как говорит-ся, и в грош не ставила. С возрастом они вообще по-

теряли интерес друг к другу и только по какой-то не- понятной причине продолжали жить под одной крышей. Сталин с большим трудом, но все же отбил у тещи охоту обращаться к нему с всевозможными просьбами. Однако обиделась и Надежда. В отношениях между ними образовалась первая малозаметная, но все же трещина. Впрочем, подобные разногласия случаются во всех семьях. Только конечный результат этих так называемых обид и недоразумений бывает разный.

У Иосифа Виссарионовича все оказалось сложнее. Во-первых, он не считал себя в чем-то виноватым; во-вторых, его обидело то, что самый близкий человек, жена, ставит его в ложное положение, не понимая, что всякий протекционизм противоречит его убеждениям; и, наконец, в-третьих, ему некогда заниматься подобной чепухой. Он уже тогда решал сложнейшие проблемы строительства государства, от которых зависели судьбы тысяч людей, целых отраслей промышленности и безопасность страны.

* * *

Первая мировая и Гражданская войны, иностранная интервенция дотла разрушили страну. Промышленность упала практически до нулевой отметки. В 1920 году продукции производилось почти в семь раз меньше довоенного уровня. Заводы и фабрики не работали, шахты и рудники были разрушены и затоплены, чугун плавила одна Енакиевская домна. Если в 1913 году Россия выплавляла 4,2 млн. тонн чугуна, то в 1920-м — всего 115 тыс. тонн. Это столько, сколько производили в 1718 году, еще при Петре I.

Количество индустриальных рабочих сократилось в два с лишним раза. В 1922 году страна отставала от США по производству чугуна в 72 раза, по стали — в 52, по добыче нефти — в 19 раз. В стране царил голод. Правда, новая экономическая политика, которая по замыслу Ленина должна была послужить фундаментом для строительства социализма, немногого улучшила ситуацию в экономике. Появились мелкие частные предприятия, оживилась торговля... Однако наряду с этим выползли на свет божий всякого рода мелкобуржуазные элементы, спекулянты, перекупщики, ловкачи и просто грабители. Они набирали силу. На повестку дня ставился вопрос: кто кого. Было очевидно: еще немного, и страна попадет в полную зависимость от нэпманов.

Ленин был смертельно болен, и этим решили воспользоваться Троцкий и его единомышленники. Они подняли вопрос о необходимости внутрипартийной демократии и отмене решений X, XI и XII съездов, запрещающих фракционную и групповую деятельность внутри партии. Фактически ставился вопрос о целостности и единстве партии и превращении ее в дискуссионный клуб. А главной темой дискуссии являлась троцкистская теория о перманентной революции, где ленинское учение подменялось троцкизмом. Вместо реальной работы на восстановление страны, троцкисты вносили хаос и сумятицу.

Сталин, как Генеральный секретарь партии, был в центре всех этих событий. Его день, начиная со второй половины 1923 года, был расписан по часам и минутам. Он руководит работой пленумов, проводит совещания с ответственными работниками национальных республик и областей, выступает по

вопросам о едином союзном государстве, готовит обращение «Ко всем народам и правительствам мира», публикует статьи «Октябрьская революция и вопрос о средних слоях», «О дискуссии...», работает над докладом на XIII конференцию РКП(б), где он намерен дать бой троцкистской оппозиции.

Он редко бывает дома, а когда появляется, то и тогда думает лишь о работе. Он все еще там, в самом центре политического котла, от которого он отошел, но в котором не перестал вариться; где один неверный шаг может привести к катастрофе, где все так зыбко и приходится не семь, а семьдесят раз все отмерить и только один раз отрезать. Он молча обедает или завтракает и уходит, или, запервшись в кабинете, снова и снова просчитывает ходы и ищет ошибки.

Наде скучно. Она не понимает, чем объяснить такое поведение мужа. Первая мысль, которая приходит ей в голову: у него есть другая женщина. Разыгрывается дикая сцена ревности.

— Ты меня разлюбил, — заявляет Надя, — я больше так не могу. Ты не бываешь дома, а когда появляешься, все время молчишь.

Вначале он даже не понимает, о чем говорит жена. Он только что пытался сформулировать тезисы о положении партии в связи с новой троцкистской платформой.

— Ты это о чем? — растерянно спрашивает он жену. — Что случилось?

— Не притворяйся, — уже кричит Надя, — и не считай меня дурой. Ты думаешь, я не знаю, что у тебя есть женщина.

— Ну и ну, — внешне спокойно говорит Иосиф Виссарионович и уходит к себе в кабинет.

Сейчас, спустя годы, Сталин вспоминая взаимоотношения с женой, критически оценивает свое поведение.

«Возможно, нужно было тогда с ней поговорить, — думает он, — успокоить, сказать о своей занятости».

Но что он мог сказать жене о своей работе? Говорить ей о платформе Троцкого, о кознях оппозиции, о том, что за его спиной ведутся интриги с целью его отставки, о разрухе и голоде в стране... Он знал, что ей это неинтересно. Она была молодая, красивая, и ее не волновали мировые проблемы. Она чисто поженски думала о себе, о своей судьбе, о своем неудавшемся замужестве с человеком, который вдвое старше ее и обременен государственными заботами. Ей было трудно подняться выше обычного житейского уровня и оценить роль мужа в происходящих событиях, понять его «странные» тревоги и дела. Ей хотелось более понятной, веселой и беззаботной жизни, хотелось компаний, где бы она могла блестать, кружить головы мужчинам и ловить их восхищенные взгляды...

Стратегический маневр Троцкого

16 января начала работу XIII конференция РКП(б). Сталина избирают в состав президиума, и он выступает с докладом «Об очередных задачах партстроительства», в котором подвергает резкой критике группу партийцев, делающих попытку ревизовать решения X, XI, и XII съездов партии и под предлогом демократии открыть двери для фракционной и групповой деятельности внутри партии. «Для того, — говорил Сталин, — чтобы она, эта внутренняя демок-

ратия, стала возможной, нужны два условия или две группы условий, внутренних и внешних, без которых все говорить о демократии.

Необходимо, во-первых, чтобы индустрия развивалась, чтобы материальное положение рабочего класса не ухудшалось, чтобы рабочий класс рос количественно, чтобы культурность рабочего класса поднималась и чтобы рабочий класс рос также качественно. Необходимо, чтобы партия, как авангард рабочего класса, также росла, прежде всего качественно и прежде всего за счет пролетарских элементов страны. Эти условия внутреннего характера абсолютно необходимы для того, чтобы можно было поставить вопрос о действительном, а не о бумажном проведении внутрипартийной демократии.

Вторая группа условий — условия внешнего характера, без наличия которых демократия внутри партии невозможна. Я имею в виду известные международные условия, более или менее обеспечивающие мир, мирное развитие, без чего демократия в партии немыслима. Иначе говоря, если на нас нападут и нам придется защищать страну с оружием в руках, то о демократии не может быть и речи, ибо придется ее свернуть. Партия мобилизуется, мы ее, должно быть, мобилизуем...»

Сталин говорил об ошибках Троцкого. Но он знал, что это не ошибки, а сознательно провокационные действия. Уж такой он человек. Сегодня одно, завтра — другое. Вчера он голосовал за резолюцию Политбюро и Президиума ЦК, где обсуждался вопрос о внутрипартийной демократии, а на второй день выдвинул свою личную платформу, где противопоставлял партийный аппарат — партии, молодежь — старым большевистским кадрам, предлагал изме-

нить качественный состав партии за счет большого приема в ее ряды интеллигенции и просто праздношатающихся, настаивал на допущении фракционной и групповой работы внутри партии. В своей платформе Троцкий давал понять, что ЦК ему не указ и что всякие решения, исходящие из этого органа, не заслуживают внимания.

«Ошибка Троцкого, — констатировал Сталин, — заключается в том, что он возомнил себя сверхчеловеком и противопоставил себя ЦК».

Сталин не говорит вслух, что скрывается за этой «ошибкой», но он знает, что Троцкий рвется к власти. Он спровоцировал дискуссионные митинги по всей стране, а сам спрятался и делал вид, что все происходит само по себе, без его участия. Он отмалчивался и тогда, когда у него спрашивали за кого он: за ЦК или за оппозицию.

Не было Троцкого и на конференции. Говорили, что он болен. Однако Сталин знал, что это очередная его уловка. Он всегда уходил от прямой дискуссии. Больше того, он считал (и Сталин знал о том), будто Сталин просто не достоин, чтобы он, Троцкий, вступал с ним в полемику. Вместо себя он подставлял кого-либо из своих единомышленников, которые выкрикивали из зала всякие несуразности. Сталин досконально изучил повадки Троцкого. Разглагольствования о демократии — его конек и стратегический маневр, за которыми он стремится спрятать свои истинные намерения и цели: подменить ленинизм троцкизмом, растащить партию по национальным группам и фракциям и захватить власть в стране.

Уже в первой половине двадцатых годов, при жизни Ленина, Сталин определил направление сво-

ей деятельности: не допустить раскола партии, пополнить ее ряды сознательными рабочими и избавиться от троцкистской оппозиции. Без решения этих вопросов строительство социализма окажется под угрозой, останется просто благим пожеланием. Больше того, будет создана угроза, что к власти придут политические приспособленцы, карьеристы и всякого рода проходимцы, которые предадут и предадут интересы государства и с поднятыми руками сдадутся на милость мирового капитала. И первый, кто это сделает, будет Троцкий.

Отступление к размышлению

То, чего опасался Сталин в середине двадцатых годов и от чего он тогда уберег партию и страну, случилось шестьдесят лет спустя, когда к власти пришел Горбачев. Он действовал точно по рецепту Троцкого. Прежде всего, он поставил себя над Политбюро и самостоятельно принимал решения по вопросам внутренней и внешней политики государства. Троцкистский лозунг «за демократию» он дополнил лозунгами: «за плюрализм»; даешь «социализм с человеческим лицом», «новое мышление» и прочей тарабарщиной. Он настолько заморочил голову партии и народу своей демагогией, что уже никто ничего не мог понять.

Он открыл двери в партию карьеристам, крохоборам, рвачам, для которых интересы народа и государства просто не существовали. На эту публику (язык не поворачивается назвать их коммунистами) он и решил опереться в своей перестроечной политике. Однако в компартиях республик, крайкомах, обкомах и горкомах партии, где были настоящие

коммунисты, его не поддерживали. Тогда он вытаскивает на свет другой троцкистский лозунг, где партийный аппарат противопоставляется партии и призывает «открыть огонь по штабам». «Вы снизу, — заявляет он, — а я сверху». Начался повсеместный развал партийного руководства, шельмование и травля требовательных и стойких руководителей партии. Их обвиняли в бюрократизме, консерватизме, сталинизме, обливали грязью за проявленную принципиальность. Местечковые перестройщики из числа тех, которых уже успел воспитать Горбачев, даже призывали к физической расправе с «партийными бюрократами».

Когда авторитет партии был подорван, горбачевцы реанимировали троцкистскую идею о фракциях и по-новому использовали ее в новых условиях. Они разделили партию на демократов и консерваторов. Естественно, демократы — это горбачевцы, а консерваторы — сталинисты. И тогда случилось то, что и должно было случиться после раскола и разгрома правящей партии. К власти в стране пришли... — я не могу подобрать слова, как их правильно назвать — ельцины, яковлевы, шеварднадзе, бурбулисы. Они круто повернули руль на 180 градусов, изменили социальный строй и отдали страну на разграбление иностранному капиталу и своим горбачевским коммунистам, в одночасье превратившимся в олигархов и новых русских.

Завещание Ленина

Спустя три дня после завершения работы XIII конференции РКП(б) умирает Ленин. Последние годы он тяжело болел, и врачи не давали никаких гаран-

тий на его выздоровление. Все ждали его смерти, но, как всегда бывает в таких случаях, она стала неожиданной. Кончина Ильича была невосполнимой утратой для партии и всего народа. Ушел из жизни великий кормчий, который вел страну по неизведанному пути. Он не выбрал преемника. Но эта проблема его волновала и мучила перед кончиной. Он досконально знал свое окружение, знал их межличностные отношения и боялся, что на этой почве может произойти раскол партии. Чтобы упредить подобное развитие событий, Владимир Ильич предполагал увеличить число членов ЦК.

«Такая реформа, — писал он в своем последнем письме к съезду, — значительно увеличила бы прочность нашей партии и облегчила бы для нее борьбу среди враждебных государств, которая, по моему мнению, может и должна сильно обостриться в ближайшие годы».

Но больше всего Ленина беспокоили и волновали взаимоотношения Сталина и Троцкого. «Отношения между ними, — продолжал он анализировать сложившуюся ситуацию в ЦК, — по-моему, составляют большую половину опасности того раскола, который мог бы быть избегнут и избежанию которого, по моему мнению, должно служить, между прочим, увеличение числа членов ЦК до 50, до 100 человек».

В этом письме Ленин дает оценку личным качествам Сталина, Троцкого, Зиновьева, Каменева, Пятакова и Бухарина. Наряду с положительными сторонами их деятельности он прямо говорит и об их недостатках. Он отмечает, что «Сталин слишком груб», а октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева (имеется в виду их капитулянтское поведение, когда

они выступали в мещанской газете «Новая жизнь», предав гласности секретный план партии о подготовке вооруженного восстания) не является случайным, как и «необольшевизм Троцкого».

Из молодых членов ЦК Ленин характеризует только Бухарина и Пятакова. «Бухарин, — пишет Владимир Ильич, — не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии...» Однако к этой лестной характеристике он добавляет совершенно противоположную: «...но его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики)».

Сталин так и не понял, что хотел сказать Ленин в своем письме: похвалил он Бухарина или отругал? Наконец, что это за «крупнейший теоретик партии», если он схоластик, который «никогда не учился» и «никогда не понимал вполне диалектики», а «его ... воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским»? И последнее: Бухарин «...законно считается любимцем всей партии...». Откуда это у Ленина? Кто узаконивал любовь к Бухарину? Ленин всегда четко и ясно выражал свои мысли, а здесь... Видимо, уже сказывалось болезненное состояние Владимира Ильича, или он диктовал свое письмо под влиянием жены, Надежды Константиновны.

В последнем предположении Сталин убедился, когда ознакомился с «Добавлением к письму»: «Сталин слишком груб, — писал Ленин в своем добавлении, — и этот недостаток, вполне терпимый в среде и

в общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности Генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличался от тов. Сталина только одним перевесом, именно: более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньшее капризности и т. д. Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью. Но я думаю, что с точки зрения предохранения от раскола и с точки зрения написанного мною выше о взаимоотношениях Сталина и Троцкого, это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение».

Сталин много думал над ленинским добавлением к письму. У Владимира Ильича не было претензий к его деловым качествам, но он был недоволен его грубоостью. В чем, когда и к кому она проявилась? Вот загадка! Сам Ленин, когда речь шла об интересах дела, не отличался большим тактом. Троцкого он называл Иудушкой, Каменева и Зиновьева — предателями и требовал их исключения из ЦК. Кое-кого, того же Троцкого, он называл проституткой и еще более хлесткими словами. Stalin не позволял себе подобных выражений, и в то же время его обвинили в грубости и в нелояльности. Почему вдруг Ленин, не имея претензий к его работе и деловым качествам, изменил к нему свое отношение до такой степени, что даже предлагает сместить его с должности Генсека?

Как и тогда, когда он впервые ознакомился с письмом Ленина, так и сейчас, спустя 23 года, он был убежден, что Ленин диктовал это письмо под силь-

ным влиянием Крупской, с которой у Сталина накануне произошел серьезный конфликт. Он возник из-за разного отношения к больному Ленину. Чтобы не волновать Владимира Ильича, врачи настоятельно рекомендовали не информировать его о происходящих событиях в стране, где оппозиция проводила митинги с критикой Советской власти. По поручению и требованию ЦК Stalin должен был обеспечить установленный врачами режим. Однако скоро он узнает, что Крупская, вопреки указаниям врачей, информирует больного Ленина о положении дел в стране, что, естественно, не способствует его выздоровлению. Это возмутило Сталина, и он в резкой форме отчитал жену Ленина. Возможно, он и перегнул тогда палку. Возможно, нужно было говорить с ней мягче и тщательнее подбирать выражения. Но он не сдержался. Так уж случилось. Надежда Константиновна обиделась и тут же написала письмо Каменеву:

«Лев Борисович, по поводу коротенького письма, написанного мной под диктовку Влад. Ильича с разрешения врачей. Stalin позволил вчера по отношению ко мне грубейшую выходку. Я в партии не один день. За все 30 лет я не слышала ни от одного товарища ни одного грубого слова, интересы партии и Ильича мне не менее дороги, чем Stalinу. Сейчас мне нужен максимум самообладания. О чем можно и о чем нельзя говорить с Ильичем, я знаю лучше всякого врача, т. к. знаю, что его волнует, что нет, и во всяком случае лучше Сталина. Я обращаюсь к Вам и к Григорию (речь идет о Зиновьеве), как к более близким товарищам В. И., и прошу оградить меня от грубого вмешательства в личную жизнь, недостой-

ной брани и угроз. В единогласном решении контрольной комиссии, которой позволяет себе грозить Stalin, я не сомневаюсь, но у меня нет ни сил, ни времени, которые я могла бы тратить на эту глупую склоку. Я тоже живая, и нервы напряжены у меня до крайности.

Н. Крупская».

* * *

Как только Каменев и Зиновьев получили это послание, они тут же проинформировали обо всем Троцкого и Бухарина. Стали советоваться, что делать дальше. Сталина они считали высокочкой и недоучившимся семинаристом и ненавидели. Однако ничего не могли с ним поделать, поскольку его поддерживал Ленин. Сейчас появилась возможность лишить Сталина этой поддержки. Зиновьев вызвался показать письмо Надежды Константиновны Ленину. Троцкий отклонил такой вариант и предложил свой.

— Пусть Крупская, — сказал он, — сама все расскажет Ильичу.

Взвесили все «за» и «против» и ничего лучшего не придумали. Во-первых, они будут в стороне от этой истории и их никто ни в чем не заподозрит, а во-вторых, Крупская, кроме того, что уже написала в своих письмах, может многое добавить и чисто поженски пустить слезу... как жена. Это будет то, что надо.

Замысел заговорщиков оказался убийственно правильным, и надежды их полностью оправдались. Вскоре Stalin получает гневное письмо от Владимира Ильича:

«Товарищу Сталину.
Копия: Каменеву и Зиновьеву.

Уважаемый товарищ Сталин!

Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она Вам и выразила согласие забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделано против моей жены, я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения.

С уважением *Ленин».*

Сталин извинился. Но интрига против него была завязана. Хотела того Крупская или нет, но именно ее имя явилось ключевым в той игре. И то, что Ленин в своем добавлении к письму употребил фразу «Сталин слишком груб...» иставил вопрос обдумать способ перемещения его, Сталина, с поста Генсека на другую должность — ее работа и ее заслуга.

Так, совершенно на бытовой почве, была построена большая политика заговорщиков. Сталин чувствует, что его пытаются загнать в угол. Он понимает, что, несмотря на его извинения, Ленин на него затаил обиду. Сталин знает и то, что масла в огонь будут подливать Каменев, Зиновьев и их единомышленники. Они будут пытаться манипулировать больным Ильичем с тем, чтобы правдами и неправдами убрать Сталина с поста Генсека. А когда место освободится, его займет Троцкий. Других реальных претендентов нет. Однако Владимир Ильич слишком хорошо знает, на что способен Лев Давыдович. Весь

период с 1904 года до Февральской революции 1917 года Троцкий вертесь все вокруг да около меньшевиков, ведя отчаянную борьбу против Ленина. За время от Октябрьской революции до 1922 года Троцкий, находясь уже в партии большевиков, успел произвести две грандиозные вылазки против Ленина и партии: в 1918 году — по вопросу о Брестском мире и в 1921 году — по вопросу о профсоюзах. Были у него и другие «проколы». С такой биографией невозможно рассчитывать на доверие Ленина.

«Впрочем, — думал Сталин, — чем черт не шутит. Троцкий скользкий человек, прекрасный оратор, большой демагог, и у него немало сторонников, таких, как Каменев и Зиновьев. И он вполне может стать Генсеком. А это будет катастрофа».

Борьба за власть

Однако события развивались не так, как планировала оппозиция. 21 января 1924 года Ленин уходит из жизни. Страна в трауре. Со всех концов необъятного Советского Союза, из-за рубежа в Москву спешат люди, чтобы проститься с вождем мирового пролетариата. Что касается Троцкого, то он спокойно встретил весть о кончине Владимира Ильича. В это время он отдыхал в Абхазии. Смерть Ленина не была для него новостью. Еще до отъезда на Кавказ он знал, что дни Владимира Ильича сочтены. Об этом ему сообщил доктор Федор Александрович Готье, лечивший Ленина. Тогда перед Троцким встало дileмма: ехать на Кавказ или отложить поездку. Друзья посоветовали: ехать. Они его заверили, да и сам он был уверен, что без Ленина они легко возьмут власть в свои руки. А когда это свершится, будет не

Цесаревич Александр Александрович
и цесаревна Мария Федоровна со старшим сыном Николаем

Михаил, Ксения, Георгий, Николай
30го Ноября 1886г.
Татьяна.

Дети императора Александра III:
Михаил, Ксения, Георгий, Николай

Матильда Кшесинская

Цесаревич Николай,
1887 г.

Старый замок в Дармштадте

Ники и Аликс, апрель 1898 г.

Императрица
Александра Федоровна
с цесаревичем
Алексеем. 1906 г.

Григорий
Распутин в кругу
почитателей

Григорий Распутин

Костюмированный бал у
великого князя Кирилла
Владимировича.
Царское Село. 18 июня 1910 г.

Великие княжны
Романовы. 1914 г.

Николай II
и цесаревич Алексей
в Ставке

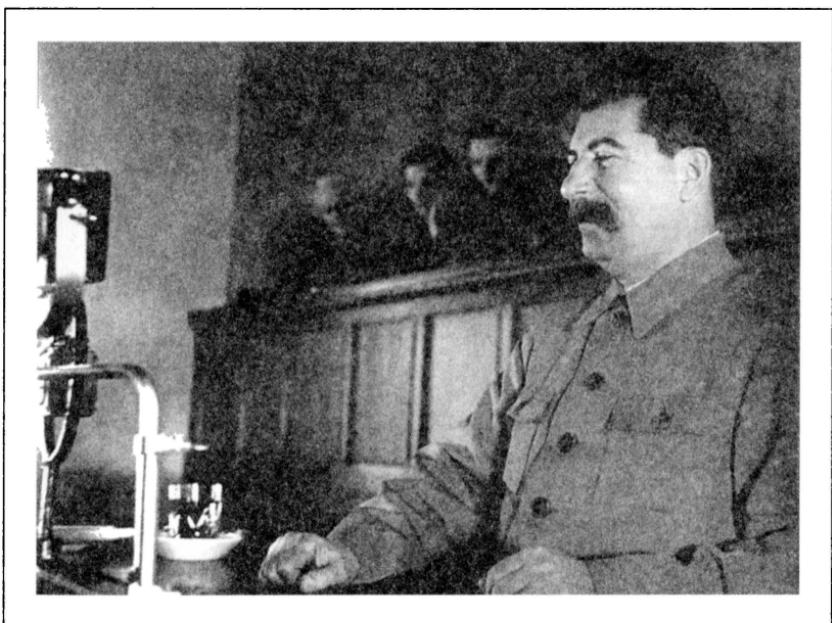
Под арестом в Александровском дворце, май—июнь 1917 г.

Е. Г. Джугашвили —
мать И. В. Сталина

И. В. Сталин
выступает на XVII
съезде ВКП(б).
1934 г.

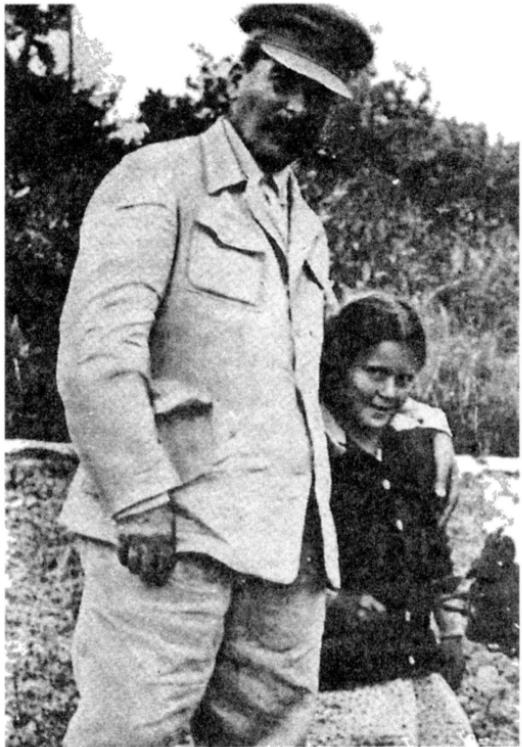
Н. С. Аллилуева
с дочерью Светланой.
24 февраля 1927 г.

И. В. Сталин,
Н. С. Аллилуева,
Е. Д. Ворошилова,
К. Е. Ворошилов.
Сочи, 1932 г.

И. В. Сталин с дочерью Светланой. Сочи, 1932 г.

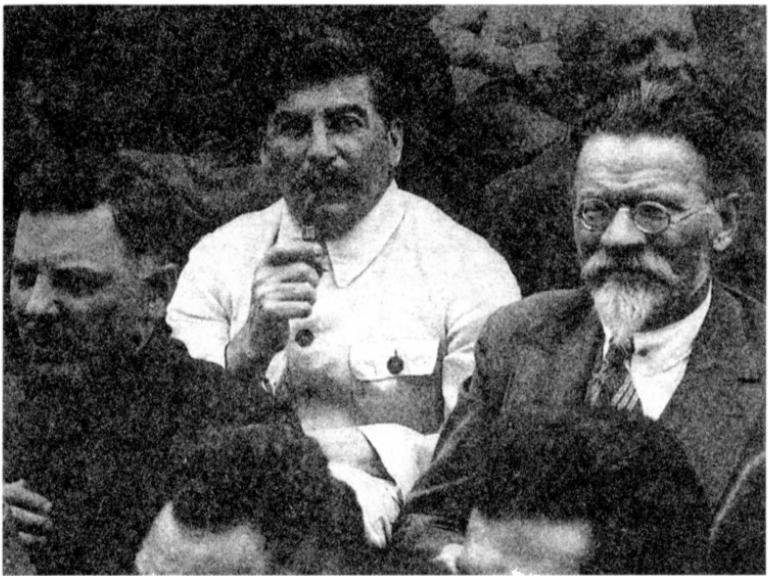

И. В. Сталин с дочерью Светланой. 1935 г.

И. В. Сталин с сыном Василием и дочерью Светланой. 1935 г.

И. В. Сталин с К. Е. Ворошиловым и М. И. Калининым
на I съезде колхозников. 1933 г.

Полковник В. И. Сталин.
1943–1944 гг.

А вы знаете

кто это?

ЭТО ИЮП ДЖУГАШВИЛИ, СТАРШИЙ СЫН СТАЛИНА, командир полка 14-го гвардейского артиллериевского полка, герой Великой Отечественной войны, который 16-го июля сдался в плен под Багратионовской высотой. Товарищи! и ваши жены! know, что большевики в плен не сдаются. Одним Красной Армии все время переходят к ним. Чтобы занять все коммунары нам нужно, что немцы плохо обращаются с пленными. Соединенный сын Сталина своим примером доказал, что это правда. Он сдался в плен.

потому что вское сопротивление
Германской Армии отныне бесполезно!

Следите примеру сына Сталина: он жив, здоров и существует добре проклято. Затем нам приносить бесполезные жертвы, итти на верную смерть, когда даже сын падает первокомандного дивизионного генерала?

Переходите и вы!

Passierschein

Vorliegen dieses Dokument kann
eines jeden Deutschen oder Deutschen
Vereinigungen, die in der Sowjetischen
Armenie und geht auf die Seite der
deutschen Wehrmacht. Der
deutsche Wehrmacht und anderen
deutschen Truppen, die in der Sowjetischen
Armenie eingesetzt werden, des Oberbefehlshabers der
Wehrmacht verliehen wird. Der
Befehlshaber der Wehrmacht

Der Führer wird die Rechte
der Juden und Kommissare in
der Sowjetischen Armenien und
die Rechte der Deutschen Wehrmacht
die zur deutschen Wehr
macht verliehen.

Немецкие листовки о Я.И. Джугашвили

И. В. Сталин
и начальник
Генерального штаба
командарм 1-го ранга
Б. М. Шапошников.
Москва. Кремль.
1939 г.

И. В. Сталин и министр иностранных дел Японии Ёсукэ Мацуока перед подписанием Пакта о нейтралитете. 1941 г.

«Большая тройка» на Крымской конференции. Ялта. 1945 г.

И. В. Сталин и Г. К. Жуков на трибуне Мавзолея В. И. Ленина.
Москва. 24 июня 1945 г.

Верховный главнокомандующий в окружении маршалов,
генералов и адмиралов. Георгиевский зал Кремля. Москва. 1946 г.

до отдыха — работы невпроворот, и поэтому нужно сейчас набраться сил.

Он уезжал на Кавказ с верой в свое великое предназначение. И теперь ждал радостных вестей от своих соратников. Он был вдали от похоронной суеты вокруг Ленина, которого он всегда ненавидел и боялся, и теперь навсегда избавлялся от его насмешливого, всезнающего и всепонимающего взгляда. В Москве лютые морозы, а здесь задумчиво покачиваются под ласковым солнцем раскидистые платаны и пальмы. В столовой дома отдыха, где их с женой отменно кормят, на стене висят два портрета: Ленина в траурном обрамлении и его, Троцкого. Он уверен, что скоро портрет Ленина снимут и останется только один портрет.

Правда, позже, когда его уже вышлют из страны, в своей книге «Моя жизнь» он напишет, что очень хотел приехать на похороны Владимира Ильича, но его умышленно обманули, сообщив, что похороны будут в субботу, в то время, когда они состоялись в воскресенье. Вот если бы не эти происки врагов, он бы обязательно приехал в Москву, чтобы проститься с Лениным. Однако в его жалкие и запоздалые оправдания никто не верил.

Для Сталина же смерть Ленина была настоящей трагедией. Он знал, что после нее еще сильнее обострится борьба за власть. Отъезд Троцкого на Кавказ его не удивил. Он сразу понял, что это своеобразный отвлекающий маневр оппозиции и что в столице остались его верные единомышленники, которые готовы совершить любые перестановки в руководстве партии и страны. По Москве ужепущен слух, будто бы именно он, Сталин, отравил Владимира Ильича. Столь злобная и грязная клевета просто потрясла

Стилена. Он догадывался, что на этом фоне Троцкий предполагает вернуться в Москву, что называется, на белом коне и наказать преступника, погубившего вождя мирового пролетариата. Словом, все уже было разложено по полочкам: кому пироги, кому пышки, а кому и шишки.

Однако троцкисты просчитались. Сталин не сидел сложа руки. Разгадав замыслы оппозиционеров, он наносит упреждающие удары. В ЦК у него сформировано большинство, и он принимает меры по устранению сторонников Троцкого из военного ведомства. Вместо Склянского, любимца Льва Давыдовича, сюда назначаются сторонники Сталина. С Украины был отозван Фрунзе в тем, чтобы глубже вникнуть в дела военного ведомства. Сталин поручает ему возглавить делегацию и съездить в Сухуми, чтобы согласовать с Львом Давыдовичем кадровые вопросы. «По существу, — позже писал Троцкий в своей книге «Моя жизнь», — это была чистейшая комедия. Обновление личного состава в военном ведомстве давно совершалось полным ходом за моей спиной, и дело шло лишь о соблюдении декорума (приличия)».

Но Сталин отправлял Фрунзе в Сухуми не только и даже не столько для того, чтобы «соблюсти приличия», а чтобы дать понять Троцкому, что он разгадал его хитроумный маневр и тому не удастся въехать в Москву под возгласы «ура!».

Об этом эпизоде своей жизни Сталин вспомнил спустя более чем двадцать лет. Он представил, в каком бешенстве был Троцкий, выслушивая сообщения Фрунзе о кадровых перестановках в военном ведомстве. Лев Давыдович всегда считал себя умным комбинатором, мастером многоходовок и не допус-

кал даже мысли, что его кто-то может переиграть на его же поле.

Но и в этом случае он не укротил свою гордыню. «В Сухуми, — писал он, — я лежал долгими днями на балконе лицом к морю. Несмотря на январь, ярко и тепло грело в небе солнце. Между балконом и сверкающим морем выселись пальмы... Вместе с дыханием моря я всем существом своим ассилировал уверенность в своей исторической правоте против эпигонов...»

* * *

Сталин перехватил инициативу у оппозиции. Он владеет ситуацией в Москве и в стране. Над гробом Ленина Сталин клянется следовать его заветам: держать высоко и хранить в чистоте высокое звание члена партии; хранить единство партии; укреплять диктатуру пролетариата; крепить союз рабочих и крестьян; укреплять и расширять союз республик; быть верным принципам коммунистического интернационала.

Это была не только клятва верности заветам Ленина. Это была программа его жизни. Что бы он ни делал потом, в годы испытаний, напряженного труда и ожесточенной борьбы, как бы ни складывалась ситуация в стране и в его личной жизни, он никогда не забывал о своей клятве. И в день Великой Победы над фашистской Германией он мог с чистой совестью сказать себе: «Я был верен клятве Ленину».

* * *

Сразу же после смерти Ленина и в последующие годы Троцкий развернул бурную деятельность против Сталина. Его союзниками были, вначале попере-

менно, а позже все сразу, Зиновьев, Бухарин, Каменев... У них практически была одна платформа. Все они ненавидели Сталина и в то же время ревниво относились друг к другу — каждый мнил себя крупной величиной. Сталина же считали временной и проходной фигурой. Троцкий во всеуслышание говорил, что Stalin — это интеллектуальное и моральное ничтожество. Былпущен слух, что он издевается над женой, спаивает и обкуривает детей. Красочно описывались даже подробности этого обкуривания. Сажает, мол, сына на колени и пыхтит на него дымом из трубки, ребенок задыхается, а он смеется и утверждает, что дым закаляет детский организм. Словом, этакий домашний садист. Stalin догадывался, откуда ветер дул. Ему не хотелось думать, что к слухам какое-то отношение имеет Надежда. Тем не менее, он решил поговорить с ней.

— Это бухаринские сплетни, — сказал он, — ты бы поменьше общалась с ним.

Надежда действительно была частым гостем в бухаринской семье. Ей нравился Николай Иванович. Он был общительным, обаятельным и совсем не похожим на ее вечно озабоченного мужа. Она приятельствовала с молоденькой женой Бухарина. У них было много общего, и о многом они говорили по душам. Между прочим, судачили и о мужьях. Жена Бухарина восторгалась своим мужем, а Надежда только вздыхала.

— А мой, — говорила она, — молчит, много курит и все думает, думает... бог знает о чем.

Если к этой правде добавить немного вымысла, то легко получится какой угодно портрет, или шарж, или карикатура.

— А чем тебе не нравится Николай Иванович? — спросила Надежда. — Нормальный человек...

— Я не говорю, что он ненормальный, — возразил Stalin. — Только после твоих посещений много лишился разговоров. Ты бы поменьше там откровенничала.

— Так ты меня подозреваешь, что я распускаю о тебе сплетни?! — возмутилась Надежда. — Такого ты мнения о своей жене! Ты вечно всех подозреваешь. Все нехорошие. Один ты у нас хороший. Скажи, с кем ты дружишь?..

Надежда обрадовалась, что у нее появился повод высказать мужу все, что она о нем думает. Она была просто женщиной, и ей нужен был просто мужчина. Все остальное уходило на второй план и не имело для нее значения. Stalin понимал это. Он по-своему любил ее. Но не в такие минуты. Казалось, они жили в разных мирах и говорили на разных языках. Неизвестно, откуда появлялась неприязнь, но она росла, ширилась и заполняла всю комнату... А ведь желания ссориться и выяснить отношения у него не было.

— Смотри, Надя, — сказал Stalin, когда она наконец замолчала, — я предупреждаю тебя: будь осторожна в выборе своих друзей.

Уже позже, будучи в изгнании, Троцкий писал, что о бытовой жизни Stalina ему рассказывал Бухарин и он же говорил ему, что Stalin спаивает и обкуривает своих детей. В своих подозрениях Stalin оказался прав.

К Иосифу Виссарионовичу прилепили, ссылаясь на Ленина, кличку «грубый», а от себя уже добавляли «неотесанный», безграмотный и неуживчивый

человек, скрывает ленинское «завещание», в котором Владимир Ильич предлагает сместь его с поста Генсека.

Оппозиция провоцирует Сталина на скандал, его хотят скомпрометировать любым способом. Сталина это не удивляет. На объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) он говорит, что это даже нормальное явление: «Тот факт, что главные нападки направлены против меня, — говорит Stalin, — объясняется очень просто. Я лучше других знаю все плутни оппозиции, и надуть меня не так просто. Вот они и ругают меня, сплетничают и провоцируют на скандал. Что ж, пусть развлекаются на здоровье. Stalin — человек маленький. Оппозиция во главе с Троцким вела еще более хулиганскую травлю против Ленина. Вот послушайте, как пишет Троцкий о Ленине: «Каким-то бессмысленным наваждением кажется дрянная склоки, которую систематически разжигает сих дел мастер Lenin, этот профессиональный эксплуататор всякой отсталости в русском рабочем движении».

Стоит обратить особое внимание на язык. Если так Троцкий пишет о Ленине, то стоит ли удивляться тому, что он ругает теперь почем зря одного из многих учеников Ленина — Сталина? «Более того, — продолжает Stalin, — я считаю для себя делом чести, что оппозиция направляет всю свою ненависть против меня. Оно так и должно быть. Я думаю, что было бы странно и обидно, если бы оппозиция, пытающаяся разрушить партию, хвалила бы меня, защищающего основы ленинской партийности».

Stalin не обходит острых углов. «Вопрос о «завещании» Ленина, — сказал он, — стоял у нас — если не ошибаюсь — еще в 1924 году. Существует некий Истмен, бывший американский коммунист, которого

изгнали потом из партии. Этот господин, потолкавшись в Москве среди троцкистов, набравшись некоторых слухов и сплетен насчет «завещания» Ленина, уехал за границу и издал книгу под заглавием «После смерти Ленина», где он не щадит красок для того, чтобы опорочить партию, ЦК и Советскую власть, где все строит на том, что ЦК нашей партии «скрывает» «завещание» Ленина. Так как этот Истмен находился одно время в связях с Троцким, то мы, члены Политбюро, обратились к Троцкому с предложением отмежеваться от Истмена, который, цепляясь за Троцкого и ссылаясь на оппозицию, делает Троцкого ответственным за клевету на нашу партию насчет «завещания». Троцкий действительно отмежевался от Истмена, дав соответствующее заявление в печати».

Сталин оглашает это заявление, где говорится, что «всякие разговоры о скрытом или нарушенном «завещании» представляют собой злостный вымысел и целиком направлены против фактической воли Владимира Ильича и интересов созданной им партии».

«Кажется ясно? — продолжает Сталин обличать оппозицию. — Это пишет Троцкий, а не кто-либо другой. На каком же основании теперь тот же Троцкий, Зиновьев и Каменев блудят языком, утверждая, что партия и ЦК «скрывают» «завещание» Ленина? Блудить языком можно, но надо же знать меру».

* * *

К сожалению, чувство меры оппозиции было не известно. Явно и тайно она продолжала вредить партии и стране. Не чувствуя за собой вины, Сталин вынужден был оправдываться и объясняться. Разговоры

о том, что Ленин предлагал съезду, ввиду «грубости» Сталина, обдумать вопрос о его замене на посту Генсека, вынуждают Иосифа Виссарионовича написать заявление об отставке. Однако делегаты XIII съезда обязали Сталина оставаться на своем посту.

Словом, как ни пыталась оппозиция козырнуть «завещанием» Ленина, ничего не выходило. «Завещание» было не по Сталину, а по оппозиции, где Ленин обвиняет Троцкого в «необольшевизме», а насчет ошибок Каменева и Зиновьева во время Октября говорит, что эти ошибки не являются «случайностью». Отсюда вывод: политически нельзя доверять ни Троцкому, который страдает «необольшевизмом», ни Каменеву и Зиновьеву, ошибки которых не являются «случайностью», а могут и должны повторяться. Что касается Сталина, то о его ошибках в «законодательстве» нет ни одного слова. Больше того, Ленин подчеркивает его деловые качества. Что касается мнения Ленина о его «грубости», то здесь Сталин стал жертвой Надежды Константиновны, эксплуатирующей болезненное состояние Ильича. Однако Сталин не мог и не хотел плохо думать о Ленине. Никогда он не упрекал и Крупскую, с легкой руки которой его зачислили в грубияны. Наоборот, он решил подтвердить ленинскую характеристику.

— Да, товарищи, — сказал он в одном из своих выступлений, — я груб, но я груб в отношении тех, которые грубо и вероломно разрушают и раскалывают партию. Я этого не скрывал и не скрываю. Возможно, что здесь требуется известная мягкость в отношении раскольников. Но этого у меня не получается.

Ему хотелось сказать, что и Владимир Ильич не очень-то был вежлив с оппортунистами, но не сказал.

Вторая половина двадцатых годов была особенно трудной в его жизни. Борьба внутри партии совпала с домашними неурядицами. Вопреки предостережению Сталина, Надежда Сергеевна еще больше сблизилась с семьей Бухарина. Оттуда она уже приходила настроенная на определенный лад. Он работал, не поднимая головы, без отдыха, а она одолевала его пустяками и придирками.

— Ты где стрижешься и бреешься? — как-то спросила она Сталина после очередного возвращения от Бухарина.

— Почему это тебя интересует? — настороженно спросил Иосиф Виссарионович.

— Просто интересно, какая там баба тебя обхаживает?

— Брось молоть глупости, — сказал Иосиф Виссарионович. — Лучше возьми да почитай газеты. Там все расписано, где и с кем я бываю.

— Это твои газеты, — взорвалась Надежда Сергеевна, — там нет ни одной строчки правды. Они все лгут и восхваляют тебя. Они не знают, какой ты есть на самом деле, а я знаю. Знаю, что к твоим услугам еще жены Егорова и Гусева, а я тебе совсем не нужна.

— Это тебе Николай Иванович сказал? — спросил он. — Я ведь тебя предупреждал, чтобы ты туда не ходила.

— При чем здесь Бухарин? — взвилась Надежда. — Все говорят! Да я и сама вижу. Ты совсем перестал бывать дома, не занимаешься воспитанием детей... Ты думаешь, что я дура, ничего не вижу и не понимаю.

Надежда Сергеевна много видела, но понимала все как-то по-своему. Чисто по-женски. Слишком много эмоций и слишком мало здравого смысла. С одной стороны, ее мучило чувство ревности, а с другой — ей ближе и понятнее был Бухарин. Здесь также срабатывало ленинское «завещание».

— Кто такой Бухарин? — спрашивала она мужа и сама же отвечала: — «Любимец партии». Это говорю не я, так сказал Ленин. Кто такой Сталин? — опять задает она вопрос и снова сама же отвечает: — «Гру比亚н». Опять-таки это говорю не я, а так определил Владимир Ильич. К слову сказать, в своем «завещании» он рекомендовал сместить тебя с должности Генсека. Так кому я должна верить? Конечно, Бухарину — «любимцу партии». Николай Иванович выступает в защиту сельских тружеников. Именно он бросил лозунг: «Обогащайтесь!» Что в этом плохого? Почему он не понравился тебе? Просто ты завидуешь Бухарину. Его любят, а тебя никто не любит.

— Откуда тебе известно, что писал Ленин в своем «завещании»? — спросил Сталин. — Насколько мне известно, его письмо пока нигде не печаталось.

— Потому и не печаталось, что ты скрыл его от партии, — парировала Надежда.

— Так тебя проинформировал Николай Иванович? — внешне спокойно спросил Сталин.

— При чем здесь Бухарин? Сейчас все об этом говорят.

Уже в который раз Надежда выгораживает свой источник информации за оговоркой «все». Но Сталин твердо знает, откуда дует ветер. Он понимает, что оппозиция решила действовать через его жену. Она становилась игрушкой в их руках. Ему было и

жаль Надежду, и в то же время брала злость за то, что она не слушает мужа и так легко поддается чужому влиянию. Все же он попытался закончить неприятный разговор спокойно.

— Я тебя еще раз прошу, — продолжал Stalin, — будь осторожна в выборе друзей. Они могут тебя использовать в своих целях.

— А это уже не твое дело, — возразила Надежда, — с кем хочу, с тем и дружу. Я ведь не говорю тебе, чтобы ты не дружил с Ворошиловым и Молотовым.

Stalin вдруг остро почувствовал, как далеко они удалились друг от друга. А главное, не было пути к сближению.

Судьба распорядилась так, что он должен будет оставаться один на один со своими мыслями, заботами, тревогами и во враждебном окружении, готовом в любую минуту наброситься на него, и рядом не будет человека, которому он без опасения мог бы доверить свою жизнь или хотя бы без опаски повернуться спиной.

Оппозиция

Молодое Советское государство начинало строить новый уклад жизни не в безвоздушном пространстве, а в жестком враждебном окружении. Правительства многих стран мира новую Россию не признавали, бойкотировали, стараясь задушить экономики. Внутри страны тоже далеко не все были в восторге от нововведений. В обществе и в партии появились определенные колебания и шатания от увлечения и восторгов до уныния и упадка. Легче было верблюда пропустить в игольное ушко, чем провести огромную полуразрушенную страну путем реформ.

Шаг влево, шаг вправо — и гибель государства была бы неизбежной.

В чем состояла опасность правого уклона, которое имело ярко окрашенную оппортунистическую окраску? Лидеры этого направления недооценивали влияние внешних сил, не видели опасности в восстановлении прежних, капиталистических, отношений в экономике страны, не понимали механики классовой борьбы в условиях диктатуры пролетариата. Если Сталин настаивал на ускорении темпов индустриализации, проведении реформ в сельском хозяйстве и на жесткой государственной монополии внешней торговли, то так называемые «правоуклонисты» требовали прежде всего облегчения жизни капиталистическим элементам в городе и деревне, а проблемы индустриализации отодвигали в сторону как второстепенные.

Это направление в партии возглавил Бухарин. Хотел он того или нет, но он ослаблял позиции рабочего класса и подымал шансы тех, кто желал восстановления старых порядков в советской стране.

Левое направление в партии возглавлял Троцкий. В своей брошюре «Программа мира» он писал: «Отстояв себя в политическом и военном смысле, как государство, мы к созданию социалистического общества не пришли и даже не подошли... До тех пор, пока в остальных европейских государствах у власти стоит буржуазия, мы вынуждены, в борьбе с экономической изолированностью, искать соглашения с капиталистическим миром; в то же время можно с уверенностью сказать, что эти соглашения, в лучшем случае, могут помочь залечить те или другие экономические раны, сделать тот или иной шаг вперед, но подлинный подъем социалистического хо-

зяйства в России станет возможным только после победы пролетариата в важнейших странах Европы».

Другими словами, Троцкий утверждал, что без победы пролетарской революции в западных странах в России социализма не построить. И так как скоро такой революции на Западе не предвидится, то вывод напрашивается сам собой: Россия должна либо переродиться в буржуазное государство, либо сгинуть на корню. Эта теория противоречила ленинскому учению о «победе социализма в одной стране».

Сталин стоял на ленинской позиции и был убежден, что из «...России нэповской будет Россия социалистическая».

Таким образом, в двадцатые годы определилось три главных направления: бухаринское, троцкистское и ленинско-сталинское. Кто победит? В ЦК не было единства. Какая судьба ожидает страну и народ? Никто не знает. Положение более чем серьезное. В сложившихся условиях возможен раскол партии и гибель революционной России; возможен возврат к капитализму; и возможно строительство социализма. Что делать руководству страны в такой ситуации? Это должен был определить XIV съезд партии, подготовка к которому шла полным ходом. На нем оппозиция намеревалась дать решительный бой Сталину.

Однако в самой оппозиции тоже не было единства. Бухарин боялся Троцкого. Троцкий так высоко себя оценивал, что не принимал в расчет ни Бухарина, ни Сталина. Сталин для него был недоучившимся семинаристом и ограниченным человеком. Бухарина же Троцкий считал недостойным себя слабым противником.

Что касается Сталина, то он серьезно относился и к Бухарину, и к Троцкому. У него была своя тактика и стратегия по отношению к ним. Пока у оппозиции нет единства, считал он, у него есть возможность выиграть сражение, используя одну группу против другой. Во всяком случае, нельзя одновременно объявлять войну лидерам левого и правого уклона. Нужно разгромить их по диночке, не дав возможности объединиться.

Иосиф Виссарионович никогда ничего не делал наполовину. Если брался за какое-то дело, то всегда доводил его до конца. В его работе не было мелочей. Он видел не только начало каких-либо действий, но и их конечный результат. Может быть, поэтому никто никогда не видел его растерянным, паникующим, потерявшим самообладание. То, что для других являлось трагедией или тупиком, для него лишь очередным ходом. Он заранее просчитывал подобное развитие событий и имел несколько вариантов выхода. Он всегда предполагал, что может случиться худшее. А в его памяти отпечатывались не только крупные события, но и детали, связанные с ними.

XIV съезд партии был не только памятной вехой в жизни Сталина, но и решающим в судьбе страны. Если бы он дрогнул тогда перед напором противника, то не было бы ни СССР, ни Парада Победы, не было бы ничего. Развитие современной мировой истории пошло бы по другому направлению...

* * *

Содокладчиком на съезде был Зиновьев. Вот он уверенно идет к трибуне, самодоволен, и сам черт ему не брат. Накануне съезда Stalin приглашал его

к себе, чтобы согласовать позиции. Разговор был долгим, но бесплодным. Зиновьев решительно отказался от какого-либо компромисса. Его не пугала даже угроза раскола партии. Больше того, он заявил, что если такое случится, то в этом будет виноват не он и его единомышленники, а Сталин. Собственно, Сталин и не предполагал какого-либо компромисса, а просто советовал ленинградской депутатской группе, которую возглавлял Зиновьев, поддержать курс на индустриализацию страны.

— Мы не против индустриализации, — сказал Зиновьев, — но у нас на этот счет есть свое мнение.

С тем Зиновьев и вышел на трибуну съезда. Лейтмотивом его выступления было абсолютное неприятие программы индустриализации в том виде, как она была изложена Сталиным.

— Мы не можем провести индустриализацию, — говорил Зиновьев, — на те «грошевые» накопления, которые у нас есть. Не следует начинать развитие страны с тяжелой индустрии. Это нереально. Это несбыточная мечта фантазеров. Надо делать упор на подъем легкой промышленности, как это делали во всех развитых странах. Именно здесь мы можем получить необходимые средства для проведения индустриализации.

Ту же мысль высказал Сокольников и другие делегаты, явно подготовленные заранее. Сталин слушал их выступления и старался понять, чего в них больше: демагогии, непонимания существа вопроса или просто враждебного отношения к нему лично. В конце концов он пришел к выводу, что здесь присутствуют все факторы одновременно.

То, о чем говорил Зиновьев и его единомышленники, Сталин знал очень хорошо. Историю индуст-

риализации в капиталистических странах он изучил досконально. В одних странах она действительно начиналась с легкой промышленности; в других — с ограбления колоний. Плюс ко всему, у тех и других было время на неспешное развитие тяжелой промышленности. Как правило, на это уходило более ста лет. Что касается Советской России, то у нее не было того времени и тех возможностей, которые имелись у капиталистических стран. Не было времени на спокойное накопление средств от развития легкой промышленности. Не было у нас и колоний, как, к примеру, у Англии. Тот путь, который капиталистические страны прошли за сто лет, мы были обречены (именно обречены), считал Сталин, пройти за десять лет. Если мы этого не сделаем, думал он, нас задушат, россиян превратят в рабов, а ту легкую промышленность, которую мы успеем создать, заберут себе. Это ясно как дважды два.

— Конечно, — продолжал Зиновьев, — развитие легкой промышленности также требует определенных затрат. Но здесь мы легко выходим из положения. Станки и прочее оборудование для развития этой отрасли мы можем ввозить из Германии в обмен на зерно и сырье. Немцы остро нуждаются в емком советском рынке и в получении зерна и сырья из нашей страны. Тут, так сказать, взаимный интерес и взаимная выгода.

Предложение Зиновьева сразу же насторожило Сталина. Высказанная им идея была ему хорошо известна. Но он не стал перебивать оратора. Он всегда в этих случаях проявлял такт, терпение и уважение к ораторам. Это уже позже, во времена Хрущева, появилась манера одергивать, останавливать, переби-

вать докладчика и просто прогонять его с трибуны. Stalin себе такого не позволял. Только после того, как Zиновьев закончил свое выступление, Stalin задал ему вопрос:

— Кому принадлежит идея сотрудничества с Германией, которую вы высказали в своем докладе?

Zиновьев не ожидал такого вопроса. Он рассчитывал, что высказанная им программа действий будет принята, что называется, на «ура». Как-никак, он предлагал выход из трудного положения, в котором находилась страна, причем, казалось, более реальный, чем сталинский план индустриализации, предполагавший еще больше осложнить ситуацию в экономике страны. Какое-то время Zиновьев молчал, собираясь с мыслями. В зале стояла мертвая тишина. Делегаты ждали ответа.

— Идею сотрудничества с Германией, — наконец ответил Zиновьев, — выносили, выстрадали и разработали наши экономисты.

— Очень хорошо, — не повышая голоса, спокойно сказал Stalin. — В таком случае скажите, почему ваш выношенный, выстраданный и разработанный вами план как две капли похож на план Дауэса?

Зал замер в ожидании ответа, а Zиновьев растерянно молчал. Он как-то сразу сник, и делегатам даже показалось, что он стал ниже ростом.

— Ну что ж, — так же тихо, не повышая голоса, сказал Stalin, — если вам нечего сказать, тогда мы попробуем разобраться сами.

Zиновьев явно лукавил или откровенно лгал, когда говорил, что идея сотрудничества с Германией была «выношена» и «выстрадана» им и его сподвижниками. Она на самом деле была взята напрокат

из плана американского экономиста Дауэса, председателя Международного комитета экспертов, созданного для урегулирования вопроса о германских репарациях. Заокеанские мудрецы разработали четкую программу удовлетворения собственных интересов, предусматривавшую возможность дать толчок промышленному развитию Германии. Что касается Советского Союза, то по этому плану он превращался в придаток или в заложника капиталистической экономики.

— В чем здесь дело, — сказал Сталин, обращаясь к делегатам съезда. — Как известно, Германия проиграла войну. Страны-победительницы Англия и Франция предъявили ей крупный репарационный счет, который она не в состоянии оплатить. В свою очередь, победители также понесли тяжелые военные потери и задолжали США 26 миллиардов долларов. Вот такой получился расклад. Германия нищая, а с нищего, как известно, взять нечего, а Англии и Франции нужно отдавать долги. Думали-гадали и решили поправить свои дела за счет СССР. Идею подбросил Дауэс. Он предложил оживить и восстановить промышленность Германии, используя при этом рынок, сырье и зерно нашей страны. Схематично все выглядит так: Германия поставляет в Россию станки и получает из СССР сырье и зерно. Для Германии появляется рынок сбыта, ее промышленность набирает темпы, и она выплачивает репарационный долг. Все выглядит более чем прилично. Всем, мол, хорошо. Все довольны. Однако у этой, внешне приличной, идеи есть неприличный оборот: оставить СССР аграрной страной. Но я думаю, у них этот номер не пройдет. Мы должны поставить дело таким образом, чтобы превратить нашу страну из аграрной

в индустриальную, из страны, ввозящей оборудование, в страну, производящую это оборудование. Они, авторы плана Даузса, хотели бы ограничить нас производством, скажем, ситца, но нам этого мало, ибо мы хотим производить не только ситец, но и машины, необходимые для производства ситца. Они хотели, чтобы мы ограничились, скажем, производством автомобилей, но нам этого мало, ибо мы хотим производить не только автомобили, но и машины, производящие автомобили...

Сталин говорил тихо, но в наступившей тишине каждое его слово было отчетливо слышно, близко и понятно каждому из сидящих в зале делегатов съезда. Он даже физически чувствовал свою близость, свое слияние с этой огромной массой людей.

— И последнее, — сказал Сталин. — План Даузса, который нам так настойчиво рекомендовал Зиновьев, смертельно опасен для советского народа. Стоит нам клюнуть на эту приманку и начать индустриализацию страны с легкой промышленности, как мы окажемся безоружными перед лицом империалистической агрессии, от которой, как говорил Ленин, мы всегда на волоске, защищаться будет нечем. Известно, что современная война — это война моторов. Самолеты, пушки, танки производят не легкая, а именно тяжелая промышленность. Так что клюнь мы на удочку оппозиционеров, и империалисты разгромят нас. Народ наш частично физически истребят, частично превратят в рабов, все же накопленное нами в ходе развития легкой промышленности заберут себе.

После выступления Сталина оппозиционерам, как говорится, можно было бы сушить весла. При-

плыли. Однако битому неймется. На трибуну подымается Каменев. Он с открытым забралом идет в наступление на Сталина и вспоминает «завещание» Ленина, предлагавшего сместить Сталина с поста Генерального секретаря ЦК партии.

— Лично я полагаю, — говорил Каменев, — что наш Генеральный секретарь не является той фигурой, которая может объединить вокруг себя большевистский штаб ЦК партии. Stalin не может выполнить роль объединителя большевистского штаба...

Дальше ему уже не дали говорить делегаты съезда. Из зала неслись возгласы: «Неверно!», «Чепуха!», «Сами себя разоблачили!», «Долой с трибуны!»

Делегаты стоя, бурными аплодисментами приветствовали Сталина. Авторитет оппозиции упал до нулевой отметки. Но она не считала себя побежденной. Что касается Троцкого, то у него был свой взгляд на сложившуюся ситуацию. В своей книге «Моя жизнь» он пишет: «Курс шел на самодовлеющее национальное развитие, и старая формула «шапками закидаем» усердно переводилась теперь на новосоциалистический язык. Попытка Зиновьева и Каменева хоть частично отстоять интернациональные взгляды превращала их в глазах бюрократии в «троцкистов» второго сорта».

Другими словами: съезд и партия идут не в ногу с Зиновьевым, Каменевым и Троцким. И далее:

«...Зиновьев и Каменев оказались вскоре взаимно противопоставлены Сталину, а когда они попытались из «Тройки» перенести спор в Центральный комитет, — то обнаружилось, что у Сталина несокрушимое большинство».

Теперь все свои надежды Зиновьев и Каменев возлагали на Троцкого и подталкивали его к более решительным действиям. Троцкий их просил не торопиться. «Нам надо брать дальний прицел, — говорил он своим соратникам, — нужно готовиться к борьбе всерьез и надолго».

Если завтра война...

Пока оппозиция собирала силы и готовилась к новой борьбе, Сталин круто поворачивает руль управления страной в сторону индустриализации и перестройки всего народного хозяйства на социалистический лад. Он готовится к новой войне. Все было подчинено этой цели. Забегая вперед, следует сказать: под руководством Сталина программа XIV съезда партии была полностью выполнена. За 10 лет советский народ прошел тот путь, на который западным странам понадобились столетия. За такое короткое время Страна Советов из аграрной превратилась в мощное индустриальное государство. Сталин провел серию экономических, военных, социально-политических и идеологических мер для укрепления обороноспособности государства. Был выдвинут лозунг — догнать и перегнать по уровню производства продукции на душу населения развитые капиталистические страны.

Но главные усилия были направлены на развитие отраслей промышленности, обеспечивающих нашу обороноспособность. На Урале, в Сибири, Средней Азии ускоренными темпами развивалась топливно-энергетическая база. Большое значение имело создание «второго Баку» — нового нефтедобывающего района между Волгой и Уралом. Обращалось

особое внимание на металлургическую промышленность — основу военного производства. Был расширен и реконструирован Магнитогорский металлургический комбинат, завершено строительство Нижнетагильского. Были созданы « заводы-дублеры » (филиалы заводов Европейской части СССР) на Урале, в Западной Сибири и Средней Азии — в районах, находившихся вне пределов досягаемости авиации возможного западного военного противника.

В эти годы рабочий день Сталина начинался с докладов о положении дел на строительстве новых и реконструкции устаревших предприятий. Никакие оправдания и отступления от намеченных графиков не принимались и не учитывались. Никакое разгильдяйство и оплошности не допускались и карались судом.

Особое внимание уделялось строительству авиационных, танковых и других оборонных заводов, переводу многих предприятий тяжелой и легкой промышленности на производство военной продукции. Начался выпуск стрелкового, артиллерийского оружия и боеприпасов. Только благодаря таким решительным преобразованиям уже на первом месяце войны промышленность смогла производить автоматическое стрелковое оружие и установки ракетной артиллерии («катюши»). Благодаря сталинской линии на индустриализацию и обороноспособность страны, к началу войны с Германией были разработаны новые конструкции самолетов-истребителей Як-1 и МиГ-3, пикирующего бомбардировщика Пе-2, штурмовика Ил-2, танков Т-34 и КВ. Однако массовое производство новой техники не успели наладить. Для этого нужно было реконструировать предпри-

ятия и внедрить новые технологии, что уже приходилось осуществлять в ходе войны.

Социальная политика также была обусловлена нуждами обороны страны. Накануне войны была принята программа развития государственных трудовых резервов. Она предусматривала создание широкой сети школ фабрично-заводского обучения (ФЗО) и ремесленных училищ для подготовки молодежи к трудовой деятельности. На предприятиях осуществляется переход на 8-часовой рабочий день и 7-дневную рабочую неделю. Особый (круглосуточный) режим вводится на предприятиях оборонного значения. Был принят закон о судебной ответственности (вплоть до тюремного заключения) за самовольный уход с работы, прогулы и опоздания. Люди недоедали, недосыпали, плохо одевались. Они беспребельно устали. В стране росло недовольство. К середине тридцатых годов напряжение достигло своей высшей точки. Вокруг говорили о необходимости облегчения положения людей, о прекращении политики «закручивания гаек» и «натягивания вожжей». Об этом шла речь в узком кругу членов политбюро. Зарубежная печать кричала о сталинском геноциде русского народа. Сталин практически остался один на один со своими заботами и планами. Но выбора у него не было. Если он сегодня снизит темпы в создании военного потенциала и ослабит производственную дисциплину, то завтра, когда начнется война, им нечем будет защититься. Империалисты, напав на Советский Союз, победным маршем пройдут до Урала. Первой, кто это сделает, будет нацистская Германия. К тому ее подталкивают западные державы, проводившие политику уступок немец-

кой агрессии. Кульминационным моментом такой провокации стало Мюнхенское соглашение между Германией, Англией и Францией, позволившее Гитлеру расчленить, а потом оккупировать Чехословакию.

Неспокойно было и на Дальнем Востоке. Япония, захватив большую часть Китая, приблизилась к советским границам и начала прощупывать силы Советского Союза. Летом 1938 года японская группировка нарушает границу СССР в районе озера Хасан. В мае 1939 года Япония делает новую попытку проверить силы Красной Армии в районе реки Халхин-Гол. И в первом, и во втором случае японские группировки получили достойный ответ.

Сталин внимательно следил за всеми сплетениями, переплетениями, соглашениями империалистических государств. Однако все его попытки заключить антигитлеровский союз кончались провалом. В этих условиях нечего было и думать о снижении обороноспособности страны.

Сегодня, когда политики послесталинской эпохи, вслед за Хрущевым, говорят, что Сталин не готовил страну к войне, они нагло лгут и продолжают лгать. Иосиф Виссарионович начал готовиться к войне со второй половины 20-х годов, сразу после XIV съезда, когда был взят курс на индустриализацию страны. Параллельно с созданием мощного военно-промышленного потенциала проводилось реформирование армии. Принимается закон о всеобщей военной обязанности, позволяющий увеличить ее численность до 5 млн. человек. Началось обучение командных и инженерно-технических кадров в военных училищах и академиях. Большое внимание уделялось созданию отдельных бронетанковых и меха-

низированных частей, устанавливаются генеральские и адмиральские звания, вводится единоначалие.

Среди населения развернулась оборонно-массовая работа: вводится допризывная подготовка учащихся старших классов, активизируется деятельность Общества содействия армии, авиации, флоту (Осоавиахим).

Сталин очень спешил и брался за все дела сразу. Сам мало спал и не давал спать стране. Для себя он сделал окончательный выбор: лучше сейчас, затянув пояса, работать до седьмого пота, чем стать легкой добычей для агрессора. Он не «отпускал вожжи». Вздыбленная страна мчалась навстречу опасности и неотвратимой судьбе. С недоумением и страхом, удивлением и злорадством смотрел весь империалистический мир на все происходящее в Советском Союзе. Все были уверены в скорой кончине Новой России. И для того были все основания. Такого напряжения в своей истории не испытывала ни одна страна, ни один народ в мире.

Вспоминая этот период времени, Сталин не мог обвинить себя в каких-либо просчетах. Совесть его перед историей была чиста. Он ничего не выдумывал и ничего не хотел для себя лично — он хотел спасти страну и народ от надвигающейся беды. Не все понимали его: будет, мол, война или нет, еще неизвестно, а так жить, как сейчас живем, нельзя. Он и сам это знал и видел.

В его власти было изменить ситуацию. Он мог затормозить индустриализацию страны, меньше строить оборонных предприятий и дать больше денег на социальные нужды: медицину, образование, больше строить жилья, удвоить и даже удесятерить произ-

водство конфет и кофточек. Но он знал и то, что нынешняя сладкая жизнь в лихую годину войны обернется горькими слезами для всего народа. Поэтому он не пошел на поводу своих советчиков и доброжелателей, не испугался злобных воплей зарубежной прессы и угроз внутренних врагов, а они не прекращались. Своих позиций никто не сдавал. Ни накануне войны, и ни тогда, в конце двадцатых...

Противостояние

Оппозиция готовилась к решающей схватке со Сталиным. Такая схватка должна была произойти на XV съезде партии, который назначался на конец 1927 года. По мнению троцкистов, это было подходящее время. В стране много недовольных политикой Сталина. Накопилось столько горючего материала, что было достаточно одной спички, чтобы снова разжечь пожар гражданской войны или, на худой конец, просто сместить Сталина.

«В разных концах Москвы и Ленинграда, — писал Троцкий в своей книге «Моя жизнь», — происходили тайные собрания рабочих, работниц, студентов, собиравшихся в числе от 20 до 100 и 200 человек, для того чтобы выслушать одного из представителей оппозиции. В течение дня я посещал два-три, иногда четыре таких собрания... В общем на этих собраниях в Москве и Ленинграде побывали до 20 000 человек. Оппозиция очень искусно подготовила большое собрание в зале высшего технического училища, который был захвачен изнутри. Попытки администрации помешать нам оказались бессильными. Я и Каменев говорили около двух часов».

О чём говорили на таких собраниях, Сталину было известно.

Не отставали от Троцкого и Каменева и другие оппозиционеры — Зиновьев, Пятаков, Преображенский, Серебряков, Альский... Они спекулировали на трудностях, связанных с индустриализацией страны, убеждали людей, что Сталин скрыл от народа «завещание» Ленина (это для оппозиции уже стало стандартным обвинением Сталина), в котором он предлагал освободить его с поста Генсека, что Сталин, захватив власть в партии и государстве, ведет страну и народ к гибели, требовали допущения фракций и группировок в партии.

— Режим, установленный Сталиным внутри партии, — говорили Троцкий и его единомышленники, — совершенно недопустим. Он убивает самодействительность партии... и грозит оказаться совершенно несостоятельным перед лицом надвигающихся серьезных событий.

В Москве и Ленинграде создаются подпольные типографии. В отпечатанных здесь листовках оппозиция извращала всю работу партии, связанную с обороной страны, предрекала гибель Советской власти и призывала изменить политическую и экономическую политику в стране.

Сталин внимательно следил за троцкистской оппозицией. Он знал, чего она добивается, и понимал, что может произойти, если сделать ей уступки. Кроме группы Троцкого, в ВКП(б) имелись и другие группировки: «рабочая оппозиция», «сапроновцы» и другие. Каждая из этих маленьких групп считала предлагаемый ею путь развития страны единственным правильным. Но если всем им предоставить пра-

во создавать типографии и проводить свою, только им известную линию, что же тогда останется от партии? Понимают ли это Троцкий и его сподвижники? Stalin в конце концов пришел к выводу, что оппозиция все понимает и сознательно тянет страну в болото. Но действует она на редкость примитивно и нагло. Небольшая и ничтожная кучка оппозиционеров навязывает свою волю большинству сторонников линии ЦК ВКП(б), а когда их не слушают, они воят об отсутствии демократии и насилии.

Раскольнические действия оппозиции ведут ее к объединению с пробуржуазной прослойкой внутри страны и антисоветскими силами за пределами страны. Оппозиция пополняется и обволакивается контрреволюционными элементами, наносит непоправимый ущерб партии и народу.

Ленин говорил, что можно довести дело до разрушения партии, если потакать дезертирам и раскольникам. Это ленинское предостережение Stalin никогда не забывал. Он предложил исключить Троцкого и Зиновьева из ЦК партии. Его поддержали все члены ЦК. Судьба оппозиционеров была предрешена. Они стали «дробиться» и «колоться».

«Единственной заботой Зиновьева и его друзей стало теперь своевременно капитулировать... — пишет Троцкий. — Они надеялись, если не заслужить благоволение, то купить прощение демонстративным разрывом со мной в момент XV съезда. Они не рассчитали, что двойной изменой политически ликвидируют себя. Если нашу группу они своим ударом в спину временно ослабили, то себя они обрекли на политическую смерть. XV съезд постановил исключить из партии оппозицию в целом».

Каменев и Зиновьев за свою антисоветскую деятельность против Советской власти были преданы суду, а Троцкий выдворен из Москвы в Казахстан. 20 января 1929 года ему вручили предписание, в котором он обвинялся «...в контрреволюционной деятельности, выразившейся в организации нелегальной антисоветской партии, деятельность которой в последнее время направлена к провоцированию антисоветских выступлений и к подготовке вооруженной борьбы против Советской власти».

В постановлении говорилось: «Гражданина Троцкого, Льва Давыдовича — выслать из пределов СССР».

* * *

В 30-е годы Троцкий поселился в Мексике. Здесь он развел бурную деятельность против Советского Союза. В отличие от всех остальных, он очень хорошо знал партию изнутри, знал ее сильные и слабые стороны. Он был особенно опасен накануне войны. Своими действиями он стремился расколоть мировое рабочее движение и ослабить наших союзников в борьбе с фашистской Германией. Вот как оценивает деятельность Троцкого за рубежом генерал-лейтенант НКВД Павел Судоплатов.

«Ныне в угоду политической конъюнктуре, — пишет Павел Судоплатов в своей книге «Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930—1950-е годы», — деятельность Троцкого и его сторонников за границей в 1930—1940-х годах сводят лишь к пропагандистской работе. Но это не так. Троцкисты действовали активно: организовывали, используя поддержку лиц, связанных с Абвером, мятеж против республикан-

ского правительства в Барселоне в 1937 году. Из троцкистских кругов в спецслужбы Франции и Германии шли «наводящие» материалы о действиях компартий в поддержку Советского Союза. О связях с Абвером лидеров троцкистского мятежа в Барселоне в 1937 году сообщил нам Шульце-Бойзен, ставший позднее одним из руководителей нашей подпольной группы «Красная капелла». Впоследствии, после ареста, гестапо обвинило его в передаче нам данной информации, и этот факт фигурировал в смертном приговоре гитлеровского суда по его делу.

О других примерах использования Абвером связей троцкистов для розыска скрывавшихся в 1941 году в подполье руководителей компартии Франции докладывал наш резидент в Париже Василевский».

Отступление к размышлению

В последние годы XX столетия и начала XXI века новоявленные демократы подняли идеи Троцкого на щит. Они изображают его героем и мучеником сталинского режима. Его книги печатают миллионными тиражами. Политики новой волны, следя его учению, привели Советский Союз к развалу, а народ стал заложником капиталистических или, как сейчас говорят, индустриально развитых государств.

«Сталин и Троцкий, — пишет Павел Судоплатов, — противостояли друг другу, но разница заключалась в том, что в изгнании Троцкий противостоял не только Сталину, но и Советскому Союзу как таковому. Эта конфронтация была войной на уничтожение. Сталин да и мы не могли относится к Троцкому в изгнании просто как к автору философских сочинений. Тот был активным врагом Советского государства.

Жизнь показала, что подозрительность и ненависть Сталина и руководителей ВКП(б) к политическим перерожденцам и соперникам в борьбе за власть имела под собой реальную почву. Решающий удар по КПСС и Советскому Союзу был нанесен именно группой бывших руководителей партии».

Первоначально узокорыстные интересы борьбы за власть демократы маскировали заимствованными у Троцкого лозунгами «борьбы с бюрократизмом и господством партаппарата», призывая народ открыть огонь по штабам, а потом раскололи (к чему и стремился Троцкий) партию и приступили к ее компрометации. Это можно было сделать только путем открытой и наглой клеветы на Сталина. Здесь также, как говорится, не мудрствовали, а взяли все измышления Троцкого, к которым, по подсказке западных идеологов, добавили несусветную ложь. Действовали по принципу: бросай больше грязи, что-нибудь да прилипнет.

К сожалению, убаюканное перестроечной демагогией, молодое поколение не смогло сразу разгадать эту идеологическую диверсию, а когда поняли, кто и куда их ведет, то было уже поздно — все оказались под пятой международного финансового капитала, а великая страна Советский Союз — в развалинах.

Надежда Аллилуева

Разгром зиновьевской партийной группы и изгнание Троцкого за пределы СССР странным образом совпало с кризисом внутри семьи Сталина. Надежду в это время трудно было узнать. Она или сидела, закрывшись в своей комнате, или нервно молча двигала стулья, стол и хлопала дверью, демонстри-

руя свое недовольство. На детей она вообще не обращала внимания, а если они к ней обращались с какими-либо вопросами, заявляла, что она занята и лучше об этом спросить папу, который все знает. Иосиф Виссарионович попытался было навести мосты, но из его затеи ничего не вышло.

— А что тебе не нравится в моем поведении? — вопросом на вопрос ответила Надежда. — Я, кажется, не лезу в твои дела, а ты не лезь в мою душу.

Сталин догадывался, что происходит с женой. Она по-прежнему часто бывала в семье Бухариных. Именно от них она приходила взвинченной и раздраженной. О чем там говорили, Сталин мог только догадываться. Бухарин был страшно напуган судьбой Каменева и Зиновьева. Он прямо был связан с этой группой и не сомневался, что Сталину все известно. Ни о чем другом он говорить не мог, в том числе и в присутствии Надежды Сергеевны. Бухарин знал, что она его не выдаст, и говорил, не особенно выбирая выражения.

— Он боится за свою власть, — с истерическими нотками в голосе кипятился Николай Иванович, — ему не нужны старые большевики-ленинцы. Он всех нас уничтожит. Он нас будет резать. После изгнания Троцкого он возьмется за других. На очереди я первый.

Женщины с тревогой слушали его речь. Но у Надежды к чувству тревоги примешивалось и чувство зависти к жене Бухарина. Николай Иванович свободно обсуждал кремлевские дела со своей женой. А вот Сталин никогда дома не говорил о своей работе, о том, чего он боится или страстно желает, идут дела хорошо или наоборот. Его работа была почему-

то запретной темой, и Надежда Сергеевна только по каким-то, едва уловимым, изменениям мимики и жестов могла догадываться, что происходит в душе Сталина. Все ее попытки разговорить мужа всегда кончались неудачей.

— Это не кухонный разговор, — обычно отвечал Stalin, — да и у тебя есть задачи поважнее наших кремлевских склок. Смотри лучше за детьми.

Такие ответы бесили Надежду. Она не хотела даже думать о том, что муж отводит ей роль домашней хозяйки. К тому времени она уже училась в Промышленной академии. На лекциях много времени уделялось планам партии по перестройке народного хозяйства, о том, что говорил Stalin об индустриализации и реформах в сельском хозяйстве. Она конспектировала его высказывания, но не знала, когда и где он об этом говорил. Ситуация казалась ей парадоксальной, и она бросила вести все эти записи. Молодой преподаватель (многие не знали, что она жена Сталина) сделал ей замечание. Она покраснела, а кто-то из слушателей сказал:

— А зачем ей писать, что говорил муж, она и так все знает.

Теперь пришла очередь стушеваться преподавателю.

— Извините, пожалуйста, — сказал он, побледнев, — я не знал, что вы жена Сталина.

Надежда молча поднялась и выбежала из аудитории. Дома она выплеснула все свои эмоции.

— Ты всюду ставишь меня в неловкое положение, — кричала она, — как только люди узнают, что я твоя жена, от меня шарахаются, как черт от ладана!

— А в чем дело? — спросил Stalin. — И кто от тебя шарахается?

— А в том! — переходя на повышенный тон, почти кричала Надежда. — Преподаватели только и говорят, какой ты умный и прозорливый. А я должна все это конспектировать.

Надежду раздражала и сбивала с толку такая двойственность в ее отношениях с мужем. Везде висели его портреты, на которых он совсем не был похож на себя. Газеты писали Сталин — то, Сталин — это... Сталин сказал... Сталин определил... Но ведь это же ее Иосиф... которого она знает, как никто другой. Она его жена... Да вот на прошлой неделе он маялся болью в животе и бегал безостановочно в туалет, а перед этим болел инфлюэнзой... Он такой, как все. Даже хуже. Он храпит по ночам. Он засущенный чурбан... Он коротышка... Он хуже всех на свете. Он несусветный скряга...

Будучи Генеральным секретарем правящей партии, Сталин жил на одну зарплату, которой явно не хватало на содержание семьи. Надежда вечно нуждалась в деньгах. Ей надоело об этом напоминать мужу, и она (еще в 1926 году), забрав Светлану и Василия, уехала в Ленинград к отцу. Там она намеревалась устроиться на работу, чтобы самой зарабатывать деньги и содержать детей. Сталин был обескуражен таким отчаянным, сумасбродным поступком. Он позвонил ей и пообещал приехать, чтобы забрать домой, но Надежда не удержалась от ядовитого упрека.

— Не надо, не приезжай, — сказала она, — это очень дорого обойдется тебе и государству. Я сама приеду.

В одном из писем она писала:

«Иосиф, пришли, если можешь, рублей пятьдесят, мне выдадут деньги только 15 сентября в Промакадемии, сейчас я сижу без копейки. Если пришлешь, это будет хорошо.

Надя».

Письмо было унизительным и для нее, и для него. Но у него в самом деле не было денег. Сталин жил так же, как подавляющее большинство людей в стране, которой он правил, которую он перестраивал на новый лад. Он считал аморальным жить в роскоши, когда народ постоянно недоедал, а зачастую и голодал.

Надежде это казалось дикостью. Глава государства, Генеральный секретарь правящей партии не имеет денег. Она не может себе позволить купить ни приличное платье, ни шляпку, тогда как жены Троцкого, Бухарина, Рыкова и других деятелей, занимающих более низкие посты в партии и правительстве, чем ее муж, разодеты по последней французской моде. Это было унизительно, и она мелко и провокационно мстила мужу за свое унижение. Чтобы досадить ему, она пошла на похороны известного троцкиста Иоффе, где собирались все оппозиционеры Сталина во главе с Троцким, Зиновьевым и Каменевым. Все выступающие публично поливали ее мужа грязью, а она, единственная из жен членов Политбюро, присутствующая на похоронах Иоффе, стояла и спокойно слушала. Больше того, она пошла даже на поминки, на которых все повторилось еще раз.

Естественно, после ее возвращения Иосиф Виссарионович высказал в резкой форме все, что он думает об этом поступке. А она молча и с ухмылкой слушала его упреки. Наконец-то она вывела его из равновесия и наказала за свое ущемленное самолюбие. Однако ей показалось, что этого мало.

— А в чем дело? — сделав удивленное лицо и покачав плечами, спросила она. — Что тебе не нравится? Впрочем, я понимаю, в чем тут дело: тебе больше

нравится, когда тебя восхваляют в твоих газетах, и совсем не нравится, когда тебя критикуют и говорят правду.

— Какую правду?! — взорвался Иосиф Виссарионович. — Ты хоть понимаешь, что ты говоришь? Или...

— У каждого своя правда, — назидательно ответила Надежда, — и нужно уметь считаться с чужим мнением. Почему ты считаешь, что ты всегда прав, что только ты один не ошибаешься?

Надежда явно провоцировала его на большой скандал, который выходил бы за рамки семейных отношений. Иосиф Виссарионович не мог себе этого позволить. Кремлевские неурядицы и партийные потасовки не могут быть предметом обсуждения на кухне.

— Ты или дура, — сказал он, — или умный провокатор. Но ни в первом, ни во втором случае я не клюну на твою удочку.

Сказал зло и грубо. Позже жалел о сказанном и хотел объясниться. Но Надежда еще не прекратила свои военные действия на семейном фронте. Теперь она, в роли обиженной и оскорбленной, вынашивала новый план скандальной операции. Да такой, чтоб побольней хлестнуть мужа. После недолгих раздумий она решила, что после окончания учебы в академии она уедет к сестре в Харьков, устроится там на работу и начнет новую жизнь. У нее будет зарплата, и она наконец купит себе и новое платье, и новые туфли. О детях она как-то не думала. Ей важно было доказать мужу, что она самостоятельный человек и в его помощи не нуждается.

О своих планах Надежда рассказала жене Бухарина. Та их одобрила. Что касается Николая Ивановича, то он чуть ли не аплодировал ей.

— Ты правильно сделаешь, Наденька, — сказал он, — с таким мужем долго не протянешь. Я, большевик-ленинец, также хотел бы куда-нибудь сбежать от нашего Генсека, но не могу. Я обречен.

Заговор

Когда Бухарин говорил, что хотел бы «куда-нибудь сбежать», то он не лукавил. Николай Иванович был тесно связан с троцкистской группой и чувствовал, что Stalin обо всем хорошо осведомлен. Правда, в силу характера, постоянства в контактах с оппозицией у Бухарина не было. Он то примыкал к компании Троцкого, то отходил от нее. Однако в общем и целом он был на стороне троцкистов. 11 июля 1928 года он в присутствии Каменева обсуждал с Сокольниковым методы борьбы со Stalinым. Каменев сделал краткую стенограмму этой беседы и послал Троцкому, а вскоре она попала и к Stalinу. Судя по всему, Бухарин был напуган предстоящим пленумом ЦК и ЦК ВКП(б), предполагавшим обсудить вопрос «О правом уклоне в ВКП(б)», инициатором и вдохновителем которого были три члена Политбюро — председатель Коминтерна Бухарин, Председатель Совета Народных Комиссаров СССР Рыков и председатель Всесоюзного Совета Профессиональных Союзов Томский. Чувствовалось, что правооппортунисты не были уверены в победе своей фракции и хотели заручиться поддержкой сторонников Троцкого.

Стенограмма начиналась с общего вывода.

«Сокольников: Бухарин окончательно порвал со Stalinым и находится в трагическом положении.

Бухарин: Stalin — это Чингисхан и беспринципный интриган, который все подчиняет сохранению своей власти.

Сталин знает одно средство — месть, и в то же время всаживает нож в спину. Поверьте, что скоро Сталин нас будет резать.

Что касается политической линии Сталина, то она губительна для революции и ведет к гражданской войне. С ним мы можем пропасть.

Сокольников: Томский как-то, сидя за столом со Сталиным, сказал ему: «Наши рабочие в тебя стрелять начнут».

Бухарин: При Сталине и тушице Молотове, который учит меня марксизму и которого мы называем «Каменной задницей», ничего сделать нельзя.

Каменев: Каковы ваши силы?

Бухарин: Наши потенциальные силы огромны. Рыков, Томский, Угланов абсолютно наши сторонники. Я пытаюсь оторвать от Сталина других членов Политбюро, но пока получается плохо. Орджоникидзе не рыцарь. Ходил ко мне и ругательски ругал Сталина, а в решающий момент предал. Ворошилов с Калининым тоже изменили нам в последний момент. Я думаю, что Сталин держит их какими-то особыми цепями.. Оргбюро ЦК ВКП(б) наше. Руководители ОГПУ Ягода и Трисиллер тоже. Андреев тоже за нас.

Свою главную политическую задачу я вижу в том, чтобы последовательно разъяснить членам ЦК губительную роль Сталина и подвести середняка-цекиста к его снятию.

Каменев: Но пока он смещает вас.

Бухарин: Что мы можем сделать? Снятие Сталина сейчас не пройдет в ЦК. Однако подготовка к этому идет. Планирую опубликовать в «Правде» статьи с критикой Сталина, а также доклад Рыкова, в котором поставим все точки над «и».

Неожиданно Бухарин впал в истерику и к удивлению Каменева закричал:

— Если страна гибнет, мы гибнем. Если страна выкручивается — Сталин вовремя поворачивает, и мы тоже гибнем. Что же делать?

Не получив ответа от Каменева и внешне успокоившись, Бухарин обратился к Каменеву с просьбой:

— Я просил бы, чтобы вы с Зиновьевым одобрениями Сталина не помогали ему душить нас. Прошу вас сказать своим, чтобы они не нападали на нас».

О тайных операциях оппозиции Сталина информировали те же, кого Бухарин пытался завербовать в свой лагерь и которые не поддавались на его уговоры. Другие дали согласие поддерживать Бухарина, но тут же, на всякий пожарный случай, доложили Сталину о готовящемся против него заговоре. Таким образом, Сталину точно было известно соотношение сил, выступающих против него. Однако он не знал, какую позицию занимает его жена в этой сложной политической игре. Последние факты, связанные с похоронами Иоффе, свидетельствовали о том, что оппозиция использует ее в своих интересах. Очевидно, это была попытка, кроме лобовой атаки, напасть на него и с тыла, разрушив дом и семью. Stalin почувствовал опасность и попытался сблизиться с женой, увести ее из-под оппортунистического влияния. Однако здесь он безнадежно опоздал. Надежда уже была очарована Бухарином и слушала только его. А Николай Иванович советовал ей не затягивать свой отъезд в Харьков и обещал устроить ее там на приличную и хорошо оплачиваемую работу. Поэтому, когда Иосиф Виссарионович попытался предупредить ее об опасности со стороны Бухарина, она только улыбалась.

— Ты всех в чем-то подозреваешь, — говорила Надежда. — В Кремле ты боишься, что у тебя хотят отнять власть, а дома ты боишься, что твоя жена стала оппортунисткой и ее хотят от тебя увести.

— Если не стала оппортунисткой, так можешь стать, — предупредил Иосиф Виссарионович. — Если не увили, то могут увести.

— Тогда ты и меня зарежешь, — парировала Надежда Сергеевна.

— А это откуда у тебя?

— Все говорят, — сказала Надежда. — Ты что, не слышал этого раньше?

Сталин вспомнил о недавней стенограмме, где Бухарин говорил Сокольникову, что он, Сталин, «скоро будет нас резать», и понял, до какого уровня уже удалось оппозиции обработать его жену.

* * *

Сказанная Надеждой фраза не была случайной. Бухарин подбросил ее специально, чтобы узнать, что известно Сталину о его недавнем разговоре с Каменевым. Сталин разгадал маневр и сказал, что впервые слышит эту глупость.

— А ты сама способна думать? — спросил Иосиф Виссарионович жену. — Или ты можешь только повторять, что сказали другие?

Сталину не хотелось вникать в тонкости женской психологии. Он относился к Надежде, как испокон веков на Кавказе джигиты относились к женщинам. Вероятно, можно сказать, что он любил ее по-своему. Но кавказский менталитет всегда четко обозначал женский круг обязанностей, отделяя его от мужского. Там, на его родине, женщина не могла и не

должна была вмешиваться в мужские дела. К тому же на их взаимоотношениях сказывались разница в возрасте и груз забот, которые лежали на нем, и разное отношение к жизни, и понимание окружающей обстановки, и оценка человеческих качеств, и многое, многое другое. Сталин оценивал окружающих его людей по роли, какую они играли в делах страны, а Надежда — по тому, как они относятся к ней лично. У них было разное отношение к жизни, и слишком мало того, что бы их объединяло.

Чтобы был мир и лад в семье, Надежде Сергеевне требовалось подняться на уровень мужа или ему опуститься на уровень жены. Ни тот, ни другая не могли и не хотели этого делать. Правда, существовала еще одна узкая дорога к счастью. Нужно было, чтобы Надежда Сергеевна увидела в своем муже великого человека, способного совершить то, что другим не под силу. Нужно было понять, что судьба определила ей великую роль — быть рядом с человеком, способным преобразовать мир. Но она не могла. Она считала себя образованной и интеллигентной женщиной, закончившей курсы благородных девиц, а его (как постоянно говорили в семье Бухарина) грубым и невежественным сыном сапожника. Она считала свое замужество неудавшимся. Ее раздражало, что в газетах печатаются его статьи и портреты, а преподаватели академии ссылаются на его высказывания. Однажды свое возмущение по этому вопросу она высказала Бухарину, и он нашел ответ на то, чего она не могла понять.

— У него власть, — сказал Николай Иванович, — он захватил ее и пользуется ею. Желающих идти против власти нет. Все боятся. Троцкий было пошел

и сломал себе шею. Пойдем мы — нас ждет та же участь.

После такого объяснения, все, как ей казалось, объясняющего, вражда к мужу возросла еще сильнее. Поэтому на его вопрос, способна ли она думать, она тут же с раздражением ответила:

— Я способна думать, а у кого много власти, тому думать не требуется. Сила есть — ума не надо.

Во время разговоров с женой у Сталина всегда было ощущение, что он говорит с человеком, который его не слышит. А редкие попытки что-то объяснить, понять, поговорить о том, что ее волнует и что она хочет, ни к чему не приводили.

Жена Жданова называла ее «душевно больной», так как «не было причин ей томиться и страдать». Возможно, так и было, и этим пользовались его противники.

Николай Бухарин

Пленум, которого так ждал и боялся Бухарин, начал свою работу в апреле 1929 года. К тому времени Троцкий уже был выслан из страны. Однако многочисленные его приверженцы и соратники были повсюду: в партии, в армии, в промышленности и сельском хозяйстве. Выбитое из рук Троцкого антисталинское знамя подхватил Бухарин. Он и его единомышленники пытались задавать тон и на пленуме. В своих выступлениях Угланов, Томский, Рыков, Розит критиковали Сталина за проведение «военнофеодальной эксплуатации крестьянства», за разложение Коминтерна и насаждение бюрократизма в партии. Все эти вопросы многократно обсуждались накануне пленума в доверительных беседах. Stalin

пытался переубедить Бухарина, доказывал, что линия партии направлена на стабилизацию экономики, а проводимые реформы в сельском хозяйстве и промышленности имеют огромное стратегическое значение, связанное с усилением обороноспособности страны. Бухарин слушал доводы Сталина, соглашался, а спустя несколько дней после беседы в «Правде» появилась декларация за подписью Бухарина, Рыкова и Томского, в которой они подымали все те же вопросы и заявляли о своем несогласии с политикой сталинского ЦК.

Словом, переговоры и разговоры по спорным вопросам ни к чему не привели. Тройка стояла на своем. А для большей убедительности своей правоты все ее члены дружно подали заявления о своей отставке. Дело принимало серьезный оборот. Создавалась угроза правительского кризиса и раскола партии. Сталин принял решение не замалчивать разногласия, не идти на какие-либо компромиссы и уступки, а обсудить все вопросы на пленуме. Он был уверен в правильности взятого курса партии на индустриализацию и коллективизацию страны.

Главным противником этого направления выступал Бухарин. Вокруг него сгруппировались все явные и тайные оппоненты Сталина. «Николай Иванович, — говорил о нем Ленин, — дьявольски неустойчив в политике». Примерно то же, только другими словами говорил о нем и Троцкий. «Свойство этого человека таково, что он всегда должен опираться на кого-либо, состоять при ком-либо, прислоняться к кому-либо. Незаметно для себя попадает под прямо противоположное влияние и начинает поносить своего идола с той же безответной востор-

женностью, с какой только что превозносил. Я никогда не брал Бухарина слишком всерьез».

Бухарин имел успех у женщин, он знал к ним подходы и никогда не скучился на комплименты. Это всегда производило должное впечатление. Женщины считали его умным и чертовски обаятельным. Крупская была от него просто без ума. Постоянно восторгалась Бухарином и жена Сталина. Ей очень хотелось, чтобы они дружили семьями. Однако Сталин был осторожен в выборе друзей. На первое место он ставил не личное обаяние, а деловые и нравственные характеристики человека. Что касается Бухарина, то он видел, что в трудную минуту этот «милый человек» может предать. И не случайно Ленин после слов «любимец партии» делает существенное уточнение: «...но его [Бухарина] теоретические воззрения с очень большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики)». Вот так любимец партии! Скорее всего и точнее всего, он не любимец партии, а дамский угодник...

Так кем же все-таки был Бухарин? Николай Иванович родился в 1888 году в семье учителя гимназии. Русский. Учился в Московском университете, но так и не доучился. То ли его исключили, то ли бросил учебу сам. В 1906 году вступил в партию большевиков. Несколько раз арестовывался царской полицией, но почему-то всегда после ареста освобождался. В конце 1910 года был сослан в Онегу, откуда бежал за границу.

В 1914 году был арестован австрийской полицией по обвинению в шпионаже в пользу России. Осво-

божден за недостаточностью улик и выслан в Швейцарию. В 1915 году был выслан из Швейцарии и какое-то время жил в Норвегии и Дании.

В октябре 1916 года нелегально прибыл в Америку. Здесь встречался с Троцким. Возвращался в Россию через Японию, где с ним случилась крупная не- приятность. Перебрав с алкоголем, он оказался в сомнительном заведении, где его спровоцировали на драку и предъявили ложное обвинение в изнасиловании малолетней. По японским законам ему угрожала смертная казнь. Но была предложена альтернатива — сотрудничество с японской разведкой. Бухарин якобы согласился. Однако фактов и доказательств такого сотрудничества у Объединенного Главного политического управления (ОГПУ) не было. Они появились позже, на следствии и в суде в 1938 году, когда на вопрос судьи «Был ли он завербован японской разведкой?» Бухарин скаламбурил: напился, подрался и завербовался. Но это будет потом, почти через 10 лет.

На апрельском пленуме Бухарин выступил против коллективизации на селе и ратовал за развитие фермерского хозяйства. В его выступлении был слабо скрываемый протест против индустриализации страны, объяснение того, что обогащение отдельных лиц на селе и в городе не представляет серьезной угрозы для социализма, а также критика политики Сталина, который под предлогом защиты государства от капиталистических стран создает «индустриальное чудище, истощающее и паразитирующее на тружениках деревни».

Эти обвинения в свой адрес Сталин слышал уже много раз. Его удивляла крайняя беспомощность Бухарина в понимании политической экономии. Похо-

же, он действительно, как писал о нем Ленин, «никогда не учился» и не изучал Маркса. Но вот что странно и непонятно: почему-то он прослыл выдающимся экономистом и марксистом, ведущим теоретиком партии. Все выступающие оппозиционеры на пленуме цитировали его высказывания по вопросам Коминтерна, экономическим проблемам и индустриализации. Касались они и личных взаимоотношений. Сам Бухарин цитировал дружественные письма из своей переписки со Сталиным. Другие выступающие также делали какие-то странные намеки на личные качества Сталина. Чувствовалась общая координация всех выступающих от оппозиции и их желание уйти в сторону от главных вопросов повестки пленума. Stalin сразу же уловил и пресек эти тактические уловки.

— Я не буду касаться личного момента, — сказал он в своей речи, — личный момент есть мелочь, а на мелочах не стоит останавливаться, у нас не семейный кружок, не артель личных друзей, а политическая партия рабочего класса. Нельзя допустить, чтобы интересы личной дружбы или неприязни ставились выше интересов дела. Наконец, нельзя вопросы личной дружбы ставить на одну доску с вопросами политики, ибо, как говорится, дружба дружбой, а служба службой.

Не буду также касаться тех намеков и скрытых обвинений личного порядка, которыми были пересыпаны речи товарищей из бухаринской оппозиции. Вопрос здесь ясен. Эти товарищи хотят, видимо, прикрыть политическую основу наших разногласий. Они хотят политику подменить политиканством. Скажу сразу: из этой затеи ничего не выйдет. Перейдем к делу.

Экономические «загадки» Бухарина»

Переход к делу показал, что оппозиция окончательно запуталась в теме дискуссии. В своем выступлении Рыков сказал: «генеральная линия у нас одна, и если у нас имеются некоторые «незначительные» разногласия, то это потому, что существуют «оттенки» в понимании генеральной линии». Stalin на- чисто опрокинул это утверждение. Он задал оппозиционерам множество вопросов.

Если линия одна, говорил он, то почему Бухарин бегает к троцкистам во главе с Каменевым в надежде сколотить реакционный блок и говорит там о «гибельности» линии ЦК? Если линия одна, то откуда взялась декларация Бухарина, направленная целиком против ЦК? Наконец, если линия одна, то почему одна часть членов Политбюро делает подкоп под другую часть Политбюро? Откуда взялась декларация за подписью Бухарина, Рыкова, Томского, где они обвиняют партию в политике военно-феодальной эксплуатации крестьянства, насаждении бюрократизма и разложении Коминтерна? Как же при таких условиях может быть одна линия? Тут одно из двух: или линии разные, или оппозиция также проводит политику военно-федеральной эксплуатации крестьянства, насаждает бюрократию и разлагает Коминтерн. В этом случае, что называется, оппозиция сама себя высекла.

Нет ничего общего у оппозиции с партией в вопросах реформирования сельского хозяйства и в отношении к кулаку. Партия выступает за организацию колхозов, а Бухарин и его единомышленники — за единоличные хозяйства. Партия за ликвидацию ку-

лака как класса, способного возродить капитализм, а Бухарин твердит: не трогать кулака, он хороший хозяин и сам врастет в социализм. Это диаметрально противоположные позиции.

Коллективизация сельскохозяйственного производства — ключ к применению техники, передовой технологии, науки, повышению культуры земледелия и снижению себестоимости сельхозпродукции. Этого нельзя достичь в индивидуальном хозяйстве.

Если принять предложение Бухарина и отказаться от коллективизации, сохранив кулака-единоличника, то последуют вполне предсказуемые события. Кулак — это сельский капиталист. Он будет использовать наемный труд и так же, как помещик и капиталист в городе, будет беспощадно эксплуатировать труд наемных работников, получая прибавочную стоимость. Рост такого эксплуататорского класса должен был создать в лице кулаков «серых баронов» — новых мелких помещиков. Кулак, таким образом, может быть опорой царя, а для социализма это враг. Он уже берет за горло Советскую власть.

Не случайно в то время очень остро встал вопрос о хлебозаготовках. Если в 1927 году было заготовлено 428 миллионов пудов хлеба, то в 1928-м, урожайном году, едва дотянули до трехсот. Дефицит составил 128 миллионов пудов. Этот кризис, если бы его не удалось преодолеть, вызвал бы серьезные проблемы для Советской власти. Прежде всего он狠狠地 ударил бы по обеспечению рабочих районов хлебом, поднялись бы цены на продукты первой необходимости, что в свою очередь привело бы к срыву реальной заработной платы. Начался бы спекулятивный рост цен. Хлебный кризис подорвал бы всю

очень слабую экономику страны. А дальше последовал бы отток производителей льна и хлопкоробов из своих отраслей в производство зерна. Что привело бы к сокращению или полной остановке текстильной промышленности. Отсутствие хлебных резервов в руках государства, необходимых в случае неурожая или военного нападения, ставило под угрозу само существование государства.

Вопрос о хлебозаготовках обсуждался на всех уровнях в партии и правительстве.

Все были озабочены положением дел в стране. Большинство высказывалось за то, чтобы заставить единоличников отдать хлеб. Только три члена Политбюро ЦК ВКП(б) выступили против: Бухарин, Рыков, Томский. Они прямо заявили: не трогайте кулака. Он хороший. А у «хорошего» кулака свой, чисто коммерческий интерес: зачем сдавать товарное зерно по твердым государственным ценам, когда можно дождаться свободы цен и продавать это же зерно в двадцать раз дороже? С той же точки зрения смотрели на кулака и оппозиционеры. Еще 14 апреля 1925 года Бухарин обратился к кулакам с призывом: «Обогащайтесь. Развивайте свое хозяйство, не бойтесь, что вас будут притеснять».

Еще в те годы Сталин пытался объяснить Бухарину и его сторонникам свою точку зрения и то, что между лозунгом «Обогащайтесь!» и лозунгом партии «Сделать всех колхозников зажиточными» лежит целая пропасть. Во-первых, обогащаться могли только отдельные лица, тогда как лозунг «к зажиточной жизни» касается всех тружеников деревни. Во-вторых, обогащаются отдельные лица или группы для того, чтобы подчинить себе остальных людей

и эксплуатировать их, тогда как лозунг партии при наличии обобществленных средств производства исключает всякую возможность эксплуатации одних другими.

Однако Бухарин и большая группа членов партии остались при своем мнении. Они выдвинули идею «нормализации» рынка и «маневрирования» заготовительными ценами на хлеб по районам. Другими словами, предложили идти по пути повышения закупочных цен. На практике бы это обернулось хаосом на рынке сельскохозяйственной продукции и возвратом к спекуляции, инфляции и голоду. А еще это означало, что оппортунистов не удовлетворяют советские условия рынка, они хотят спустить на тормозах регулирующую роль государства на рынке и предлагают пойти на уступки мелкой буржуазной стихии.

Многие тогда считали, что в том нет большой беды. Что о такой мелочи можно было бы и не спорить. Но для Сталина это была не мелочь или такая «мелочь», которая могла стать решающей в ответственный момент. Пока бухаринская теория лежала в ящике стола, можно было бы не обращать на нее внимания: мало ли какие глупости можно написать. Так, собственно, к ней и относился Stalin. Но теперь он не мог молчать. Мелкобуржуазная стихия подняла вверх теорию Бухарина как знамя и стала расправлять плечи. Под это знамя становились мелкие собственники и финансовые дельцы. Они были готовы яростно защищать свои позиции и не собирались сдаваться без боя. По теории Бухарина, мелкий собственник должен врастать в социализм, а он взялся за оружие и показал свое истинное классовое

лицо. За короткий промежуток времени в сельской местности было зарегистрировано свыше трехсот террористических актов, жертвами которых стали местные партийные работники и активисты колхозного движения. Такова была «суровая практика» бухаринской теории.

Но этим дело не ограничивалось. В бухаринской теории была заложена трагическая перспектива для нашей страны. Если предположить, что партия дрогнула бы под натиском кулаков и, последовав советам Бухарина, начала заниматься «нормализацией» рынка и «маневрированием» цен, то вряд ли советский народ праздновал бы День Победы, а, возможно, до сих пор жил бы под флагами со свастикой. Очевидно, многим сегодня это покажется преувеличением. Но Сталин видел не только начальный, но и конечный результат той политики. Стоит, скажем, повысить государству цены на закупку хлеба в сельском хозяйстве, как тут же появятся финансовые дельцы, которые пообещают еще более высокие цены. За этим повышением цен последует новое и так далее. Начнутся ценовые игры, в которых государство не сможет переиграть профессиональных спекулянтов и махинаторов. И, самое главное, будет упущено время. Стоит только поднять заготовительные цены на хлеб, как тут же возникнет необходимость поднять цены и на сырье, производимое сельским хозяйством. Это во-первых. Во-вторых, повышение заготовительных цен повлечет за собой увеличение продажной (розничной) цены на хлеб. И так далее, и тому подобное.

«Но и это еще не все, — продолжал анализировать бухаринскую идею «маневрирования» ценами

Сталин, — мы должны ускоренными темпами повысить заработную плату, но это не может не привести к тому, чтобы повысить цены и на промтовары, ибо в противном случае может получиться перекачка средств из города в деревню вопреки интересам индустриализации.

Иначе говоря, мы должны держать курс на вздорожание промтоваров и сельскохозяйственных продуктов. Нетрудно понять, что такое «маневрирование» ценами не может не привести к полной ликвидации советской политики цен, к ликвидации регулирующей роли государства на рынке и к полному развязыванию мелкобуржуазной стихии.

Кому это выгодно?

Только зажиточным слоям города и деревни, ибо дорогие промтовары и сельскохозяйственные продукты станут недоступными как для рабочего класса, так и для бедноты и малоимущих слоев деревни.

Это тоже будет смычка, но смычка своеобразная — смычка богатых слоев деревни и города. Рабочие и малоимущие слои деревни будут иметь полное право спросить нас: какая мы власть — рабоче-крестьянская или кулацко-нэпмановская?

Ясно, что партия не может стать на этот гибельный путь...

«Что еще не нравится Бухарину? — спрашивает Stalin и сам же отвечает. — Он возмущен и волит против того, что государство стало поставщиком товаров для крестьянства, а крестьянство становится поставщиком хлеба для государства. Он считает это нарушением всех правил нэпа, чуть ли не срывом нэпа. Почему, спрашивается, на каком основании?»

Stalin говорил просто, четко, без каких-либо жестов и эмоций. Но именно в этой простоте и ясной

логике и заключалась великая сила убеждения. Каждое сказанное им слово был понятно и находило отклик в душах делегатов. Он задавал вопросы участникам пленума, словно приглашая их вместе с ним подумать над тем, о чем он говорит.

— Что может быть плохого, — спрашивал Стalin, — в том, что государство, государственная промышленность является поставщиком товаров для крестьянства, без посредников, а крестьянство — поставщиком хлеба для промышленности, для государства также без посредников?

И действительно, думали участники съезда, кто такой так называемый посредник? Он стоит между производителем и потребителем, не пашет, не сеет, покупает у производителя по дешевке продукцию и продает втридорога государству. Посредник — это тот же спекулянт, которого мало интересуют проблемы производителя и потребителя. Его интересует только «навар», только личный интерес.

Наконец, что может быть плохого в том, что крестьянство уже превратилось в поставщика хлопка, свеклы, льна для нужд государственной промышленности, а государственная промышленность — в поставщика городских товаров, семян и орудий производства для этих отраслей сельского хозяйства по заранее определенным ценам и качеству товара? И если это можно было сделать по поставкам льна, хлопка и свеклы, то почему нельзя сделать по поставкам хлеба? Почему торговля мелкими партиями, торговля мелочами может называться товарообменом, а торговля крупными партиями по заранее составленным договорам товарообменом считаться не может?

Разве трудно понять, что эти новые массовые формы товарооборота по договорным обязательствам между городом и деревней являются крупным шагом вперед, проявлением более прогрессивного, планового, социалистического руководства народным хозяйством?

То, что говорил Сталин, однозначно было понятно участникам пленума, то, что хотел Бухарин и его единомышленники, каждый понимал по-своему. Одни считали Бухарина заблудшей овцой, другие — сознательным деструктивным элементом, извращающим линию партии; для третьих он был «темной лошадкой», пробравшейся на самый верх и вредившей делу социализма. Что касается Сталина, то для него позиция Бухарина и бухаринцев была ясна, как божий день: Бухарин и его сторонники не верили в возможность индустриализации страны и тем самым вольно или невольно подрывали ее обороноспособность. Они настоятельно добивались сокращения ассигнований на развитие тяжелой индустрии и уменьшения затрат на покупку оборудования за границей. Это был все тот же по сути, хотя слегка обновленный по форме план американского банкира Дауэса, сторонника поглощения России международным капиталом, который проповедовали и троцкисты. По мнению Бухарина, коллективизация не является объективной необходимостью, а задумана Сталиным для выколачивания денег для нужд сверхиндустриализации. Крестьян обложили данью, как когда-то феодалы или завоеватели обкладывали данью порабощенные ими народы.

Свою позицию Бухарин считал непробиваемой. Он ждал поворота мнений участников пленума в

свою пользу и даже попытался перебить выступление Сталина.

— Россия, — сказал Stalin, — аграрная страна.

И тут же последовала реплика Бухарина:

— Это всем известно...

Stalin невозмутимо и спокойно продолжал:

— Вот видите, — сказал он, — это знает даже Бухарин. — В зале раздался смех. — А мы, чтобы выжить в условиях капиталистического окружения, взяли курс на индустриализацию. Что делать? Хотим мы этого или не хотим, но часть денег нужно переместить из сельского хозяйства на развитие промышленности. Иначе все наши планы по перестройке народного хозяйства останутся просто добрыми пожеланиями. Чтобы выполнить эту задачу, Владимир Ильич Ленин предложил ввести систему ножниц. Речь идет о том, что кроме обычных налогов, прямых и косвенных, которые платит крестьянство государству, оно дает еще некий сверхналог в виде переплат на промтовары и в виде недополучек по линии цен на сельхозпродукты.

Так вот, этот сверхналог, получаемый в результате «ножниц», составляет «нечто вроде дани». Не дань, а «нечто вроде дани». Это есть плата за нашу отсталость. Этот сверхналог нужен для того, чтобы двигнуть вперед развитие индустрии и покончить с нашей отсталостью. Если у товарища Бухарина есть более легкий, более лучший способ перемещения капитала из сельского хозяйства в промышленность, то мы готовы его принять.

— Перекачка средств нужна, — выкрикнул Бухарин с места, — но «дань» — неудачное слово.

В зале раздается смех.

— Стало быть, по существу вопроса, — говорит Сталин, — у нас разногласий нет, «перекачка» средств из сельского хозяйства в промышленность нужна. Из-за чего тогда разгорелся сыр-бор? Из-за чего шум? Бухарина не удовлетворяет слово «дань». Его ввел в оборот Владимир Ильич Ленин, чтобы подчеркнуть временный характер «дани» и ликвидировать при первой возможности. Возможно, Ленин не устраивал Бухарина как марксист, но тут мы ему ни-чем помочь не можем.

Но дело, конечно, было не в слове «дань». Все было гораздо серьезнее. Stalin понимал, что, придавшись к слову «дань» и обвинив партию в военно-феодальной эксплуатации крестьянства, Бухарин и его единомышленники пытались скрыть свои истинные цели: спасти мелкого собственника, сорвать индустриализацию, «раскрепостить» рынок, отпустив цены, и дать свободу частной торговле. Если бы предложения бухаринцев одержали верх, то это неизбежно привело бы к гибели всех социальных завоеваний революции и в скором времени — к полной реставрации капитализма. Вот почему Бухарина и его единомышленников Stalin считал контрреволюционерами, со всеми вытекающими для них последствиями. Он предложил осудить взгляды группы Бухарина и его закулисные переговоры с Каменевым с целью создания фракции внутри партии, а также снять Бухарина и Томского с занимаемых постов.

— Поступали предложения, — сказал Stalin, — о немедленном исключении Бухарина и Томского из Политбюро ЦК. Я с этим не согласен. По-моему, можно обойтись в настоящее время без такой крайней меры.

Однако судьба Бухарина была предрешена. Миф о нем, как о любимце партии и серьезном марксистском теоретике перестал существовать.

В ноябре того же года пленум ЦК ВКП(б) признал пропаганду взглядов правых оппортунистов несовместимой с пребыванием в партии и вывел Бухарина из состава Политбюро ЦК ВКП(б), а Рыкову и Томскому сделал последнее предупреждение.

Сцены семейной жизни

После пленума Сталин не пошел домой, а зашел в свой кремлевский кабинет. Ему хотелось побывать одному и подумать над всем происшедшим. Материалы пленума решили не публиковать в печати, а резолюцию по внутрипартийным вопросам разослать всем местным организациям партии и членам XVI конференции. Однако (Сталин был убежден в этом) о решении пленума скоро узнает весь мир. В капиталистической и эмигрантской прессе запестрят заголовки типа: «Сталин уничтожает Ленинскую гвардию», «Грызня в Кремле», «В Кремле идет борьба за власть», «Не пролетарская, а сталинская диктатура», «Сталин — узурпатор» и т.д. и т.п. «Ну и что же, — думал Сталин, — пусть пишут. Собака лает... Нам нужно делать свое дело. Если прислушиваться ко всему, что кто-то где-то сказал, то нам не выжить. Бухарин и его сообщники получили по заслугам. Коллективизация необходима. Другого мнения нет и быть не может. Нельзя провести индустриализацию без коллективизации. Это две стороны одной и той же медали».

Сталин медленно ходил по кабинету. На ходу думалось лучше. Уже поздно. Следовало бы идти до-

мой. Он скучал по детям, но не хотелось лишний раз встречаться с Надеждой. Она вечно была недовольна. Депрессия сменялась агрессией. С детьми она тоже была чрезмерно строга. Но эта строгость была, чаще всего, проявлением ее неустойчивого настроения. Однажды она отхлестала по рукам Светлану за то, что та по неосторожности порезала скатерть.

«Я так ревела, — уже будучи взрослой, вспоминала Светлана Иосифовна, — что пришел отец, взял меня на руки, утешал, целовал и кое-как успокоил... Отец меня вечно носил на руках, называл ласковыми словами — «воробушка», «мушка». Несколько раз он также спасал меня от банок и горчичников — он не переносил детского плача и крика.

Мама же была неумолима и сердилась на него за «баловство»

В своей книге «20 писем к другу», которую Светлана Иосифовна написала, уже будучи в американской эмиграции и, естественно, с оглядкой на читателей Запада и находясь под определенным идеологическим влиянием, она не может не признать, что Сталин был нежным и внимательным отцом. Она приводит письма отца и матери, по которым можно судить о характере отношений в семье Сталина к детям, а следовательно, и взаимоотношениях взрослых между собой.

«Вот одно-единственное сохранившееся мамино письмо ко мне», — пишет Светлана Иосифовна. Приводим его без сокращений.

«Здравствуй, Светочка!

Вася мне написал, что девочка что-то пошаливает усердно. Ужасно скучно получать такие письма про девочку. Я думала, что оставила девочку боль-

шую, рассудительную, а она, оказывается, совсем маленькая и, главное, не умеет жить по-взрослому. Я тебя прошу, Светланочка, поговори с Н.К. (Наталья Константиновна — воспитательница. — Авт.), как бы так наладить все дела твои, чтобы я больше таких писем не получала. Поговори обязательно и напиши мне вместе с Васей или Н.К. письмо о том, как вы договорились обо всем. Когда мама уезжала, девочка обещала очень много, а оказывается, делает мало.

Так ты обязательно мне ответь, как ты решила жить дальше, по-серьезному или как-либо иначе.

Подумай как следует, девочка уже большая и умеет думать. Читаешь ли ты что-нибудь на русском языке? Жду от девочки ответ.

Твоя мама».

Вот и все, — пишет Светлана Иосифовна. — Ни слова ласки. Проступки «большой девочки», которой было тогда лет пять с половиной или шесть, наверное, были невелики...

Отец писал мне другие письма. Называл он меня (лет до шестнадцати) «Сетанка» — это я себя так называла, когда была маленькая. И еще он называл меня «хозяйка»... И еще он любил говорить, если я чего-нибудь просила: «Ну что ты просишь! Прикажи только, и мы тотчас все исполним». Отсюда — игра в «приказы», которая долго тянулась у нас в доме. А еще была выдумка: «идеальная девочка» — Лелька, которую вечно ставили мне в пример, — она все делала так, как надо, и я ее ненавидела за это. После этих разъяснений я могу привести и его письма тех лет:

«Сетанке — хозяйке.

Ты, наверное, забыла папку. Потому-то и не пишешь ему. Как твое здоровье? Не хвораешь ли? Как проводишь время? Лельку не встречала? Куклы живы? Я думал, что скоро пришлешь приказ, а приказа нет как нет. Нехорошо. Ты обижаешь папку. Ну, целую. Жду твоего письма.

Папка».

Все это старательно выведено крупными печатными буквами. И другое письмо тех же лет:

«Здравствуй, Сетанка!

Спасибо за подарки. Спасибо также за приказ. Видно, что не забыла папу. Если Вася и учитель уедут в Москву, ты оставайся в Сочи и дожидайся меня. Ладно? Ну, целую.

Твой папа».

Вся переписка с родителями шла между Зубановым и Сочи, куда они уезжали летом, а мы оставались на даче, или наоборот. Отец нас не стеснял (правда, он был очень строг и требователен к Василию), баловал, любил играть со мной — я была его развлечением и отдыхом. Мама же больше жалела Василия, а ко мне была строга, чтобы компенсировать ласки отца».

Светлана Иосифовна, жалея маму, не пишет, что это была за «компенсация», но возможно, было нечто похожее на то, когда она порезала скатерть...

Сталин никак не мог понять, чем недовольна его жена, чего ей хочется и что она ждет от него. Он не раз спрашивал: «Что тебе мешает быть счастливой? Ты только скажи». Он даже пытался перевести игру в приказы на жену. «Ну приказывай, — говорил он, —

и я как верноподданный выполню твой приказ». Однако из этой затеи ничего не выходило. Она еще больше злилась. «Отстань. Я не маленькая, — говорила она, — что ты себе воображаешь?»

Надежде Сергеевне хотелось самостоятельности. Дела мужа ее интересовали мало. Она пыталась в них вникнуть, когда речь шла о Бухарине. Но и здесь она заранее принимала сторону Николая Ивановича. Ей казалось, что Иосиф ревнует ее к Бухарину и поэтому придирается по всяким пустякам к такому замечательному человеку. Эта мысль нравилась ей самой, и она, чтобы вызвать еще большую ревность, восторженно отзывалась о Бухарине по поводу и без повода.

Сталин представил, какую бурю возмущения в его семье вызовет решение сегодняшнего пленума, и он не ошибся...

* * *

Надежда Сергеевна знала о состоявшемся пленуме и поспешила встретиться с Бухариным. Дверь ей открыла жена Николая Ивановича. По ее лицу Надежда определила, что произошло самое ужасное, то, чего боялись больше всего. Сам Николай Иванович сидел за столом с недопитой чашкой чая. Он был бледен и абсолютно подавлен. Он смотрел на Надежду и не узнавал ее. На вопрос: «Что случилось?» — только махнул рукой и ничего не ответил. В комнате висела какая-то тревожно-тяжостная тишина.

— Произошла гражданская казнь, — наконец произнес Николай Иванович. — Казнил меня твой муж. Казнил по всем правилам восточных владык. Я не знаю, за что он взъелся на меня? Где я ему перешел дорогу?

Надежде вдруг показалось, что она знает тайную причину конфликта, и она решила, что сможет помочь бедному и несчастному Николаю Ивановичу. Нужно только поговорить с Иосифом.

* * *

Вскоре такой разговор состоялся. Вернее, больше говорила Надежда Сергеевна, но Сталин слушал ее как-то рассеянно. Она говорила, что он напрасно ее ревнует и напрасно преследует Бухарина. Что между ними ничего нет и никогда не было...

Вначале она говорила спокойно, потом сорвалась. И слова сами собой заполнили комнату. Она кричала, что он восточный деспот и ведет себя, как собака на сене, бросала и много других надуманных, обидных и несправедливых упреков.

Сталин не стал все выслушивать, повернулся и ушел в свою комнату.

— Успокоишься, — бросил он на ходу, — тогда поговорим.

Но Надежда Сергеевна не успокоилась. Приступ агрессии перешел в депрессию. Теперь она сутками молчала. Ее все раздражало: дети, муж, прислуга... Со слов няни, Светлана Иосифовна вспоминает: «К ней приехала в гости ее гимназическая подруга, они сидели и разговаривали в моей детской комнате (там всегда была «мамина гостиная»), и няня слышала, как мама все повторяла, что «все надоело», «все опостылело», «ничего не радует», а приятельница ее спрашивала: «Ну, а дети, дети? «Все, и дети», — повторяла мама».

Возможно, ей не хватало обыкновенного счастья, простых человеческих удовольствий — шумных ком-

паний, молодых мужчин и новых впечатлений. У нее этого не было, и она злилась, впадала в депрессию, раздражалась по пустякам и отравляла жизнь себе и мужу, который больше искал в семье уюта и покоя, чем новых эмоций. А впечатлений ему с избытком хватало на службе за высокими кремлевскими стенами.

Раздражала Надежду Сергеевну и скрытность мужа. О важных событиях она узнавала от приятельниц, жен других членов Политбюро, которые пытались разузнать через нее мнение Сталина, задавая наводящие вопросы, смысл которых она не всегда понимала. Она улыбалась, пожимала плечами, делая вид, что ей все известно, но она ничего не может сказать. Одни считали ее скрытной, другие — застенчивой и скромной. Но такая игра давалась ей не просто, и дома эмоции выплескивались сами собой. Были громкие хлопанья дверьми, истеричные крики на детей и прислугу. Что касается Иосифа Виссарионовича, то она часто старалась делать вид, будто не замечает его. Это, она знала, был самый эффективный способ воздействия на мужа.

И все-таки он любил ее, любил по-своему... Возможно, он надеялся на то, что со временем все обра-зуется, что рано или поздно прекратятся эти тягостные домашние сцены. Но он ошибался.

Великий марксист, практик, знаток обществен-ного развития не знал собственной жены. Он не мог или не хотел глубоко погружаться в проблемы женс-кой психологии. А ее не интересовали проблемы го-сударственного строительства. Она видела перед со-бой далекого от идеала мужчину, который испортил ей жизнь. Что касается его государственных дел, то

они ее интересовали лишь настолько, насколько он притеснял ее друзей, родных и близких. Она не могла простить Иосифу случай с мужем ее сестры Анны Сергеевны — Редерсом в бытность последнего главой закавказского ГПУ. Stalin до того неплохо относился к Редерсу. Как-никак свой. Однако когда стало известно, что Редерс устроил пьяный дебош, Stalin немедленно освободил его от должности. И отчаянное заступничество Надежды Сергеевны ни к чему не привело.

— Его специально напоил Лаврентий (Лаврентий Берия был замом у Редерса) и все подстроил специально, — убеждала Надежда Сергеевна, — чтобы занять его место.

— Я не уверен в этом, — говорил Stalin, — но если все действительно так, то Редерсу все равно нет оправдания, если он клюнул на такую нехитрую приманку.

Stalin перевел Редерса в Харьков с понижением в должности. Именно к Редерсам после окончания академии и собиралась перебраться из Москвы Надежда Сергеевна, чтобы начать самостоятельную жизнь.

. Еще более незаслуженно, по ее мнению, был наказан Бухарин, мягкий, добрый и обходительный человек, которого Ленин назвал «любимцем партии» и у которого душа болела за народ. Однажды он дал ей письмо за подписью десятков крестьян, которые осуждали коллективизацию, и попросил, чтобы она показала его Stalinу, но только не говорила, что это письмо дал ей он, Бухарин, а сказала бы, что письмо ей вручили слушатели Промышленной академии. Бухарин таким способом проверял реакцию

Стилена, для того чтобы правильно выстроить тактику своего выступления на пленуме.

Стилин на письмо отреагировал очень резко. Он сразу же догадался, откуда ветер дует. Надежда Сергеевна возразила:

— Николай Иванович не имеет никакого отношения к этому письму, — солгала она, — его мне дали слушатели академии.

— И что, все слушатели академии так думают? — спросил Стилин. — Или есть такие, которые думают иначе?

Надежда Сергеевна не ожидала подобного вопроса и стушевалась. Стилин заметил ее смущение и еще более убедился в своих подозрениях. Тем не менее, он ждал ответа.

— Нет, не все, — сказала Надежда Сергеевна, — есть и такие, кто за коллективизацию.

— Ты можешь назвать и таких? — спросил Стилин.

— Могу, — сказала Надежда Сергеевна и назвала первую пришедшую на память фамилию. — Секретарь ячейки академии Никита Хрущев.

Бухарин похвалил Надежду Сергеевну за находчивость в сложной ситуации, а Стилин впервые узнал о существовании человека с такой фамилией.

Заботы и тревоги

Рабочий день Стилина начинался с изучения новых сводок о положении дел в стране. Он знал все: знал, что капиталовложения в промышленность растут удвоенными темпами; знал, где и какие строятся новые предприятия и создаются новые отрасли народного хозяйства. Знал и радовался этим пере-

менам. Но быстрый рост индустриализации ставил новые проблемы — кадровые. Чтобы овладеть техникой, нужны специалисты. Решение одних задач влекло за собой другие. И так без конца.

Новой и всепоглощающей его заботой становилось сельское хозяйство. Коренная ломка вековых укладов проходила с большим трудом, но плюсов все же было больше, чем минусов. Уже в начале тридцатых годов сократилось количество индивидуальных хозяйств, а количество колхозов и совхозов выросло в три раза. Увеличились посевные площади и урожайность зерновых, овощных и технических культур. Другими словами, в деревне побеждал социализм. Не оправдались бухаринские прогнозы, что крестьяне не пойдут в колхоз, а ускоренный темп развития колхозов вызовет массовое недовольство и «размычку» крестьянства с рабочим классом.

Рушились и надежды иностранного капитала, мечтавшего о восстановлении в СССР «священного принципа частной собственности». Крестьяне, рассматриваемые ими как материал, унавоживающий почву для капитализма, массово переходили на рельсы коллективного ведения хозяйства — на рельсы социализма.

Однако до победы было еще далеко. Сталин понимал, что классовая борьба будет обостряться. В городах и деревнях много сторонников Троцкого и Бухарина. Они уже стали проявлять себя на производстве, где умышленно тормозят развитие индустрии, и в деревне, где убивают инициаторов колхозно-совхозного движения. Сталин пытался как-то развязать этот тугой узел...

И в этот момент пришла беда, которой он совсем не ждал. В ночь с 7 на 8 ноября 1932 года в своей комнате застрелилась Надежда Сергеевна Аллилуева.

Трагедия

Этой трагедии предшествовала небольшая ссора. Собственно, даже не ссора, а недоразумение, которое случилось на банкете по случаю XV годовщины Великого Октября, где присутствовали все члены Политбюро и правительства. За столом было весело, там шутили, смеялись, произносили тосты. Но Надежда Сергеевна не принимала участия в общем веселье и недовольно наблюдала за своим мужем. Иосиф Виссарионович был в центре внимания. В его честь произносились многочисленные тосты. Он много шутил и смеялся. Это ее раздражало и злило. Однако никто не замечал ее подавленного настроения. Никто не замечал даже, что она демонстративно не прикасалась к приборам на столе. Только Иосиф Виссарионович обратил на это внимание и шутливо бросил:

— Эй, нужно выпить.

И тут ее прорвало:

— Я тебе не «эй», — выкрикнула она. — Я не позволю тебе так со мной обращаться...

Она выкрикнула еще что-то обидное и, хлопнув дверью, выскочила из банкетного зала. Вслед за ней выбежала ее подруга Полина Семеновна, жена Молотова.

Они долго кружили вокруг Кремлевского дворца и говорили обо всем и в том числе о мужьях. Надежда Сергеевна жаловалась Полине Семеновне на свою несчастную жизнь, но никак не могла объяснить, в

чем же ее беда. Она говорила о денежных затруднениях, о том, что Иосиф почти не бывает дома, что, наверное, у него есть любовница, что она не помнит, когда последний раз была в театре, и что у нее давно не обновлялся гардероб... Словом, это были жалобы на проблемы, какие бывают в каждой семье. Наконец, Полине Семеновне надоели причитания, она перевела разговор на другие темы и стала расспрашивать ее об учебе в академии, о детях, о перспективах работы.

— Когда Надежда успокоилась, — позже рассказывала Полина Семеновна, — мы разошлись по домам. Я была уверена, что все в полном порядке, и оставила ее одну.

Рассказ Молотовой дополняет дочь Иосифа Виссарионовича, Светлана Иосифовна.

«Каролина Васильевна Тиль, наша экономка, — пишет Светлана Иосифовна в своей книге «20 писем к другу», — утром всегда будила маму, спавшую в своей комнате. Отец ложился у себя в кабинете или в маленькой комнате с телефоном, возле столовой. Он и в ту ночь спал там, поздно возвратясь с того самого злополучного банкета, на котором произошла размолвка.

Каролина Васильевна рано утром, как всегда, приготовила завтрак в кухне и пошла будить маму. Трясясь от страха, она прибежала к нам в детскую и позвала с собой няню, — она ничего не могла говорить. Они пошли вместе. Мама лежала вся в крови возле своей кровати; в реке у нее был маленький пистолет «вальтер», привезенный ей когда-то Павлушей (Павлуша — брат Надежды Сергеевны. — Авт.) из Берлина. Звук его выстрела был слишком слабый,

чтобы его могли услышать в доме. Она была уже холодной. Две женщины, изнемогая от страха, что сейчас может войти отец, положили тело на постель, привели его в порядок. Потом трясясь, не зная, что делать, побежали звонить тем, кто был для них существеннее, — начальнику охраны Авелю Софроновичу Енукидзе, Полине Семеновне Молотовой, близкой маминой подруге...

Вскоре все прибежали. Отец все спал в своей комнатушке, слева от столовой. Пришли В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов. Все были потрясены и не могли поверить...

Наконец, и отец вышел в столовую. «Иосиф, Нади больше нет с нами», — сказали ему».

Эту историю Светлана Иосифовна записала со слов своей няни. «Я верю ей больше, чем кому-либо другому, — пишет она. — Во-первых, потому, что она была человеком бескорыстным. Во-вторых, потому, что этот ее рассказ был исповедью предо мной, простая женщина, настоящая христианка не может лгать в этом никогда...»

Однако в описании событий многое неясного. Во-первых, почему женщины изнемогали от страха, «что сейчас может войти отец»? По логике вещей, они должны были не бояться прихода Иосифа Виссарионовича, а сразу же сообщить ему о случившейся трагедии; во-вторых, почему для них, женщин, было «существеннее» звонить Енукидзе, Молотовой... и сообщать о несчастии, постигшем Сталина, в то время, как сам Сталин, находясь в соседней комнате, ничего не знал и ни о чем не ведал?

Словом, многое в этом рассказе нуждается в пояснении. Возможно, няня что-то из тех событий за-

памятаала, а что-то толкует по-своему. Наверно, Светлане Иосифовне следовало бы расспросить ее более подробно и получить ответы на все «почему».

Однако нас интересует не только обстановка вокруг мертвого тела Надежды Сергеевны и обстоятельства этого дела, но и как воспринял ее смерть Иосиф Виссарионович. Сошлемся опять на первоисточник, Светлану Иосифовну.

«Мне рассказывали потом, когда я уже была взрослой, — пишет она все в той же книге «20 писем к другу», — что отец был потрясен случившимся. Он был потрясен, потому что он не понимал: за что? Почему ему нанесли такой ужасный удар в спину? Он был слишком умен, чтобы не понять, что самоубийца всегда думает «наказать» кого-то — «вот мол, на тебе...», «ты будешь знать»! Это он понял, но он не мог осознать — почему? За что его так наказали?

И он спрашивал окружающих: разве он был невнимателен? Разве он не любил и не уважал ее, как женщину, как человека? Неужели так важно, что он не мог пойти с ней лишний раз в театр? Неужели это важно? Неужели... Из-за этого люди добровольно накладывают на себя руки...?

Первые дни он был подавлен случившемся. Он говорил, что ему самому не хочется больше жить. (Это говорила мне вдова дяди Павлуши, которая вместе с Анной Сергеевной оставалась первые дни у нас в доме день и ночь.) Отца боялись оставить одного, в таком он был состоянии. Временами на него находила какая-то злоба, ярость. Это объяснялось тем, что мама оставила ему письмо. Очевидно, она написала его ночью. Я никогда, разумеется, его не видела. Его, наверное, тут же уничтожили, но оно было, об

этом мне говорили те, кто его видел. Оно было ужасным. Оно было полно обвинений и упреков. Это было не просто личное письмо; это было письмо от части политическое. И, прочитав его, отец мог думать, что мама только для видимости была с ним, а на самом деле находилась в оппозиции тех лет.

Он был потрясен этим и разгневан и, когда пришел прощаться на гражданскую панихиду, то подойдя на минутку к гробу, вдруг оттолкнул его от себя руками и, повернувшись, ушел прочь. И на похороны он не пошел. И только последние годы, незадолго до смерти, он вдруг стал говорить часто со мною об этом... Он искал вокруг — «кто виноват?», кто ей «внушил эту мысль», может быть, он хотел таким образом найти какого-то очень важного своего врага.

Но, если он не понимал ее тогда, то позже, через двадцать лет, он уже совсем перестал понимать ее и забыл, что она была такое... Хорошо хоть, что он стал теперь говорить о ней мягче; он как будто бы даже жалел ее и не упрекал за совершенное».

Но Иосиф Виссарионович ничего не забыл. Даже спустя десятилетия, на вершине своей бессмертной славы он помнил о том роковом банкете, с которого, хлопнув дверью, ушла его жена. Он представлял себе, как она пришла домой, как она металась по комнате в поисках чего-то такого, что бы могло побольнее ударить его. Внезапно она увидела пистолет. И первая мысль, которая могла прийти к ней в голову, — убить его. Но потом она передумала — это для него было бы слишком легкое наказание. Его похоронят. Ее осудят, расстреляют или оправдают (скорее последнее), и она до конца жизни будет мучиться угрызениями совести. И она приходит к мысли, что

лучше убьет себя, чтобы не ее, а его до конца дней терзали муки совести.

«Она наказала меня, — думал Иосиф Виссарионович, — но отдавала ли она отчет сама себе: за что наказала? Да, я мало уделял ей времени. Не часто ходили в театр. Не баловал ее нарядами. Не хватало денег. Даже маме посыпал от случая к случаю. Все это правда. Но правда и то, что я был загружен работой выше головы. Не было времени даже отоспаться по-человечески. Она этого не понимала. Слушала оппортунистов. Ей ближе были Бухарин, Зиновьев и Каменев, чем я. Для нее это была ленинская гвардия, а я так себе, сбоку припеку».

Но если бы он тогда, согласившись с ней, отдал власть этой братии, то что бы стало со страной, с народом? Она о том не думала, не понимала или не хотела понимать? Она полностью находилась под влиянием чуждых ему по духу людей, и они ее убили. Он проводил ее в последний путь, а на душе было горько и пусто. Горько оттого, что в тот момент, когда его со всех сторон обложили оппортунисты, удар в спину нанес самый близкий человек — жена. Ее поступок сравним с предательством. Правда, она и раньше (теперь он уже окончательно убедился в этом) не была на его стороне. Но тогда, по крайней мере, все считали, что у него крепкая семья. Теперь и того нет. Он остался один. Есть, правда, дети. Но у них свои заботы, своя жизнь.

Сыновья и дочь Светлана

Жизнь детей Сталина счастливой тоже не назовешь. Яков в первые дни войны попал в плен и погиб. Василий — необузданный и взбалмошный ма-

лый — в школьные годы любил шантажировать преподавателей. Директор школы, где он учился, во всем потакал мальчишке. Только один преподаватель истории Мартынюк, возмущенный неуправляемостью и наглостью Василия, написал письмо Сталину с описанием всех «художеств» его сына.

Иосиф Виссарионович ответил.

«Ваше письмо о художествах Василия Сталина, — писал он, — получил. Спасибо за письмо...

Василий — избалованный юноша средних способностей, дикаренок (типа скифа!), не всегда правдив, любит шантажировать слабеньких «руководителей», нередко нахал, со слабой — вернее — неограниченной волей. Его избаловали всякие «кумы» и «кумушки», то и дело подчеркивающие, что он «сын Сталина».

Я рад, что в вашем лице нашелся один уважающий себя преподаватель, который поступает с Василием, как со всеми, и требует от нахала подчинения общему режиму в школе. Василия портят директора, вроде упомянутого вами, люди-тряпки, которым не место в школе, и если наглец Василий не успел еще погубить себя, то это потому, что существуют в нашей стране кое-какие преподаватели, которые не дают спуску капризному барчуку.

Мой совет: требовать построже от Василия и не бояться фальшивых шантажистских угроз капризника насчет самоубийства. Будете иметь в этом мою поддержку. К сожалению, сам я не имею возможности возиться с Василием. Но обещаю время от времени брать его за шиворот.

И. Сталин».

После школы Василий увлекся конным спортом. Его привлекает кавалерия. Он любит лошадей. Однако в условиях надвигающейся войны он решил стать летчиком. В 1938 году он поступает в Каченскую авиашколу, которую заканчивает в 1940 году в звании младшего лейтенанта. С этого момента начинается его военная биография.

С первых дней войны он просится на фронт, а его назначают на должность летчика-инспектора Управления ВВС КА. Командование боится за его жизнь и пытается взять над ним опеку. Однако Василий не терпит никакого опекунства. На почетной должности он продержался недолго и ушел на фронт. Он умел управлять всеми типами самолетов, как отечественными, так и зарубежными. За время войны он был в воздухе более трех тысяч часов, участвовал в 27 боях и сбил три самолета. Он защищал небо Сталинграда, участвовал в боях за освобождение Польши и за взятие Берлина. По мнению командования, он отличался какой-то безрассудной смелостью. Он начал войну в звании младшего лейтенанта, а закончил ее генерал-майором. Командовал полком, дивизией и авиационным корпусом. Его неоднократно представляли к званию Героя Советского Союза, но каждый раз Stalin вычеркивал из списка своего сына, считая, что лучше излишняя скромность, чем ошибочная награда. К тому же у него всегда было подозрение, что те, кто составлял списки на награды, хотят польстить ему.

Для этого у Иосифа Виссарионовича были все основания. Василий не только хорошо воевал в небе,

но и успевал дебоширить на земле. Сталин не раз «брал сына-генерала за шиворот», распекал и отчитывал, как мальчишку, понижал в должности «за пьянство и разгул», лишал наград, сажал на гауптвахту. Иосиф Виссарионович любил своего неугомонного сына и часто думал о его судьбе, о том, что ждет его в будущем. Сам Василий тоже все прекрасно понимал.

— Я живу, пока жив отец, — говорил он. — Если с ним, не дай бог, что-то случится, меня уничтожат.

Забегая вперед, скажем: он не ошибался. В начале марта 1953 года умер Иосиф Виссарионович, а в конце апреля по непроверенным, во многом надуманным и неподтвержденным данным Василия арестовали. По настоянию Хрущева, сменили фамилию Сталин на Джугашвили, лишили звания и наград, судили и посадили в одиночную камеру. Потом выслали из Москвы в Казань, где он и умер при загадочных обстоятельствах.

* * *

Неспокойно было на душе Сталина и за дочь. После смерти Надежды Сергеевны он старался больше времени уделять ей. Он теперь стал приходить обедать домой и с порога, не снимая пальто, громко звал: «Хозяйка!» Светлана, чем бы она ни занималась, бросала все и неслась отцу навстречу. Он брал ее на руки и нес в большую комнату, обставленную книжными шкафами, где был накрыт обеденный стол. Светлана садилась за свой прибор с правой стороны от отца. Как правило, это было часов в семь вечера. Иосиф Виссарионович расспрашивал дочь про школьные дела и хвалил за хорошие оценки.

Когда он уходил, обязательно заходил в комнату дочери и целовал ее на прощание. Несмотря на большую загруженность работой, он стал чаще ходить в театр. Ходили большой компанией. Чаще всего вывали во МХАТе, в Малом и Большом театре и в театре Вахтангова. Смотрели «Горячее сердце», «Любовь Яровую», «Платона Кречета»; слушали «Бориса Годунова», «Садко», «Сусанина». В ложе Светлану усаживали в первый ряд кресел, а сам Иосиф Виссарионович садился где-нибудь в дальнем углу.

Когда Иосиф Виссарионович уезжал в отпуск, — обычно он отдыхал в Сочи, — то Светлану брал с собой, если ее отправляли в Крым, то между ними устанавливалась почтовая связь. Все свои письма к дочери он начинал ласковыми словами: «моя воробышкa», «милая Сетанка», «хозяюшкa» и ставил свою подпись: «Секретаришкa Сетанки-хозяйки, бедняк И. Сталин».

Но время шло. «Воробушек» вырос, и первые огорчения он принес своему «секретаришке», когда ему, «воробушку», исполнилось 16 лет. Уже шла страшная война. Горели земля и небо. Иосиф Виссарионович жил, не ощущая смены дня и ночи. В сутки он спал не более 3—4 часов. И в это время 16-летняя Светлана влюбилась в 40-летнего киносценариста Алексея Каплера. Красивый и талантливый, он окончательно вскружил девчонке голову. Он поджидал, когда Светлана выходила из школы, и водил ее по пустынным подъездам и квартирам. Когда о влюбленных доложили Сталину, он сначала сделал ей замечание, а потом устроил и головомойку. Однако это не помогало. У него не было времени глубоко вникать во все похождения дочери. А Светлана продол-

жала встречаться с Каплером. Дело кончилось тем, что Каплера выслали в Воркуту. «Но никогда потом, — писала Светлана об отце в своей книге «Двадцать писем к другу», — не возникало между нами прежних отношений. Я была для него уже не та любимая дочь, что прежде».

Сталину не просто дался разрыв с дочерью. Он видел, как та все дальше удаляется от него. Она стала совсем взрослой, самостоятельной, начала жить своей жизнью, в которой почему-то не было места для отца. А ведь у него не было никого ближе и родней, чем его Светлана.

Весной 1944 года она приехала на дачу и объявила, что выходит замуж. Он молчал и внешне очень спокойно выслушал это известие... Был май, все цвели, жужжали пчелы, белой пеной кипела черемуха. Весна. Земля пробуждается к жизни. Любовь. Он уже забыл, что это такое. У него война, каждый день идут ожесточенные бои. Очень многие не дожили до этой весны, у других она будет последней. Больше они не увидят ни этого солнца, ни этой небесной синевы. Но жизнь продолжалась, несмотря на войну.

— Да, да, весна, — наконец, сказал он, — значит, замуж хочешь? — потом еще помолчал и добавил. — Делай, что хочешь.

Но с мужем Светланы он не стал встречаться.

— Слишком он расчетлив, твой молодой человек, — сказал он. — Смотри-ка, на фронте ведь страшно, там стреляют, а он, видишь ли, в тылу окопался...

После этой встречи Светлана опять исчезла на полгода. Весной 1947 года она разошлась со своим мужем и вышла замуж за сына Жданова, Юрия Андреевича.

Эти замужества и неуживчивость дочери подспудно беспокоили Сталина. В поведении его дочери стали проявляться необъяснимые странности, те же, что и у ее матери, Надежды Сергеевны: то она была не в меру и на удивление застенчива, то впадала в неоправданную резкость и раздражительность, то ее охватывали приступы беспричинного беспокойства, то одолевала необъяснимая апатия. Ни с кем она не могла поддерживать длительные дружеские отношения и часто конфликтовала по пустякам.

После некоторых раздумий было решено под предлогом диспансеризации показать Светлану врачам. Истинную фамилию пациентки, разумеется, скрыли. Ее осматривали шесть разных психиатров. Диагноз не вызвал затруднений: шизофрения. Когда о этом доложили Сталину, он с горечью подумал: «И здесь испорченная кровь Надежды достала меня».

* * *

Впоследствии, уже после смерти Сталина, факты подтвердили этот диагноз. Светлана Иосифовна будет еще много раз выходить замуж, она бросит своих детей и уедет в Индию, затем надолго застрянет в Америке, чтобы в конце концов осесть на Британских островах. Она сменит фамилию Сталина на Аллилуеву и поставит свое имя под сфабрикованными Центральным разведывательным управлением США антисоветскими, антисталинскими книгами «Двадцать писем к другу», «Всего один год», «Книга для внучек», «Далекие звуки», в которых выльет не один ушат грязи на своего великого отца.

Спустя 17 лет после своего бегства из Советского Союза Светлана со своей американской дочерью

Ольгой впервые посетит Родину. И здесь сразу же проявится ее сумасбродный, капризный и неуживчивый характер. Она откажется от встречи с сыном в аэропорту (это после долгих лет разлуки) и поселится в гостинице «Советская» в люксовском номере. В ее честь сын и ее первый муж Григорий Морозов организуют застолье, от которого она также откажется. «Нам всем надлежит, — напишет она позже в «Книге для внучек», — напиться, упиться, лишиться всякого рассудка... В силу своей образованности мы не можем этого себе позволить, но мы все-таки напиваемся в этот вечер как следует. Нельзя даже помыслить, чтобы этого не произошло».

Одним словом, Светлане не понравился сын Иосиф, который после ее бегства в Америку окончил университет и защитил кандидатскую диссертацию. Она тут же начнет конфликтовать со снохой. Вскоре она окончательно рвет отношения с сыном и пишет жалобу на имя руководителя по месту работы сына с требованием исключить последнего из рядов партии, лишить ученого звания и выслать на перевоспитание на о. Сахалин.

Добрые отношения с сыном Якова Евгением Джугашвили тоже продержались недолго. Вскоре и он из «доброго» и «умного» племянника превратился в «хама» и «зазнайку».

Спустя некоторое время в военную академию, где служил полковник Евгений Джугашвили, пришло письмо, подписанное Светланой Аллилуевой, где она настоятельно требовала «разобраться» с племянником, т.к. он явно «живет не по средствам и имеет побочные, незаконные доходы».

Не понравилось Светлане Иосифовне и то, как ее приняли официальные власти. Она прилетела в

Москву 25 октября 1984 года, а уже первого ноября того же года в Верховном Совете СССР был подписан указ о присвоении гражданства С. И. Аллилуевой и ее дочери. Эта оперативность почему-то пришлась не по душе Светлане Иосифовне. Еще больше она опечалилась, когда ей предложили роскошное жилье — четыре комнаты общей площадью девяносто квадратных метров в новом доме по улице Алексея Толстого, построенного для членов Политбюро. Здесь она усмотрела какой-то определенный подвох и сразу же отказалась от квартиры под тем предлогом, что квартира для нее слишком велика и все заботы по ее уборке лягут на ее плечи.

Вскоре она заявила, что хочет жить в Грузии, на родине отца. Там ее тоже приняли, что называется, с распростертыми объятиями. Ей предоставили квартиру с двумя спальнями и столовой. Предложили прислугу, гувернантку для дочери и машину. Все делалось от чистого сердца, в знак признательности заслуг ее великого отца. Но Светлана не понимала этого. Она всех в чем-то подозревала. И когда ее попросили поделиться воспоминаниями об отце, она отказалась.

Однако она не могла отказать дочери посетить места, где жил когда-то дед, и они отправились из Тбилиси в Гори. Американская внучка Сталина широко открытыми глазами смотрела на лачугу, где родился ее дедушка и слушала рассказ экскурсовода (ее мама ничего не знала о детстве своего отца) о том, как ее дедушка маленьким мальчиком учился в приходской школе, где он изучил три языка: русский, грузинский, греческий (Оле показали парту, за которой он сидел). Потом он учился в семинарии, стал

революционером, главой Советского Союза и, разгромив Германию, спас человечество от фашистской чумы. Последнее Ольга уже знала. Она хранила газетную вырезку с фотографией, где ее дедушка сидит рядом с американским президентом Рузвельтом и английским премьер-министром Черчиллем. И девочка впервые подумала о том, какой неизмеримо трудный и славный путь проделал ее дедушка, чтобы из этой лачуги встать вровень с первыми людьми мира и навечно войти в историю. Ольга почувствовала — не могла не почувствовать, — гордость за своего великого деда.

Что касается Светланы, то для нее отец не был примером. Она всю жизнь не могла найти покоя, кочевала с места на место в поисках лучшей доли. В Грузии и Москве ей не хотелось жить. С сыном, племянниками и другими родственниками она рассорилась, обозвав их «хамами» и «некультурными людьми». Ей осталось выяснить свои отношения только с Катей, дочерью, которую она бросила, когда бежала из страны, и которая теперь жила и работала геодезистом на Камчатке. Екатерина знала о приезде матери, но не приехала к ней в Москву и только спустя восемь месяцев после ее приезда прислала письмо. Дочь писала матери, что не прощает ее и не простит никогда. С болью и горечью писала она, что мать виновата не только перед нею, но и перед Родиной, которую она предала, перед своим великим отцом, который спас Отечество и все человечество от фашистских захватчиков и которого она со своими американскими спецслужбами самым бессовестным образом оболгала. Дочь требовала, чтобы мать не пыталась устанавливать с ней контакт и каким-то

образом вмешиваться в ее жизнь. Вместо подписи в конце письма Катя написала по латыни *Dixi*, означающее «судья сказал».

Светлана Иосифовна говорила, что это письмо ее рассмешило. Если она не лгала, то у нее действительно не осталось ничего святого. Только безумная и душевно больная мать может смеяться над тем, что родные дети не признают и презирают ее.

Светлана противопоставила себя всему и всем. Она отказалась от Родины и не нашла счастья за океаном, куда снова уехала. Сейчас она одиноко живет в каком-то пансионате для престарелых. Ее книги, где она снова и снова с каким-то маниакальным упорством изображает черными красками портреты своего великого отца, не имеют ни художественной, ни философской, ни мемуарной, ни исторической ценности. И если с этими книгами, когда пробьет ее час, она явится на суд Божий, то и там не найдет оправдания своим поступкам и будет осуждена на вечные муки.

Тайна судьбы человека

Говорят, судьба — это характер. Но что такое тогда характер? Это наследственность, или воспитание, или и то и другое, вместе взятое? Если наследственность, то выходит, что в нашей жизни многое предопределено и от нас самих мало что зависит.

Если же предположить, что характер — это воспитание, то здесь и вовсе не вяжутся концы с концами. Пример и опыт отцов дети, за редким исключением, в своей жизни не учитывают. И для этого у них есть все основания. Меняются обстоятельства и условия существования. То, чем жили и восторгались

отцы, их детям кажется устаревшим. Это объективный процесс. Наука, техника и новейшие технологии изменили среду обитания и должны были бы изменить и характер человека. Но характер не меняется. Меняется только отношение к изменившимся обстоятельствам. Воспитание отстает от технического прогресса и лишь отчасти влияет на судьбу человека.

Следовательно, характер — это что-то унаследованное от родителей и плюс воспитание. Но так ли это в действительности? Сталин не раз думал о своей судьбе. Как могло случиться, что он, мальчишка из далекого, забытого богом и людьми грузинского села Гори, был вознесен на вершину власти в стране, занимающей одну шестую часть земного шара? Что он унаследовал от родителей и что приобрел от воспитания? Отец был сапожником и не отличался честолюбием. Для него рядовой полицейский был уже великий начальник. Мать — прачка. Ей и в голову не приходила мысль о каком-то властолюбии. Для нее священник, к которому она ходила исповедоваться, был недосягаемой вершиной благочестия и непрекаемым авторитетом.

Воспитание... О каком воспитании можно говорить, если денег не всегда хватало даже на хлеб наущный? Он был третьим ребенком в семье. Двое братьев, родившихся до него, рано умерли, а он остался жить. Почему? В детстве он, как и другие дети в их селе, болел оспой. Многие умерли от этой болезни, а он выжил. Почему? Во время побега из сибирской ссылки он провалился в ледяную прорубь и мог утонуть, но, не умея плавать, не утонул. Почему? Он мог замерзнуть в обледеневшей одежде, когда, выбравшись из проруби, добирался до ближайшего се-

ления, до которого было 16 километров, но не замерз и остался жив. Почему? И таких «почему» набиралось очень много. И если он выходил из безвыходных положений, то это было не просто везение. Тут было что-то другое. Ему казалось, что его кто-то спасает и оберегает, что он кому-то нужен для осуществления каких-то высоких целей. Но кто этот спаситель?

И почему выбор пал на него? Да, природа наделила его аналитическим умом. Он не просто смотрел на окружающий мир, а умел дать оценку происходящим явлениям. Обладая колоссальной памятью и неистребимой жаждой знаний, он познавал мир и психологию людей, видел и знал то, чего не видели и не знали другие. Эти качества не были предметом воспитания, это дано было ему свыше, как говорят, от бога. И где-то глубоко в душе, признаваясь только самому себе, он верил в небесное покровительство и в свою счастливую звезду. Он учился всю жизнь и, воспитывая сам себя, ставил перед собой задачи и решал их, какими бы они трудными ни были.

Пророк в своем отечестве

Были ли у него ошибки? В чем история и потомки его могут обвинить? Эти вопросы он много раз задавал себе. В том, что над ним будет посмертный суд, он не сомневался. Судить о прошлом легко. Все богаты, как говорится, задним умом. Стоит отойти немногого во времени, и все, что мы делаем сейчас, покажется совершенно другим. Выйдут из тени наследники Троцкого и Бухарина. Они будут переписывать историю на свой лад. Могут поменять все плюсы на минусы и наоборот. Начнется великая переоценка ценностей. Все будет зависеть от того, кто будет у

руля власти. Однажды об этом он сказал Александре Коллонтай.

Говорили они тогда о проводимых реформах и о том, как к ним отнесутся потомки.

— А сам ты как думаешь? — спросила Александра Михайловна. — Будут тебя вспоминать добрым словом?

По возрасту Коллонтай была старше Иосифа Виссарионовича на семь лет. Это была высокообразованная женщина, в совершенстве владевшая многими языками. В партию она вступила в 1915 году и посвятила всю свою жизнь революции, работе и Родине. В 30-х годах была послом в Швеции и время от времени приезжала в Москву. С Иосифом Виссарионовичем у нее установились добрые деловые и дружеские отношения. Ее вопрос не застал Сталина врасплох. Он долго молча прохаживался по кабинету, а потом с какой-то затаенной грустью сказал:

— Мое имя будет оболгано, оклеветано. Мне припишут множество злодеяний. Мировой сионизм всеми силами будет стремиться уничтожить наш Союз, чтобы Россия больше никогда не смогла подняться. Оклеветав меня, враги социализма направят острое борьбы, прежде всего, против дружбы народов СССР, на отрыв окраин от России. С особой силой подымет голову национализм. Возникнут националистические группы внутри наций и конфликты. Появится много вождей-пигмеев, предателей внутри своих наций.

— Ты так думаешь? — спросила его Александра Михайловна.

— Я в этом убежден, — ответил Stalin.

Он с минуту молчал, бесшумно прохаживаясь по ковровой дорожке, потом с той же грустью продолжил:

— И все же, как бы ни развивались события, пройдет время, и взоры новых поколений будут обращены к делам и победам нашего Социалистического Отечества. Год за годом будут приходить новые поколения. Они вновь подымут знамя своих отцов и дедов и отдадут нам должное сполна... свое будущее они будут строить на нашем прошлом.

Прошли годы, но Иосиф Виссарионович не забывал о том давнем разговоре и время от времени задавал себе вопрос: в чем же все-таки его могут обвинить потомки?

Изнуриительная и неимоверно трудная для народа индустриализация? Здесь есть к чему прицепиться. Много было лишений и бед. Но в конце концов они оправданы. Он оказался прав: без индустриализации не было бы и сегодняшней победы.

Коллективизация? Та же история. Без коллективизации не было бы индустриализации.

Репрессии? За них могут ухватиться фальсификаторы. Но без них тоже, к сожалению, было не обйтись. Троцкий был выслан из страны. Но корни его организации остались. Не умерла и троцкистская идеология. По стопам своего учителя шли Зиновьев, Каменев, Рыков... Причем, то была лишь верхушка айсберга. А что делалось в низах? Ставленники Троцкого были в армии, в партии, на предприятиях... Они ждали своего часа. Это была та самая пятая колонна, на которую рассчитывал Гитлер, когда начинал войну. Но ничего у него не получилось с пятой колонной. Мы ее уничтожили. Конечно, не все сторонники Троцкого были предателями. Среди них были и такие, которые пересмотрели свои взгляды и добросовестно продолжали работать. Взять того же Хрущева

ва. Бывший троцкист, он теперь полностью перешел на сторону партии. Больше того, стал самым рьяным борцом с троцкистами. По лично им составленным спискам, в то время, когда он был секретарем ЦК Украины, были арестованы тысячи врагов народа. В своем рвении он не знал пощады. Его много раз приходилось одергивать и поправлять. Вот уж поистине: заставь дурака богу молиться... Даже Ежов, и тот приходил на него жаловаться.

— Хрущев уничтожает украинские кадры, — говорил он, — надо что-то с ним делать.

Сталин звонил Хрущеву в Киев, а тот начинал жаловаться на Ежова, который покрывает вредителей.

— У меня доказательства, у меня факты, — кипел Никита Сергеевич.

С этими доказательствами и фактами он приезжал в Москву, и они с Ежовым, а позже с Берией, решали судьбы людей. Спустя какое-то время Stalin узнавал, что они, как говорится, «сильно перегибали палку». Они оправдывались: лес, мол, рубят — щепки летят. Но какие ж это щепки?! Это человеческие жизни. Они были виноваты в творимом беззаконии. Но виноват и он, что терпел беззаконие. Правда, Ежова разоблачили и расстреляли, а вот Берия и Хрущев целехонькие, хотя именно они своим «усердием» бросили тень на его имя. «Придет время, я уйду из жизни, и тогда они всю вину за творимое ими зло взвалят на меня».

Сталин не ошибся и здесь. Первым, кто после его смерти стал «звонить» о его злодеяниях, были Берия и Хрущев.

«В чем еще меня могут обвинить будущие историки и политики? — спрашивал себя Иосиф Висса-

рионович. — Они будут анализировать весь ход войны. Здесь также будет много кривотолков. Могут сказать, что страна оказалась неподготовленной к войне, а Сталин прошляпил начало войны, допустив внезапное нападение гитлеровской Германии. И кто тогда докажет, что все это ложь, что к войне мы стали готовиться с первых дней Советской власти? Взять ту же индустриализацию. Мы за десять предвоенных лет, как и было намечено, прошли тот путь, на который буржуазным государствам понадобились столетия. За десять лет были созданы новые отрасли промышленности, построено мощное обороноспособное производство, реформирована армия, которую начали вооружать новой техникой.

Другое дело, что мы не успели этого доделать. Да и не могли успеть. Но в том не было вины, а была наша общая беда. Мы спешили, мы очень спешили. Предвоенные годы для нашего народа были страшно трудными. Все было подчинено грядущей войне. Люди недосыпали, недоедали, плохо одевались, но строили, строили заводы для обороны страны. И все же не успели наладить производство новой техники. Это была расплата за вековую отсталость России.

Я, со своей стороны, делал все, чтобы отсрочить, отодвинуть начало войны и ни в коем случае не спровоцировать ее. Вначале делалось все, чтобы создать антифашистский фронт. Однако западные государства саботировали такую идею — на словах они были «за», а на деле подталкивали Гитлера к нападению на нашу страну. Именно в этом ряду стоит Мюнхенское соглашение, когда Англия и Франция практически отдали на растерзание своего союзника — Чехословакию.

Весной и летом 1939 года в Москве проходили переговоры между делегациями Англии и Франции. Мы настойчиво, в который уже раз, выступали с предложением о подписании договора о коллективной безопасности и организации совместного отпора фашистской агрессии. А западные дипломаты предлагали свой план. Согласно их проекту, Советский Союз должен в случае агрессии оказывать военную помощь всем государствам, граничащим с СССР — Финляндии, Эстонии, Литве, Латвии, Польше и Румынии. Последние две страны имели также английские и французские гарантии. По логике веющей, оказывая им помощь, Советский Союз мог рассчитывать, что будет воевать против агрессора в союзе с Англией и Францией. Однако это предложение отвергалось западными дипломатами. Они требовали от Советского Союза односторонних гарантий помощи Англии, Франции и некоторым их союзникам без каких-либо ответных обязательств с их стороны в случае нападения гитлеровской Германии на Советский Союз. Одним словом, это было провокационное предложение, подсказывающее Гитлеру направление главного удара.

На кого же оно было рассчитано? Дипломатии тут не было вообще. Предложение западных стран было не просто неприемлемо, оно было оскорбительно для нашей страны. На это и рассчитывали английское и французское правительства. Свое неожелание идти на серьезное соглашение они не скрывали и прислали для переговоров в Москву второстепенных чиновников, к тому же не имеющих письменных полномочий на подписание каких-либо согласованных документов.

Сложившейся ситуацией немедленно воспользовались в Берлине. Оттуда поступило предложение о заключении германо-советского пакта о ненападении. Это не было сюрпризом для Иосифа Виссарионовича. Германское правительство еще в начале 1939 года предлагало СССР заключить подобное соглашение. Однако в обстановке крайней агрессивности германской внешней политики и в надежде на сближение с Англией и Францией Сталин уходил от положительного ответа. Но положение изменилось, когда Англия и Франция отказались подписать оборонительный договор. И когда всякая надежда на сближение с западными странами была потеряна, а Берлин предложил улучшить политические отношения и подписать договор о ненападении, возник вопрос: что делать? В прочность и надежность такого соглашения никто особенно не верил. Гитлер авантюрист. Кроме всего прочего, он никогда не скрывал своих воинственных намерений по отношению к России. Еще в двадцатые годы в своей книге «Майн кампф», этой нацистской библии, он писал: «Если мы хотим иметь новые земли в Европе, то их можно получить на больших пространствах только за счет России. Поэтому новый рейх должен встать на тот путь, по которому шли рыцари ордена, чтобы германским мечом завоевать германскому плугу землю, а нашей нации — хлеб насущный!»

И далее: «... И если мы сегодня в Европе говорим о новых землях, то мы можем в первую очередь думать только о России и о подвластных ей окраинных государствах...»

Поэтому мы не заблуждались. Гитлер никогда не отказывался от своих планов. Следовательно, его

предложение подписать договор о ненападении — не что иное, как маневр. С какой целью он это делает, никто (о том станет известно через несколько месяцев) не знает. Но подписание такого договора давало нашей стране выигрыш во времени, чтобы подготовиться для отпора агрессии. Это было как раз то, в чем нуждалась наша страна.

Рассматривался и другой вариант отношения к берлинским предложениям — отклонить их. Но в таком случае Гитлер использовал бы отказ в своих интересах. Он бы сразу же заявил, что подобное отношение Москвы к его миролюбивым предложениям — свидетельство «агрессивных намерений» большевиков, и Германии ничего не остается, как нанести по России упреждающий удар. Получилось бы, что Советский Союз, на радость правящим кругам Англии и Франции, ненавидевшим нашу страну, сам спровоцировал войну. Этого нельзя было допустить.

Словом, предложение Берлина подписать пакт о ненападении было тщательно взвешено и проанализировано. Упреждая своих критиков, Сталин объяснил свою позицию еще 3 июля 1941 года, уже после нападения фашистской Германии на СССР.

«Могут спросить, — сказал он, — как могло случиться, что Советское правительство пошло на заключение пакта о ненападении с такими вероломными людьми и извергами, как Гитлер и Риббентроп? Не была ли здесь допущена со стороны Советского правительства ошибка? Конечно, нет! Пакт о ненападении есть пакт о мире между двумя государствами. Именно такой пакт предложила нам Германия в 1939 году. Могло ли Советское правительство отказаться от такого предложения? Я ду-

маю, что ни одно миролюбивое государство не может отказаться от мирного соглашения с соседней державой, если во главе этой державы стоят даже такие изверги и людоеды, как Гитлер и Риббентроп. И это, конечно, при одном непременном условии — если мирное соглашение не задевает ни прямо ни косвенно территориальной целостности, независимости и чести миролюбивого государства. Как известно, пакт о ненападении между Германией и СССР является именно таким пактом.

Что выиграли мы, заключив с Германией пакт о ненападении? Мы обеспечили нашей стране мир в течение полутора лет и возможность подготовки своих сил для отпора, если фашистская Германия рискнула бы напасть на нашу страну вопреки пакту. Это определенный выигрыш для нас и проигрыш для фашистской Германии.

Что выиграла и проиграла фашистская Германия, вероломно разорвав пакт о ненападении на СССР? Она добилась этим некоторого выигрышного положения для своих войск в течение короткого срока, но она проиграла политически, разоблачив себя в глазах всего мира как кровавого агрессора. Не может быть сомнения, что этот непродолжительный военный выигрыш для Германии является лишь эпизодом, а громадный политический выигрыш для СССР является серьезным и длительным фактором, на основе которого должны развернуться решительные военные (эти пророчества Сталина полностью подтвердились в ходе войны. — Авт.) успехи Красной Армии в войне с фашистской Германией».

Так думал, такими соображениями руководствовался Сталин во время подписания пакта о ненапа-

дении, он был убежден в своей правоте в начале войны, и ее подтвердили все последующие события.

Однако далеко не все были согласны с тем, что делала Москва в тот период времени. Подписание Советским Союзом и Германией пакта о ненападении вызвало бурю эмоций у английских и французских политиков. Они начали понимать, что Гитлер переиграл их, и теперь вместо похода на ненавистный им Советский Союз он пойдет на Запад. Это не на шутку их встревожило. В Англии и Франции вдруг забыли, что отказались от советских предложений создать антигитлеровский союз, и стали трубить о сговоре Москвы и Берлина против западной демократии. Иначе говоря, стали тут же валить с большой головы на здоровую. Благодушию пришел конец. В яму, которую правительственные круги Англии, Франции и США рыли для Советского Союза, попали они сами.

Пройдут годы, и горбачевско-ельцинские демократы примутся переписывать историю заново. В своем стремлении опорочить Сталина (как он и предвидел) и угодить Америке они будут убеждать своих граждан, что подписание с Германией пакта о ненападении являлось сговором Сталина и Гитлера против западных демократий. Снова будут разгораться страсти. Продажные историки и политологи будут проводить бесконечные дискуссии по этому совершенно ясному вопросу...

Гитлер в объятиях Запада

Первого сентября 1939 года нападением на Польшу Гитлер развязал Вторую мировую войну. Имея французские и английские договорные гарантии,

Польша рассчитывала на их немедленную поддержку. Однако этого не случилось. Только 3 сентября в 11 часов правительство Англии объявляет войну Германии, а спустя шесть часов то же самое делает и Франция. Вслед за Англией войну Германии объявили и британские доминионы: Австралия, Новая Зеландия, Южно-Африканский Союз и Канада.

Создавалось впечатление, что фашистская Германия надолго завязнет на западно-европейском театре военных действий и Советского Союза беда не коснется. К такому мнению склонялись и некоторые члены Политбюро. Однако Сталин занял другую позицию. Он заявил, что угроза войны с нацистской Германией для нашей страны не только не снята, а наоборот, представляет еще большую опасность и необходимо напряжение всех материальных и духовных сил народа и партии для отпора врага. Нападение на Польшу — это подступы к нашим границам, и западные страны прямо или косвенно подтолкнут Гитлера напасть на нас.

Вскоре это предположение оправдалось. Англия и Франция, объявив войну Германии, тем не менее отдали Польшу ей на растерзание. В то время, когда польская армия, истекая кровью, пыталась защитить свою страну, французские и английские солдаты скучали в тылу. Многие не понимали, что происходит: война объявлена, но ее нет. «Странная война» или, как ее еще называли, «Сидячая война», своим бездействием подрывала моральный дух личного состава французских и британских экспедиционных сил. Чтобы предотвратить разложение войск, командование вынуждено было пойти на организацию спортивных мероприятий. 21 ноября 1939 года пра-

вительство Франции создало в вооруженных силах «службу развлечений», на которую возлагалась организация досуга военнослужащих на фронте. Парламент обсудил вопрос о дополнительной выдаче солдатам спиртных напитков, премьер-министр Даладье подписал декрет об отмене налогов на игральные карты, предназначенные для действующей армии. И одновременно было принято решение закупить для армии 10 тысяч футбольных мячей.

Пока решались эти злободневные развлекательные задачи, фашистская Германия оккупировала Польшу. Фактически она была отдана Гитлеру по мюнхенскому сценарию. В то же время правительственные круги Англии и Франции разворачивают мощную антисоветскую пропаганду. Все средства общественной информации были использованы для идеологической подготовки войны против СССР. В буржуазной печати тогда раздавался только один клич: «Война России». Кампания антикоммунизма достигла своего апогея, когда английское правительство отозвало из Москвы своего посла, а французское объявило советского посла в Париже персоной «нон грата». Это была откровенная попытка «западных демократий» создать новый фронт мировой войны против СССР. Это было намерение отвести от себя возможный удар вермахта и превратить « ошибочную войну», то есть войну друг против друга, в «правильную войну» против Советского Союза.

Разработкой замысла превращения войны «неправильной» в «правильную» занимались правительственные круги Англии, Франции и высшее военное руководство этих стран. Намечалось, в частности, использовать германско-советские противоречия на

севере и под предлогом помощи Финляндии нанести удар по Ленинграду и Мурманsku, а на юге — уничтожить советские нефтяные промыслы на Кавказе и вторгнуться военно-морскими силами в Черное море. Расчеты сводились к тому, что фашистская Германия предпримет «естественный шаг» и нанесет удар по центральным районам Советского Союза. При обсуждении проблем похода на СССР расчет делался на успех, связанный со «слабостью» советского государства и его вооруженных сил, а также надеждой на «антикоммунистическую революцию» внутри Советского Союза. На Западе были убеждены, что в Советском Союзе существует мощная «пятая колонна», которая будет способствовать вооруженной интервенции. Иными словами, антисоветским планам Англии и Франции были присущи те же просчеты, что и фашистской клике, готовящей агрессию против СССР.

Сталин предполагал возможность такого сговора империалистических стран и внимательно следил за развитием ситуации. Он понимал, что для Чемберлена и Даладье это была, что называется, голубая мечта. А как для Гитлера? Для Гитлера их планы не представляли интереса. Во-первых, он не доверял мюнхенцам — тот, кто предал своих союзников в трудную минуту, точно так же может предать и его; во-вторых, Гитлер был самонадеян — легкие победы ему уже вскружили голову; и наконец, в-третьих, он был уверен в своей победе над Советским Союзом и не собирался делиться с Англией и Францией (судьбу которых он определил как вассалов великого рейха) таким лакомым куском, каким для него являлась Россия.

Следовательно, считал Сталин, прежде чем напасть на Советский Союз, Гитлер захочет уничтожить своих западных конкурентов и обезопасить свой тыл. Кроме всего прочего, у фашистской Германии были свои счеты с Францией. Ей во что бы то ни стало (как громогласно вещала нацистская пропаганда) хотелось отомстить за поражение 1918 года и снять с себя «позор» Версальского договора. Гитлер не только прислушивался к шовинистическим и реваншистским призывам, он и сам горел желанием «справедливого возмездия».

* * *

Сразу же после оккупации Польши Гитлер провел совещание главнокомандующих всех видов вооруженных сил и начальников штабов и приказал немедленно готовить наступление на Запад. «Цель войны, — подчеркнул фюрер, — поставить Англию на колени, разгромить Францию».

Об этом совещании Сталин узнает позже. Но что-то подобное он предполагал и после поражения Польши. С учетом таких обстоятельств и строилась внешняя политика Советского Союза. Иосиф Виссарионович был убежден, что война с фашистской Германией неизбежна. Но он также рассчитывал, что Гитлер может завязнуть в войне с Францией и Англией, располагавшими крупными вооруженными силами на западной границе Германии.

Однако эти расчеты не оправдались. Пока французские и английские солдаты гоняли футбольные мячи и играли в карты, а правительственные круги их стран мечтали о превращении «неправильной» войны в «правильную», Гитлер использовал страте-

гическую паузу для передислокации своих войск с востока на запад, увеличения производства военной техники и наращивания боевой мощи. Он готовился подмять под себя всю Европу. Первыми его жертвами стали Дания и Норвегия. Эти страны он оккупировал в считанные часы. При захвате Дании гитлеровцы потеряли двух человек убитыми и десять ранеными. Норвегия пыталась оказать сопротивление, но оно было сломлено в течение одного дня. Англия и Франция, как и в случае с Польшей, не спешили ей на помощь. Они придерживались точки зрения Черчилля: «...мы больше выиграем, чем проиграем, от нападения Германии на Норвегию и Швецию».

Трудно сказать, что имел в виду Черчилль, когда произносил эту фразу, но ясно одно: он провоцировал Гитлера на новые агрессивные действия. Оккупировав Данию и Норвегию, 10 мая 1940 года нацистские войска вторглись в Голландию, Бельгию и Люксембург. Через неделю эти страны, граничащие с Францией, были захвачены. Дорога на Париж оказалась открытой.

Англо-французская коалиция продержалась недолго. Английское руководство стало больше заботиться о своих интересах в ущерб общим оперативно-стратегическим планам. В Лондоне считали, что сражение за Францию проиграно, и поэтому нужно скорее уносить ноги домой и заботиться о своем будущем.

Действительно, Франция капитулировала в считанные недели. Англия осталась в одиночестве. Но она мало волновала Гитлера. Политическое руководство фашистского рейха считало, что правительство Великобритании, лишившись союзников на континенте, пойдет на любые соглашения с Германией.

Таким образом, политика уступок нацистской Германии, отказ от системы коллективной безопасности в Европе с участием Советского Союза, открытое предательство Чехословакии, а затем и Польши, антисоветский курс западных держав — все это способствовало фашистской агрессии и явилось одной из главных причин поражения англо-французского союза. Сталин охарактеризовал политику Англии и Франции одним словом:

— Доигрались.

* * *

Иосиф Виссарионович внимательно следил за разбойными нападениями гитлеровской Германии в Западной Европе и за политикой правительственный кругов Англии и Франции. Ее нельзя было назвать ни реалистичной, ни, тем более, порядочной. Создавалось впечатление, что в Париже и Лондоне действуют политики с завязанными глазами. Их ненависть к Советскому Союзу была так велика, что они даже не думали о собственной безопасности. Все, что они делали, было подчинено одной цели — направить фашистскую агрессию против СССР.

Почти каждый день Сталин получал сообщения главного разведуправления о провокационной деятельности западных политиков. В одном из донесений говорилось о том, что после подписания в декабре 1938 года Францией и Германией декларации о ненападении министр иностранных дел Франции Жорж Бонне сказал: «Германская политика отныне ориентируется на борьбу против большевизма. Германия проявляет свою волю на Востоке».

Руководитель Северного департамента Министерства иностранных дел Великобритании Кольер 26 апреля 1939 года утверждал, что «его правительство не будет связывать себя с СССР, так как хочет дать Германии возможность развивать агрессию на Восток за счет России».

16 мая 1939 года на заседании Британского правительства министр иностранных дел Великобритании лорд Галифакс заявил: «Политические аргументы против заключения военного договора с СССР более важны, чем военные доводы в пользу такого пакта».

Но красноречивее всех свое отношение к Советскому Союзу выразил премьер-министр Великобритании Чемберлен: «Я скорее подам в отставку, — сказал он на одном из совещаний, — чем подпишу союз с Советами. Что касается русских, то они действительно преисполнены стремления достигнуть соглашения с нами». 4 июля 1939 года Британское правительство обсуждало вопрос о переговорах, ведущихся в Москве. Принято решение: всячески затягивать переговоры и к соглашению дело не вести.

Кухню закулисных игр на этом совещании раскрывает бывший премьер-министр, член английского парламента Ллойд Джордж. «Мистер Чемберлен, — заявил он, — вел переговоры непосредственно с Гитлером. Для свидания с этой целью он ездил в Германию. Он и лорд Галифакс ездили также и в Рим. Они были в Риме, пили за здоровье Муссолини и говорили ему комплименты. Но кого они послали в Россию?.. Они просто послали чиновника иностранных дел. Это оскорблениe. У них нет чувства меры, они не дают себе отчета в серьезности положе-

ния сейчас, когда мир оказался на краю бездонной пропасти».

Но нет, не прозрели всякие там Чемберлены, Галифаксы, Петены, Черчилли и прочие лорды. Они подвели человечество к катастрофе и ушли в тень. Если фашистские агрессоры предстанут перед международным трибуналом и понесут заслуженное наказание, то о Чемберленах, Галифаксах, Петенах... даже не вспомнят. А жаль. Очень жаль! Они провокаторы и, можно сказать, сообщники Гитлера. Сталин знал: в Берлине считали, что, если СССР, Франция и Англия договорятся между собой, война со стороны Германии против них будет невозможной. Не смогли, не захотели договориться и в результате погубили более 50 миллионов человек, а сотни миллионов людей искалечили и обездолили. Сталин тогда особенно остро почувствовал, насколько хрупок мир и насколько беззащитен человек, когда к власти приходят такие душевно нездоровые политики, как Гитлер и Чемберлен.

Тысячу раз был прав Рузвельт, предложивший еще в Тегеране создать международную организацию по защите мира от воинственных маньяков.

Кульбиты истории

Воспоминание о Рузвельте всегда вызывало у Сталина чувство жалости к этому человеку. Рузвельт не дожил до победы 27 дней. Несмотря на различие мировоззрений, идеологий, классовой принадлежности, они часто находили общий язык в решении сложных военно-политических и экономических проблем. Он не был оголтелым антисоветчиком, каким был Черчилль. Защищая классовые интересы

своей страны, Рузвельт мог учитывать и интересы партнера. Сталин считал его здравомыслящим политиком и человеком.

Впервые они встретились на Тегеранской конференции, а до того вели активную переписку по координации союзнических действий в войне. Именно Рузвельт первый заговорил об оказании Советскому Союзу помощи в борьбе с фашистскими захватчиками. Еще до нападения Германии на СССР в Вашингтоне знали о замыслах Гитлера разгромить Советский Союз. Это не на шутку встревожило руководящих деятелей США. Стали просчитывать все возможные варианты развития событий. С одной стороны, хорошо, если Германия разгромит советскую Россию, но с другой — нет гарантий, что после разгрома Советского Союза Гитлер и Япония не нападут на Америку. Взвесив все «за» и «против», решили помочь Советскому Союзу. Все-таки лучше смотреть на войну со стороны, чем самим в ней участвовать.

Интересно отметить, что такая позиция Америки не понравилась английским политическим деятелям. Прибывший в Вашингтон новый посол Великобритании лорд Галифакс предложил сократить поставки в СССР, заявив, что Англия опасается, что в случае войны (Англия также была информирована о нападении Германии на Советский Союз) они попадут в руки Гитлера. Это был благовидный предлог лишить Советский Союз всякой помощи.

К слову сказать, ни Англия, ни США не верили в способность Советской Армии и правительства СССР оказать серьезное сопротивление фашистской Германии. Тем не менее, Рузвельт не отказался от намеченной им программы помощи СССР. Он смотрел

далше английских политиков. Тут стоит привести выдержку из книги сына президента, Элиота Рузвельта, «Его глазами». В ней воспроизводятся следующие слова, характеризующие позицию президента.

— Ты представь себе, — говорил Рузвельт сыну, — что это футбольный матч. А мы, скажем, резервные игроки, сидящие на скамье. В данный момент основные игроки — это русские, немцы, китайцы и, в меньшей степени, англичане. Нам предназначена роль игроков, которые вступят в игру в решающий момент... Я думаю, что момент будет выбран правильно...

Если отбросить иносказательность, то мысль президента звучит просто: пусть немцы и русские убивают друг друга, а когда их силы истощаться, тогда и мы заявим о себе.

Сталин понимал, какие политические игры ведут США и Англия, но он не мог говорить о них прямо. Стоило ему только намекнуть на их истинные цели, как они тут же разыграли бы сцену оскорбленной невинности. Поэтому он принял их правила игры. Ему важно было создать антигитлеровскую коалицию.

Хотят того или нет западные страны, но они будут вынуждены пойти на союз с большевистской Россией и помочь ей в войне. Это они будут делать не из любви к Советскому Союзу, а из страха перед Гитлером.

Сталин в который раз оказался прав.

* * *

Действительно, история иногда преподносит удивительные кульбиты: союз коммунистов и империалистов из их числа. Однако роли в этом объединении

нении распределяются отнюдь не справедливо. На долю СССР ложатся все тяготы войны, а на долю США — как бы роль сочувствующих наблюдателей, «резервных игроков, сидящих на скамье».

Впрочем, здесь дело даже не в сочувствии. Такие человеческие чувства никогда не были присущи правительствам западных стран, тем более в отношении советского народа. Это была забота о собственной шкуре и безопасности: ведь если Гитлер раздавит Советский Союз, несдобровать ни Англии, ни США. Поэтому было принято решение не терять контроль над ситуацией. Рузвельт направляет в Москву своего специального представителя Гарри Гопкинса с целью оценить возможности Красной Армии в противостоянии фашистскому натиску. Рузвельт не верил своим военным, которые пророчили быструю гибель СССР, и хотел получить достоверную информацию из первых рук.

Сталин лично принял Гопкинса и подробно рассказал ему, что происходит на советско-германском фронте. Гопкинс убедился, что Красная Армия не только способна противостоять натиску фашистской Германии, но и нанести ей поражение. Во время беседы речь зашла и о нуждах фронта. Сталин сказал, что Красная Армия нуждается в защитных орудиях, в пулеметах, алюминии для производства самолетов...

Гопкинс сказал, что Англия и США готовы удовлетворить потребность Красной Армии в необходимых материалах, но сначала их нужно произвести и доставить. А на это нужно время. Следовательно, лучше строить планы на длительный период войны. Но и здесь посланец Рузвельта делает оговорку. Он заявляет, что русским не стоит рассчитывать на по-

ставки США и Англией тяжелого оружия: танков, самолетов, зенитных орудий, пока не стабилизируется фронт.

Одним словом, вы, ребята, воюйте, а мы пока посидим на «скамейке запасных» и посмотрим, как у вас будет получаться. Сталин отлично понимал поведение западных союзников, не желающих связывать себя определенными обязательствами, и совершенно спокойно отреагировал на заявление Гопкинса об отсрочке оказания помощи. Он воспользовался приездом Гопкинса, чтобы отправить Рузвельту личное послание, в котором призывал президента занять твердую позицию по отношению к Гитлеру.

Оценивая свою поездку в Москву и свои встречи со Сталиным, Гопкинс записал, что она была... «полезной и является поворотным пунктом в отношениях, сложившихся в военное время, с одной стороны, между США и Англией и Советским Союзом — с другой стороны. «Теперь, — писал он, — англо-американские расчеты не могут больше основываться на возможности скорого крушения России. После этого весь подход к проблеме должен серьезно измениться».

* * *

В конце сентября 1941 года в Москву прибыла англо-американская миссия, возглавляемая лордом Бивербруком (Англия) и Авереллом Гарриманом (США). В первый же день прибытия делегации Сталин принял ее руководителей. Гарриман передал ему личное послание президента. Оно хранилось в папке личной переписки с президентом.

«Уважаемый г-н Сталин, — писал Рузвельт. — Это письмо будет вручено Вам моим другом Авереллом Гарриманом, которого я просил быть главой делегации, посылаемой в Москву.

Г-ну Гарриману хорошо известно стратегическое значение Вашего фронта, и он сделает, я уверен, все, что сможет, для успешного завершения переговоров в Москве.

Гарри Гопкинс сообщил мне подробно о своих обнадеживающих и удовлетворительных встречах с Вами. Я не могу передать Вам, насколько мы все восхищены доблестной оборонительной борьбой советских армий.

Я уверен, что будут найдены пути для того, чтобы выделить материалы и снабжения, необходимые для борьбы с Гитлером на всех фронтах, включая Ваш собственный.

Я хочу воспользоваться этим случаем в особенности для того, чтобы выразить твердую уверенность в том, что Ваши армии в конце концов одержат победу над Гитлером, и для того, чтобы заверить Вас в нашей твердой решимости оказывать всю возможную материальную помощь.

Искренне Ваш *Франклин Д. Рузвельт*.

* * *

Помощь действительно была нужна. Рузвельт и Черчилль понимали, что советский народ защищает не только свою землю, но и их страны. Однако с помощью не торопились, и Сталин прямо высказал свое недовольство таким положением вещей. В частности, он сказал, что Англия могла бы послать свои войска в СССР, чтобы принять участия в сражениях

на Украине. Бивербрук тут же принял эту идею, но подчеркнул, что английские солдаты готовы и могут нести службу... на Кавказе.

Сталин тут же отклонил это предложение.

— На Кавказе нет войны, — сказал он, — война идет на Украине.

После первой встречи со Сталиным Бивербрук и Гарриман отправились в английское посольство, где, видимо, обсудили сложившуюся ситуацию и составили дополнительный список поставок материалов для нужд советского фронта. Когда Сталина ознакомили с этим документом, он сказал, что список его удовлетворяет.

Удовлетворил данный документ и Рузвельта. В письме от 30 декабря 1941 года он писал Сталину, что обсудил с членами миссии подробности московской встречи и одобряет их: «Все военное имущество и все виды вооружения мною одобрены, и я приказал по возможности ускорить доставку сырья. Приказано также немедленно приступить к поставке материалов, и эти поставки будут производиться по возможности в самых крупных количествах. Для того, чтобы устраниТЬ возможные финансовые затруднения, немедленно будут приняты меры, которые позволят осуществить поставки на сумму до 1 миллиарда долларов на основе закона о передаче взаймы или в аренду вооружения («ленд-лиз»). Если на это согласится Правительство СССР, я предлагаю, чтобы по задолженности, образовавшейся в результате этого, не взималось никаких процентов и чтобы Советское правительство начало покрывать ее платежами через пять лет после окончания войны, с тем, чтобы они были закончены на протяжении дли-

тельного периода после этого. Я надеюсь, что Ваше правительство примет специальные меры для того, чтобы продавать нам имеющиеся в его распоряжении сырьевые материалы и товары, в которых Соединенные Штаты могут испытывать срочную необходимость, на основе соглашения, по которому все поступления от этих продаж будут поступать в погашение счета Советского Правительства. ...Я надеюсь, что Вы без колебаний будете непосредственно связываться со мной, если Вы этого пожелаете».

Закончив чтение письма, Сталин задумался. Оно вызывало у него смешанное чувство возмущения и недоумения. Враг был общий. Если гитлеровская Германия разгромит Советский Союз, то Англия не спрячется за Ла-Маншем, а США не удастся отсидеться за океаном. Гитлер их обязательно достанет. Все здесь ясно, как божий день. Тем не менее, Рузвельт, говоря об оказании военной помощи Советскому Союзу, пытается соблюсти свою выгоду. Он торгуется и назначает цену за каждый ствол, самолет, танк, которые США намерены поставить Красной Армии. Это крохоборство, граничащее с бессоставностью возмущали Сталина, но положение было крайне тяжелым. Заводы, эвакуированные с западной части СССР, оккупированной гитлеровцами, на восток, не успевали пока обеспечить армию необходимым вооружением. Им нужно было время, чтобы наладить и запустить производство. Поэтому всякое негодование и возмущение по поводу поведения союзников было бы преждевременным и неуместным. Сейчас нужно брать то, что дают. И Сталин пишет благодарственное письмо Рузвельту, в полной мере

проявив при этом дипломатические способности и мудрость государственного деятеля.

«Г-н Президент, — пишет он, — Ваше решение о том, чтобы предоставить Советскому Союзу беспрецедентный заем на сумму в 1 миллиард долларов на оплату поставок вооружений и сырьевых материалов Советскому Союзу, Советское правительство принимает с искренней благодарностью, как исключительно серьезную поддержку Советского Союза в его громадной и трудной борьбе с нашим общим врагом, с кровавым гитлеризмом. (От себя добавим: враг общий, только одни проливают кровь, а другие считают деньги. — Авт.)

По поручению правительства СССР я выражают полное согласие с изложенными Вами условиями предоставления Советскому Союзу этого займа, платежи по которому должны начаться спустя пять лет после окончания войны и будут производиться в течение 10 лет после истечения этого пятилетнего периода».

Какую же нужно было иметь выдержку и самообладание, чтобы благодарить человека, пытающегося снять последнюю рубашку со своего спасителя?!

Не было недостатка и в обещаниях со стороны Англии, которая также намеревалась оказывать помощь Советскому Союзу. Однако это были лишь слова. На практике все вышло иначе. Американцы и англичане постоянно нарушали свои обязательства по поставкам, что вносило неразбериху в расчеты вооружения Красной Армии и срывало запланированные военные операции. Кроме всего прочего, качество оружия, мягко говоря, оставляло желать лучшего. В одном из писем Сталин писал Рузвельту:

«Считаю долгом предупредить, что, как утверждают наши специалисты на фронте, американские танки очень легко горят от патронов противотанковых ружей, попадающих сзади или сбоку. Происходит это оттого, что высокосортный бензин, употребляемый американскими танками, образует в танке большой слой бензиновых паров, создающих благоприятные условия для загорания».

В папке Сталина хранился и ответ Рузвельта на это письмо:

«Я весьма ценю Ваше сообщение о трудностях, испытываемых на фронте с американскими танками. Нашим специалистам по танкам эта информация будет весьма полезной для устранения недостатков этого типа танков. Опасность пожара в будущих типах танков будет снижена, т.к. они будут работать на горючем с более низким октановым числом».

Советский Союз вел смертельную войну. В этой кровавой бойне он защищал не только себя, но и мировую цивилизацию от фашистской нечисти, а для американцев, выходит, это был полигон для испытания и совершенствования вооружений.

Серьезный разговор о качестве военной техники состоялся тогда в беседе с посетившим в сентябре 1942 года Москву лидером республиканской партии Уэдделлом Уилки. Разговор шел в присутствии послов США и Англии. Stalin спросил прямо:

— Почему английское и американское правительства снабжают Советский Союз некачественными военными материалами?

Свой вопрос он подкрепил конкретными фактами. Речь шла о поставках устаревших американских

самолетов П-40 вместо более совершенных «аэрокобр». Англичане также присыпают самолеты «харрикейн», которые значительно хуже германских. Сталин рассказал о случае, когда американцы собирались поставить Советскому Союзу 150 «аэрокобр», но англичане вмешались и забрали их себе.

Рассказывая эту историю, Сталин внимательно смотрел в лица своих собеседников. Если американский посол Стендли стыдливо стушевался и сразу же заявил, что он не в курсе дела, то английский посол Арчибалд Кларк вел себя более нагло.

— Да, мы забрали эти 150 машин, — сказал он, — и в руках англичан они принесли больше пользы, чем если бы они попали в руки русских.

Сталин никак не прореагировал на эту наглую выходку англичанина. И не потому, что ему нечего было сказать, а потому, что вступать в дискуссию с послом просто не имело никакого смысла. Такие вопросы решаются на другом, более высоком, уровне.

Однако и на высоком уровне переговоры союзниками нередко велись точно так же. В августе 1942 года Сталин отправил письма Черчиллю и Рузвельту о поставках вооружения.

«Я хотел бы, — писал он, — подчеркнуть нашу особую заинтересованность в данное время в получении из США самолетов и других видов вооружения, а также грузовиков в возможно большем количестве. Вместе с тем я надеюсь, что будут приняты все меры для обеспечения быстрой доставки грузов в Советский Союз, особенно Северным морским путем».

В ответ Рузвельт сообщил, что американские «неотложные военные нужды исключают в настоя-

щий момент возможность увеличения количества самолетов «аэрокорб». Что касается других видов поставок, то этот вопрос еще нужно изучить.

В тяжелейшее время для нашей страны, когда немецкие полчища рвались к Волге и Кавказу, английские и американские поставки северным маршрутом (когда Сталин просил увеличения поставок именно этим путем) вообще были прекращены. Свою позицию Черчилль и Рузвельт оправдывали тем, что в период, когда за Полярным кругом светло, потери транспортов значительно возрастают, как правило, ссылаясь на трагический случай с конвоем PQ-17.

История с этим конвоем надела много шума, и тайна ее до сих пор остается нераскрытой. Здесь много вопросов, но нет ответов. Известно, например, что конвой, состоящий из 32 транспортов и двух спасательных судов, вышел из Исландии. Был июнь 1942 года. Однако, несмотря на летнее время, охрана судов была из рук вон плохо организована. И вот здесь происходит что-то непонятное. По ходу следования конвоя в определенных местах были сосредоточены крупные военно-морские силы США и Англии. Однако, когда возникла реальная угроза (стало известно, что немецкий линкор «Тирпиц» вышел на перехват транспортных судов), начальник английского морского штаба адмирал Д. Паунд приказал, не вступая в бой с немецким линкором, отойти, так сказать, в сторонку. Транспорты, оказавшиеся без защиты, стали легкой добычей немецкого линкора. Из 34 судов спаслись и к месту назначения пришли только десять. По поводу этого трагическому случаю Сталин писал Черчиллю: «Приказ английского Адмиралтейства 17-му конвою покинуть транспорты и

вернуться в Англию, а транспортным судам рассыпаться и добираться в одиночку до советских портов без эскорта наши специалисты считают непонятным и необъяснимым».

Опираясь на мнение специалистов, которые не могли объяснить поведение английского адмирала, отдавшего приказ бросить транспортные суда на произвол судьбы, для себя Сталин сделал однозначный вывод: была ловко спланированная провокация против поставок военной техники Советскому Союзу. Причем, чтобы спрятать, в прямом смысле, концы в воду, позволили немцам расстрелять собственные корабли и потопить сотни матросов. Внешне все выглядит правдоподобно, на деле же это не только преступление против советской страны, но и перед собственным народом. Если бы в Советском Союзе нашелся такой адмирал или генерал, как Паунд, отдавший преступный приказ, приведший к подобной трагедии, то его судили бы по законам военного времени и расстреляли, а в Англии он был представлен к награде.

Оружие победы

Сталина трудно было чем-либо удивить. Он хорошо знал жизнь и психологию людей. Но и он всякий раз удивлялся, когда в западных газетах и журналах появлялись статьи о том, что Советский Союз одержал победу благодаря всесторонней помощи Англии и Америки, обеспечивших Красную Армию первоклассной военной техникой. Такую откровенную ложь не часто встретишь в официальной печати. Ему не нужно было наводить справки и уточнять цифры по поставкам вооружений. На протяжении

всей войны он держал на контроле производство всех видов военной техники. Без бумаг помнил все цифры. В общей сложности поставки по «ленд-лизу» не превышали 4—5 процентов от общего количества боевой техники. За все годы войны США поставили на нужды Красной Армии всего 7 тысяч танков и около 14 тысяч самолетов. Как можно было противопоставить эти поставки тому обеспечению, которым снабжала советская промышленность свою армию? За последние три года войны наша страна производила в среднем более 30 тысяч танков, самоходных установок и бронемашин в год. 7 тысяч и 90 тысяч. Разве это сопоставимые цифры?

Что касается авиации — области особенно близкой Сталину, — здесь все победы в воздухе были достигнуты только советской авиацией. Если в 1941 году наша промышленность произвела 15 735 самолетов, то уже в тяжелом 1942 году, в условиях эвакуации авиационных предприятий, было выпущено 25 435 самолетов. Далее все шло по нарастающей. В 1943 году было изготовлено 34 900 самолетов, в 1944-м — 40 300 и за первую половину 1945 года — 20 900. Могут ли 14 тысяч самолетов США, к тому же невысокого качества, идти в какое-либо сравнение с великой громадой советской авиации?

С первых дней войны Сталин не рассчитывал на чью-либо помошь. Он знал, что полагаться можно только на собственные силы. Принцип был такой: помогут американцы и англичане — хорошо; не помогут — справимся сами. Но проблем было много, и они возникали каждый день.

Особенно памятным был один эпизод (хотя подобных случаев происходило много, и не только в авиации), связанный с самолетостроением.

В начале 1942 года в небе появились модернизованные «мессершмитты», которые превосходили советские истребители по скорости. Немцы могли захватить небо, и тогда бы туда пришлось наземным войскам. Выход был один — увеличить мощность двигателя на наших самолетах. К тому времени уже проходил стендовые испытания двигатель М-107. Это была совершенно новая конструкция, требующая доводки, а главное — еще и заводской технической и технологической перестройки. На все работы, разумеется, требовалось время. Моторостроители были решительными сторонниками замены действующего двигателя М-105П на новый М-107. Но они не учитывали, что такая замена приведет к снижению объемов производства истребителей. Этого нельзя было допустить.

Конструктор Александр Яковлев предложил увеличить мощность действующего двигателя М-105П, перенастроив его на форсированный режим. Но тут возникла новая проблема: форсирование может вызвать перенапряжение деталей и резко снизит ресурс работы двигателя. Словом, попадали из огня да в полымя. Тогда Сталин вызвал для консультаций конструктора Климова, который также настаивал на срочной замене двигателя

— Форсированный режим сильно снижает ресурсы двигателя, — убеждал Климов.

— А на сколько снижает? — спросил Сталин после некоторого размышления.

— У серийного двигателя 100-часовой ресурс, — по военному четко доложил Климов, — а у форсированного не более 70 часов.

Сталин предложил изменить регулировки действующего двигателя и поставить его на стендовые испытания.

Конструктор и мотористы возражали, но Сталин настоял на своем.

Двигатель М-105П установили на стенд для проверки срока службы при работе в форсированном режиме. В наркомате, в ВВС и в конструкторских бюро напряженно следили за поведением двигателя на стенде. Когда он отработал 70 часов — именно тот расчетный ресурс, о котором говорили конструкторы и мотористы, — они прислали телеграмму с просьбой разрешить снять мотор со стенда и проверить состояние его частей. Сталин не разрешил и приказал продолжать испытания. Не разрешил он снять двигатель со стенда и тогда, когда он отработал 100 часов в форсированном режиме. На утверждение испытателей, что двигатель уже отработал свой срок службы, установленный техническими условиями, он сказал:

— Мы техническим условиям не присягали, а если они устарели, их нужно обновить.

Двигатель начал разрушаться лишь на 203-м часе. У него оказался более чем двойной запас прочности. Вопрос был решен. Наши летчики без всяких задержек получили существенно улучшенный истребитель. Притом серийный выпуск самолетов не только не сократился, а значительно вырос.

Увеличивая производство самолетов, Сталин думал и о большей эффективности их использования. Разрозненное применение самолетов по всей линии фронта вносило сумятицу в действия авиации, и уже в 1942 году он предложил создать несколько специализированных корпусов, подчиненных главному ко-

мандованию, с тем расчетом, чтобы использовать эти части для массированных ударов против вражеской авиации, для завоевания господства в воздухе на решающих участках фронта. Такая реорганизация воздушных сил полностью оправдала себя. В период наступления наших войск авиация буквально утюжила путь перед наземными войсками.

Есть все основания предполагать, что сталинскую идею концентрированного применения авиации использовали американцы во время войны в Персидском заливе, в Афганистане и в Ираке, когда их авиация буквально переворачивала оборонительные линии противника вверх дном, и только после этого начинали действовать наземные войска.

Серьезное внимание Сталин уделял артиллерии. Достаточно сказать, что именно ему принадлежит крылатая фраза: «Артиллерия — бог войны».

Что касается танков, то они, опять-таки заботами Сталина, по своему качеству превосходили немецкие, не говоря об американских, которые наши танкисты называли «железными гробами».

Словом, что бы там ни говорили и о чем бы ни писали западные фальсификаторы, но Красная Армия была фашистских захватчиков на советской и немецкой земле советским оружием. При взятии Берлина на сравнительно узком участке фронта было сосредоточено 22 тысячи стволов артиллерии и минометов, более трех тысяч танков и тысячи самолетов. Только в первый день по вражеским позициям было произведено 1 миллион 236 тыс. выстрелов. На голову фашистов обрушилось 98 тысяч тонн рвущегося и уничтожающего все на своем пути металла. Берлин пал под ударами все сокрушающего советского оружия.

Да, Берлинская операция продемонстрировала всю силу и ударную мощь советского оружия. Но то был уже апофеоз великой войны. Чтобы понять, как он стал возможен, надо вернуться назад, в предвоенные дни и месяцы.

Это было трудное время в жизни Сталина. Он знал, что войны с фашистской Германией не избежать. Но очень хотелось отодвинуть ее сроки. Нужно было выиграть время, чтобы перевооружить армию. Этой цели была подчинена вся жизнь страны, работа всех отраслей народного хозяйства. Stalin спешил. Лично контролировал производство новой техники. Но и Гитлер, как свидетельствуют документы, изо всех сил подгонял своих генералов. Международная обстановка была крайне сложной. Начальник Главного разведуправления Голиков то и дело приносил Stalinу тревожные донесения зарубежной агентуры. Эти документы будут представлять серьезный интерес для будущих поколений и историков, а пока они хранились в его личном архиве.

Stalin подошел к шкафу и, взяв одну из папок, стал перелистывать донесения, поступившие к нему накануне войны. Вот совещание у Гитлера, состоявшееся 31 июля 1940 года, за год до начала войны. «Англия надеется, — говорил на нем Гитлер, — что ее спасет Россия, и в то же время она не хочет заключать с ней военный союз. Это типичная английская политика — загребать жар чужими руками.

Если Россия будет разгромлена, — продолжал он, — Англия потеряет последнюю надежду. Тогда господствовать в Европе и на Балканах будет Германия.

Вывод: в соответствии с этим Россия должна быть ликвидирована. Срок — весна 1941 года».

В следующем донесении разведка сообщала, что в Берлине считают: если СССР, Англия и Франция заключат между собой договор, то война со стороны Германии против них будет невозможна. Это сообщение Сталин подчеркнул синим карандашом.

В той же папке находилась информация о причинах быстрого разгрома Франции. Разведчики сообщали, что крупные промышленные корпорации были в сговоре с нацистами и в страхе перед возможной социалистической революцией бросили свой народ под сапог Гитлера. «Именно в этом причина так называемой странной войны, которую Франция вела против фашистской Германии».

В папке хранилась и интересная записка фельдмаршала фон Бока, которую он сделал 3 декабря 1940 года. Фельдмаршал тогда был болен, и Гитлер навестил его в госпитале. «Советский Союз, — сказал фюрер, — необходимо стереть с лица земли. Тогда Англия быстрее потеряет свое мировое значение и влияние».

Гитлер рассчитывал, что, если он уничтожит Советский Союз, Англия сама спелым яблоком упадет к его ногам. В этом он был прав. Только вот уничтожить Советский Союз ему не удалось.

Пятого мая 1940 года Гитлер проводит совещание, где выступает с пространной речью. «Опыт прежних военных кампаний, — сказал он, — показывает, что наступление должно начаться в соответствующий благоприятный момент. Выбор благоприятного времени зависит не только от погоды, но и от соотношения сил сторон и их вооружения и т.д. Русские

уступают нам в вооружении в той же мере, что и французы. Русские располагают небольшим количеством артиллерийских батарей. Все остальное — модернизированная старая материальная часть: наш танк Т-III с 50-мм пушкой (весной их будет 1500 шт.), как нам представляется, явно превосходит русский танк. Основная масса русских танков имеют плохую броню. Русский человек — неполноценен».

Это была уже речь явного агрессора, агрессора коварного и расчетливого. Сталин вспомнил, что из 28 видов стратегического сырья накануне Второй мировой войны Германия имела только семь. Все остальное ей поставляли Англия и США, провоцируя Гитлера на вполне определенные действия. В 1940 году фашистская Германия вместе с оккупированными странами, выплавляла почти 32 млн. тонн стали и добывала 439 млн. тонн угля.

Советский Союз, соответственно, 18 млн. тонн и 165 млн. тонн.

Естественно, что это соотношение было известно Гитлеру, и он наглел. В его планах появились разработки по управлению оккупированными областями СССР и уничтожению русских. Прежде всего, намечалось раздробление Советского Союза на мелкие государства по национальному признаку — Украина, Прибалтийские государства, Белоруссия, Закавказье... У их народов нужно воспитать чувство ненависти к России и русским. Русских необходимо уничтожить как биологический вид. Что касается остальных народностей, то они пригодны как рабочая сила на грязных производствах. Их воспроизводство необходимо ограничить для потребностей Германии.

Разведка сообщила, что гитлеровская верхушка уже распределила между собой обязанности по управлению территорией Советского Союза:

«Герман Геринг — экономическое управление восточными территориями после их оккупации;

Альфред Розенберг — административное управление.

Генрих Гиммлер — организация и подготовка аппарата для физического истребления народов СССР;

Мартин Борман (совместно с Адольфом Гитлером) — общее руководство по уничтожению Советского Союза».

Словом, они уже делили шкуру неубитого медведя. Но верхом авантюризма в политике Гитлера было то, что он, параллельно с разработкой плана нападения на Советский Союз, решил, что называется, одуречить Советское правительство. С этой целью он приглашает Молотова в Берлин для ведения переговоров по укреплению дружбы и согласованных действий по разделу и управлению миром. Смысл рассуждения Гитлера сводился к тому, что Англия уже разбита и теперь необходимо позаботиться о ее «бесконтрольном наследстве», разбросанном по всему земному шару. Что касается Германии и Италии, то они уже определили сферу своих интересов. В нее входит Европа и Африка. Японию интересуют районы Восточной Азии, а вот что касается Советского Союза, то он мог бы проявить заинтересованность к югу от своей государственной границы, в направлении Индийского океана. Это открыло бы доступ СССР к незамерзающим портам.

Молотов отказался обсуждать вопросы передела планеты и, действуя строго по инструкции Сталина,

предложил перейти к решению насущных проблем. В частности, сказал Молотов, Советское правительство интересует, что делает германская военная миссия в Румынии и почему она направлена туда без консультации с Советским правительством? Такой вопрос был закономерен. Заключенный в 1939 году Советско-Германский пакт о ненападении предусматривал подобные консультации. Наконец, Советское правительство интересует, с какой целью направлены германские войска в Финляндию, к границам Советского Союза?

В дальнейшем переговоры Молотова и Гитлера напоминали беседу двух глухих. Гитлер продолжал говорить о разделе британского наследства, а Молотов упорствовал в получении ответов на поставленные вопросы. Это были весьма странные переговоры. Однако их цель и направленность были понятны Сталину. Гитлер пытался притупить бдительность Советского правительства, отвлечь его внимание от истинных намерений фашистской Германии, направить по ложному следу.

Но такой маневр ему не удался.

* * *

Были в поведении Гитлера и другие хитрости. Листая папку разведданных накануне войны, Сталин то и дело натыкался на сообщения о нападении на Советский Союз. Указывались месяцы и дни начала войны. В Политбюро и в Генеральном штабе создалась нервозная обстановка. Многие склонялись к необходимости провести мобилизацию и двинуть армию к западным границам. Горячие головы, воспитанные на песне «...и на вражьей земле мы врага

разобъем, малокровным могучим ударом», предла- гали нанести по гитлеровской Германии упреждаю- щий удар. Но Сталин знал: то, что красиво в песне, в жизни может обернуться непоправимой трагедией. Современная война — это война моторов. Необходимо учитывать баланс сил. Германия выплавляет больше металла, добывает больше угля, и у нее больше моторов. Гитлеровская армия хорошо вышколе- на, имеет большой опыт ведения современной вой- ны, и на «ура» ее не победить. Шапкозакидательство отменяется.

Нельзя поддаваться на провокацию. Нужно со- хранять спокойствие. Сталин помнил известный прецедент из истории России, когда царь Николай II в 1914 году, не объявляя войну Германии, только объявил всеобщую мобилизацию, что и послужило поводом для начала войны.

Особенно настораживало тогда Сталина получен- ное в апреле 1941 года секретное послание Черчилля, в котором тот информировал о данных английской разведки, согласно которым Гитлер в приватной бе- седе с югославским принцем назвал конкретную дату нападения на СССР — 30 июня 1941 года.

Сразу возникли вопросы: что стоит за этим сооб- щением? С какой целью Гитлер разглашает такие тайны? Неужели он не понимал, что разговор обяза- тельно станет известен английской разведке, кото- рая, как мошкова, вилась вокруг югославского при- нца. А там недалеко и до советских разведчиков. Все так и случилось. Если Гитлер не дурак — а таким его считать нельзя, — то он сознательно информирует Советский Союз о своих планах. Тогда возникает вопрос: с какой целью? Провокация? Гитлер ждет, чтобы мы дали ему повод для нападения?

Не дождется. Много непонятного и в сообщениях советского военно-морского атташе в Германии Воронцова. Он с легкостью необыкновенной от болтливого немецкого офицера узнал о дате нападения на Советский Союз. Причем, день нападения несколько раз менялся, и Воронцов своевременно получал сведения обо всех изменениях.

Наконец, более чем странное предупреждение о нападении на Советский Союз делает немецкий посол Шулленберг советскому послу в Германии Деканозову. Что скрывалось за всеми этими сведениями и откровенными признаниями Гитлера и его высокопоставленного чиновника, Сталин тогда не мог понять, но он был уверен: Советский Союз втягивают в войну. В правительстве и в среде военных создавалась предельно нервозная обстановка. Жуков и Тимошенко разработали план упреждающего удара по Германии и показали Сталину.

— Вы с ума сошли! — сказал он. — Хотите спровоцировать войну?

— Вы сами говорили, что война неизбежна, — возразил Жуков, — вот мы и...

— Я это говорил, — перебил Сталин, — и продолжаю утверждать, что война будет, но сейчас нам нужно выиграть время, чтобы перевооружить армию. Нам нужен год-два, и тогда мы будем воевать с Гитлером на равных. Сейчас он сильнее нас.

Что могло бы произойти, если бы он тогда последовал советам Жукова и Тимошенко? Повторилась бы история Первой мировой войны, когда плохо вооруженная российская армия по приказу Николая II перешла в наступление, а немцы окружили ее в Восточной Пруссии и разгромили. Такое не должно повториться.

Бессонными ночами Сталин много думал о сложившейся обстановке в мире. Гитлер подмял под себя всю Европу. Но он находится в состоянии войны с Англией. В этих условиях напасть на Советский Союз — чистое безумие. Тогда ему придется воевать на два фронта. Нужно быть законченным авантюристом, чтобы решиться на такой шаг. В зарубежной печати много говорится о том, что Гитлер проявляет интерес к операции «Морской лев», собираясь таким образом задушить Англию. Это похоже на правду. Если такое случится, тогда он действительно нападет на Советский Союз. Следовательно, у нас есть еще время, чтобы подготовиться к войне. В том же убеждал Сталина и начальник разведывательного управления генерал Голиков. На вопрос Сталина, что он думает о нападении фашистской Германии на СССР, он дал письменное объяснение.

«На основании всех приведенных выше высказываний и возможных вариантов действий весной этого года, — говорилось в нем, — считаю, что наиболее возможным началом действий против СССР будет являться момент после победы над Англией или после заключения с ней почетного для Германии мира. Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, может быть, германской разведки».

Собственно, в том, что писал тогда Голиков, для Сталина не было ничего нового. В то время он точно так же думал и сам. В то же время вызывало тревогу то обстоятельство, что немецкие войска перебрасываются к границам Советского Союза, в Польшу, Финляндию и Румынию. Тут же поступает сообщение,

что переброска немецких армий к границам Советского Союза осуществляется с целью отвлечь внимание Англии от готовящейся операции «Морской лев».

Словом, мир был наполнен слухами, а разведданные — противоречивыми сообщениями. Кое-что прояснилось, когда стало известно о полете третьего лица в гитлеровском окружении Рудольфа Гесса в Шотландию. Правда, и вокруг этой истории было много наносного. Гитлер объявил Гесса умалишенным, а Англия загадочно помалкивала, делая вид, что ничего серьезного не происходит. Но Сталин догадывался, что прилетал Гесс в Англию неспроста. Гитлер пытался заключить мир с Англией, чтобы развязать себе руки на западе и начать поход на Советский Союз. О ходе тех переговоров узнать ничего не удалось, но, зная провокационную политику Англии, можно было предположить, что они нашли общий язык с Германией. Эта догадка подтвердилась всеми последующими событиями. На протяжении всей войны Черчилль вел себя, мягко говоря, недоброжелательно по отношению к Советскому Союзу и не торопился с открытием второго фронта.

Разгаданная хитрость Черчилля

Сталин вспомнил свою первую встречу с министром иностранных дел Англии Иденом летом 1942 года.

Это было время, когда хваленые и «непобедимые» немецкие войска потерпели крах под стенами советской столицы. Тогда Иден пожелал побывать на фронте, чтобы своими глазами увидеть поле сражения. Такую возможность ему предоставили. Он побывал в районе Клина, проехал по местам, откуда

гитлеровцы были выбиты в начале декабря. То, что он увидел, его потрясло. Вернувшись в Москву, Иден с восхищением говорил о блестящей победе Красной Армии, но Сталин уловил в его тоне неискренность. Создавалось впечатление, что английский министр говорил одно, а думал другое. Позже, в своих мемуарах и дневниковых записях, Иден признавался, что, побывав на фронте и увидев блестательную победу Красной Армии, он испытал не столько удовлетворение, сколько тревогу за последствия для «британских интересов» от неминуемого поражения гитлеровской Германии. Описывая поездку на подмосковный фронт, Иден рассказывает, как его поразили груды боевой техники, брошенной поспешным бегством гитлеровцев. Описывает он и свою встречу с пленными немецкими солдатами. Иден выражает им свое сочувствие и не говорит ни слова в осуждение, словно не замечая того, что они пришли с оружием в руках на чужую землю.

Такой подход к оценке событий на советско-германском фронте был характерен не только для Идена, но и для Черчилля, возглавляющего английское правительство. Его первый приезд в Советскую Россию был связан с проблемами открытия второго фронта в Западной Европе. Здесь позиции союзников были диаметрально противоположны. Если Сталин считал, что открытие второго фронта сорвет замыслы гитлеровского командования, подорвет моральный дух противника и облегчит тяжелое бремя Красной Армии, в одиночку удерживающей бешеный натиск фашистских полчищ, то Черчилль придерживался другой точки зрения. Он был заинтересован в обескровливании Советского Союза. Его де-

виз: «Пусть русские и немцы больше убивают друг друга, а когда они ослабнут, мы скажем свое слово». Он очень похож на американские рассуждения о «запасных игроκах».

Отсюда всяческие затяжки и проволочки с открытием второго фронта. Даже тогда, когда английское и американское правительства подписали соглашение, в котором говорилось о создании второго фронта в Европе в 1942 году, Черчилль решил во что бы то ни стало сорвать назначенные сроки. С этой миссией в сопровождении личного представителя президента США Гарримана он и отправился в Москву. Не случайно во время первой встречи Черчилль, поздравляя Сталина с разгромом немецких войск под Москвой, отводил свой взгляд в сторону. Иосиф Виссарионович был сдержан. Он сообщил, что положение на советско-германском фронте несколько стабилизировалось, но остается тяжелым. Немцы большими силами наступают по направлению к Баку и Сталинграду. Тут же он высказал предположение, что Гитлер, очевидно, перебросил все силы с запада на восток. Черчилль догадался: таким образом Сталин дает ему понять, что для открытия второго фронта практически нет препятствий. И тут же высказал свое мнение по этому вопросу. Начал издалека. Сделав вид, что не понял намека, заговорил о большой концентрации немецких войск на западе, из-за чего операция союзников в Нормандии связана с большим риском, поэтому лучше всего ее осуществить в следующем году.

Сталин категорически возразил против такого плана. Он опроверг утверждение Черчилля о численности германских войск, находившихся в Запад-

ной Европе. Черчилль тогда был немало удивлен информированностью Сталина, который знал не только, сколько немецких дивизий находится на Западе, но и как они укомплектованы и вооружены.

— На мой взгляд, — сказал Сталин, — нынешний год — самое благоприятное время для открытия второго фронта.

Черчилль возразил и снова перевел разговор о трудностях переброски войск через Ла-Манш.

Сталин опроверг и это утверждение. Последовала острая дискуссия, в ходе которой Иосиф Виссарионович подчеркивал, что никак не может согласиться с доводами Черчилля об отсрочке открытия второго фронта. Он медленно прошелся по кабинету, потом подошел к столу, придвинул к себе коробку с надписью «Герцеговина флор» и предложил Черчиллю папиросу. Но тот отказался и достал сигару.

— Привык к своим, — сказал он.

Закурили, думая каждый о своем. Сталин тогда вспомнил, как сразу же после Октябрьской революции Черчилль, будучи членом британского кабинета, организовал поход 14 государств против молодой Советской республики. Антибольшевистский поход провалился, но Черчилль с тех пор не изменился. Все последующие годы он вел провокационную политику против СССР. Он по-прежнему ненавидел Советский Союз. То, что он прилетел в Москву — не жест доброй воли, а свидетельство того, что он боится Гитлера больше, чем коммунистов. Но и тут он хитрит, юлит и изворачивается.

А Черчилль в то время думал — не мог не думать — о превратностях судьбы. Даже в страшном сне ему не снилось, что он будет сидеть с большеви-

ками за одним столом и вести разговоры об оказании им помощи. Тешило одно: это ненадолго. В политике все возможно. Надо идти на союз со своим врагом против общего врага. А когда закончится война, тогда можно будет добить и сегодняшнего союзника. Надо только вести дело таким образом, чтобы сохранить свои силы. Действовать по обстоятельствам, а со вторым фронтом не спешить. Не стоит рисковать.

Из задумчивости Черчилля вывел Сталин.

— Что касается риска, — сказал Иосиф Виссарионович. Черчилль от неожиданности вздрогнул и посмотрел по сторонам. Вдруг ему почудилось, что он подумал вслух или Сталин каким-то образом проник в его сокровенные мысли, — то по моему мнению, человек, который боится рисковать, всегда находится в проигрыше.

Сталин вновь вернулся к разговору об открытии второго фронта в Европе, а Черчилль стал излагать план операции «Факел» — вторжение в Северную Африку, которое предполагают осуществить союзники в октябре 1942 года. Тут же включился в разговор и Гарриман. Он заявил, что президент Рузвельт, насколько это ему известно, также поддерживает операцию «Факел».

Сталин понял, что без него, за его спиной Англия и США сговорились тянуть время с открытием второго фронта, а Черчилль прилетел в Москву только за тем, чтобы поставить его в известность о принятом решении и добиться одобрения операции «Факел». Изменить он уже ничего не может, а свое несогласие с такой постановкой вопроса он высказал. Видимо, их еще интересует, как он поведет себя в этой ситуации. Сталин с минуту помолчал. Достал еще одну папиросу и закурил.

— Ну что ж, — сказал он, — я понимаю, не в моих силах заставить союзников выполнять ранее принятые на себя обязательства.

Уже после отъезда английской делегации из Москвы Сталин проанализировал предложенную Черчиллем операцию «Факел». Она оказалась с подводными камнями, которые было трудно увидеть при поверхностном взгляде. Вслух говорилось, что вся операция задумана с целью отвлечения с советско-германского фронта немецких войск. А на самом деле Черчилль уже в ту пору строил план высадки англо-американских войск на Балканах, чтобы вступить в страны Юго-Восточной Европы раньше прихода туда Красной Армии, сформировать там подконтрольные Великобритании правительства и воздвигнуть так называемый «санитарный кордон» против проникновения большевизма в Европу. Собственно, это была попытка повторить вариант, который был осуществлен странами Антанты после Первой мировой войны.

Сталину не составило большого труда разобраться в замыслах Черчилля, которого волновали не столько союзнические обязательства и победа над общим врагом, сколько боязнь всевозрастающего влияния Советского Союза на другие страны. Позже догадку Сталина подтвердил сам Черчилль. В своей записке, адресованной министерству иностранных дел Англии, копия которой попала в личный архив Сталина, он писал: «Вопрос стоит так: готовы ли мы примириться с коммунизацией Балкан и, возможно, Италии?.. Наш вывод должен состоять в том, что нам следует сопротивляться коммунистическому проникновению и вторжению».

И Черчилль сопротивлялся изворотливо и коварно. Его усилиями было сорвано открытие второго фронта не только в 1942-м, но и в 1943 году, оставив Советский Союз в одиночестве сражаться против общего врага.

Союзники или противники

Обострение союзнических отношений началось после разгрома фашистских войск в Сталинграде. Черчилль и Рузвельт поздравили Сталина с блестящей победой и, посоветовавшись между собой, решили повременить с открытием второго фронта в Западной Европе. Сталин расценил это как предательство. Он вспомнил о высказываниях отдельных политических деятелей Запада, которые мечтали по возможности обескровить главных участников вооруженного конфликта — Советский Союз и Германию, — с тем расчетом, чтобы в подходящий момент продиктовать им свои условия. Данную программу и выполняли Черчилль и Рузвельт.

В личном архиве Сталина хранились копии писем, которые он отправил тогда своим вероломным союзникам. Вот письмо Рузвельту от 11 июня 1943 года.

«Ваше послание, в котором Вы сообщаете о принятии Вами и Черчиллем некоторых решений по вопросам стратегии, получил 4 июня. Благодарю за сообщение. Как видно из Вашего сообщения, эти решения находятся в противоречии с теми решениями, которые были приняты Вами и г. Черчиллем в начале этого года, о сроках открытия второго фронта в Западной Европе.

Вы, конечно, понимаете, что в Вашем совместном с г. Черчиллем послании от 26 января сего года

сообщалось о принятом тогда решении отвлечь значительные германские сухопутные и военно-воздушные силы с русского фронта и заставить Германию встать на колени в 1943 году.

После этого г. Черчилль от своего и Вашего имени сообщил 12 февраля уточненные сроки англо-американской операции в Тунисе и Средиземном море, а также на западном побережье Европы. В этом сообщении говорилось, что Великобританией и Соединенными Штатами энергично ведутся приготовления к операции форсирования Канала в августе 1943 года и что если этому помешает погода или другие причины, то эта операция будет подготовлена с участием более крупных сил на сентябрь 1943 года.

Теперь, в мае 1943 года, Вами вместе с г. Черчиллем принимается решение, откладываемое англо-американское вторжение в Западную Европу на весну 1944 года. То есть открытие второго фронта в Западной Европе, уже отложенное с 1942 года на 1943 год, вновь откладывается, на этот раз на весну 1944 года.

Это Ваше решение создает исключительные трудности для Советского Союза, уже два года ведущего войну с главными силами Германии и ее союзниками с крайним напряжением всех своих сил, и представляет Красную Армию, сражавшуюся не только за свою страну, но и за своих союзников, своим собственным силам, почти в единоборстве с еще очень сильным и опасным врагом.

Нужно ли говорить о том, какое тяжелое и отрицательное впечатление в Советском Союзе — в народе и в армии — произведет это новое откладывание второго фронта и оставления нашей армии, принес-

шей столько жертв, без ожидавшейся серьезной поддержки со стороны англо-американских армий.

Что касается Советского правительства, то оно не находит возможным присоединиться к такому решению, принятому к тому же без его участия и без попытки совместно обсудить этот важнейший вопрос и могущему иметь тяжелые последствия для дальнего хода войны».

Столь откровенное вероломство союзников поражало Сталина. Он знал, что Черчилль и Рузвельт были в сговоре, что они не желали добра Советскому Союзу, но он не думал, что они будут действовать настолько открыто, без зазрения совести. Они не просто из года в год переносили начало военных действий в Западной Европе, но, казалось, упивались и развлекались в создавшейся ситуации своим выгодным положением. Зная, что советский народ и его Красная Армия, защищая себя, защищают и их, они не только не спешили на помощь, а, спрятавшись за их спины, выжидали, выгадывали и подсчитывали, какую можно извлечь выгоду для себя. Это была позиция не союзников-друзей, а позиция предателей. Не раз и не два Сталину хотелось высказать все, что он думает об их действиях, прямо в лицо Черчиллю и Рузвельту, но всякий раз он сдерживал себя, понимая, что такой разрыв будет на руку фашистской Германии. Лучше дипломатическим путем решать свои разногласия. С паршивой овцы, как говорится в мудрой пословице, хоть шерсти клок.

Однако его отношение к «союзникам» все же прорывалось в письмах к ним. В послании Черчиллю от 24 июня 1943 года он ловит его на противоречиях и непоследовательности в действиях. В одном

из писем Черчилль сообщает об энергичной подготовке к открытию в 1943 году второго фронта, а спустя несколько месяцев, ссылаясь на трудности форсирования Канала, заявляет, что вторжения англо-американских войск в Западную Европу не будет. Сталин в ответ показывает, что он понимает истинную цену подобных оправданий и оговорок.

«В феврале, — пишет он в своем послании, — когда Вы писали об этих Ваших планах и сроках вторжения в Западную Европу, трудности этой операции были более значительными, чем теперь. С тех пор немцы потерпели не одно поражение: они были отброшены на юге нашими войсками и потерпели здесь немалый урон; они были разбиты и изгнаны из Северной Африки англо-американскими войсками... Таким образом, условия для открытия второго фронта в Западной Европе на протяжении 1943 года не только не ухудшились, а, напротив, значительно улучшились.

После всего этого Советское Правительство не могло не предполагать, что Британское и Американское Правительства изменят принятное в начале этого года решение о вторжении в Западную Европу в этом году. Напротив, Советское Правительство имело все основания считать, что англо-американское решение будет реализовано, что должная подготовка ведется и второй фронт в Западной Европе будет, наконец, открыт в 1943 году».

Сталин пишет, что Советское правительство не может примириться с подобным игнорированием коренных интересов Советского Союза в войне против общего врага.

И далее: «Вы пишете мне, — говорится в этом же послании, — что Вы полностью понимаете мое разочарование. Должен Вам заявить, что дело идет здесь не просто о разочаровании Советского Правительства, а о сохранении его доверия к союзникам, подвергаемого тяжелым испытаниям. Нельзя забывать того, что речь идет о сохранении миллионов жизней в оккупированных районах Западной Европы и России и о сокращении колоссальных жертв Советской Армии, в сравнении с которыми жертвы англо-американских войск составляют небольшую величину».

К тому времени Сталин уже знал о закулисных переговорах английских и немецких политиков с целью заключения мирного договора. В «Правде» появляются сообщения собственного корреспондента из Каира. В них говорится, что, по сведениям из заслуживающих доверия источников, состоялась секретная встреча гитлеровского министра иностранных дел Риббентропа с английскими руководящими лицами с целью выяснения условий сепаратного мира с Германией.

Факты нельзя отрицать, но можно интерпретировать в свою пользу. Черчилль направляет Сталину опровержение. «Мы не думали, — пишет он в своем послании, — о заключении сепаратного мира даже в тот год, когда мы были совсем одни и могли бы легко заключить такой мир без серьезных потерь для Британской Империи и в значительной степени за Ваш счет. Зачем бы нам думать об этом сейчас, когда дела у нас троих идут вперед к победе? Если что-либо имело место или что-либо было напечатано в английских газетах, что раздражает Вас, то почему Вы не можете направить мне телеграмму или пору-

чить Вашему послу зайти и повидать нас по этому вопросу».

Реакция Иосифа Виссарионовича на опровержение была мгновенной и резкой. «...Я не могу согласиться с Вами, — писал Сталин в ответном послании, — что Англия в свое время могла бы легко заключить сепаратный мир с Германией, в значительной мере за счет СССР, без серьезных потерь для Британской Империи. Мне думается, что это сказано сгоряча, так как я помню о Ваших заявлениях и другого характера. Я помню, например, как в трудное для Англии время, до включения Советского Союза в войну с Германией, Вы допускали возможность того, что Британскому Правительству придется перебраться в Канаду и из-за океана вести борьбу против Германии. С другой стороны, Вы признавали, что именно Советский Союз, развернув свою борьбу с Гитлером, устранил опасность, безусловно угрожавшую Великобритании со стороны Германии. Если же все-таки допустить, что Англия могла бы обойтись без СССР, то ведь и не в меньшей мере можно сказать и про Советский Союз. Мне не хотелось бы обо всем этом говорить, но я вынужден сказать об этом и напомнить о фактах».

Дипломатические «уловки»

Во время обострения дипломатических отношений с союзниками началась подготовка к совещанию министров иностранных дел трех держав – СССР, Америки и Англии, которое состоялось в Москве с 19 по 30 октября 1943 года. Здесь надо сказать, что это была первая встреча в таком составе. До того встречи происходили попарно. Встречались В.М. Мо-

лотов и английский министр иностранных дел Антони Иден, В.М. Молотов и Карделл Хэлл, Иден и Хэлл. Но все вместе они встретились впервые. На московском совещании обсуждались вопросы сокращения сроков войны, проблемы послевоенного отношения стран-победителей к разгромленной Германии, уточнялись сроки открытия второго фронта в Западной Европе, проблемы польского эмигрантского правительства, находящегося в Англии, вопросы, связанные с положением в Италии, судьбой Австрии и подготовкой встречи на высшем уровне.

Докладывая Сталину о ходе переговоров, Молотов неизменно подчеркивал, что делегации Англии и США выступают единым фронтом.

— Впечатление такое, — говорил Вячеслав Михайлович, — что у них все уже согласовано и решено. Если и возникают какие-то разногласия, то это только для видимости.

— А что ты сам думаешь по этому поводу? — спросил Stalin.

— Они в сговоре, — сказал Вячеслав Михайлович. — Союзники договариваются за нашей спиной.

Молотов вслух сказал то, в чем Stalin был убежден и уже давно обдумывал. Он понимал, что при таких взаимоотношениях союзников на любых подобных совещаниях, встречах и конференциях советская делегация обречена оставаться в меньшинстве. У англичан и американцев всегда найдется повод обвинить Советский Союз в несговорчивости и навязывании своего мнения «большинству». Один против двух — соотношение не в нашу пользу. Впрочем, Советский Союз с самого начала существовал в оди-

ночестве в капиталистическом окружении. Однако такое положение нужно менять. Оно, как предвидел Сталин, изменится в результате разгрома гитлеровской Германии. Но это будет не скоро — пройдет год, два, а то и больше. Что-то нужно делать уже сегодня. Но что? Анализируя основу, на которой строилась дружба Черчилля и Рузвельта, Сталин видел, что у них много общего. Их объединяет, прежде всего, крайняя неприязнь к СССР. А что их могло бы разъединить или, по крайней мере, отдалить друг от друга? Сталин вспомнил, как накануне войны ему удалось вбить клин между Германией и Японией. Тогда Сталин использовал промашку Гитлера, заключившего с Советским Союзом так называемый пакт о неизменности без предварительного согласования со своим главным союзником — Японией. Трудно сказать, чем руководствовался фюрер, принимая такое решение, но оно вызвало настороженность и недовольство со стороны японского правительства. Иосиф Виссарионович тут же воспользовался этим обстоятельством. Он посоветовал Молотову чаще общаться с министром иностранных дел Японии Иосуке Мацуока и пригласить его в Советский Союз с визитом. Вскоре такая встреча состоялась. В Москве с Мацуока вели «доверительно откровенные» беседы, были неофициальные встречи за обедами и ужинами. Принимали и угождали японского министра по высшему разряду. А на завершающем этапе визита японского министра Сталин сделал неординарный ход, изумивший весь мир. Обычно он никогда никого не встречал и не провожал, а на проводы Мацуока Иосиф Виссарионович приехал на вокзал лично. Немцы были потрясены. Отправление поезда за-

держали на час. Ошалевшего от счастья и спиртного Мацуоку чуть ли не на руках внесли в вагон. Гитлер был в бешенстве. Он стал подозревать Японию в сговоре с Советским Союзом.

Эти проводы практически вбили клин в германо-японские отношения. В результате Япония не объявила нам войну в тот критический момент, когда фашистские войска подошли к Москве.

* * *

Однако Сталин понимал, что тот прием, благодаря которому ему удалось охладить отношения между Германией и Японией, совершенно не годится в нынешней ситуации. Здесь нужен другой подход. Идея пришла неожиданно.

После окончания работы Московской конференции трех министров иностранных дел Сталин решил дать обед в их честь. Вечером 30 октября в Екатерининском зале Кремля собрались участники конференции и приглашенные. Просторный зал был заставлен столами, сервированными серебром, фарфором, украшен красными гвоздиками. По указанию Сталина делалось все возможное и невозможное, чтобы удовлетворить самые изысканные вкусы.

Самый большой стол тянулся вдоль стены, обтянутой зеленоватыми муаровыми обоями. В центре сидел Сталин, справа от него — Карделл Хэлл, слева — посол США в Москве Аверелл Гарриман. Справа от Хэлла — переводчик Валентин Бережков. Напротив Сталина в таком же порядке по обе стороны от Молотова расположились английский министр иностранных дел Антони Иден, посол Великобритании в Москве Арчибалд Кларк Керр и переводчик Павлов.

Дальше места занимали члены Политбюро и руководители английской и американской внешнеполитических миссий. За другими столами расположились, вперемежку с советскими министрами, маршалами и генералами, члены делегаций США и Англии на Московской конференции. Первый тост произнес Сталин. Он поздравил участников конференции с успешным завершением работы и выразил уверенность, что принятые решения будут способствовать сокращению сроков войны против гитлеровской Германии и укреплению дружбы между союзниками.

— Отныне, — сказал Иосиф Виссарионович, — сотрудничество трех великих держав будет еще более тесным, а атмосфера доверия будет сопутствовать дальнейшим совместным шагам антигитлеровской коалиции во имя победы над общим врагом. Что касается Советского Союза, то я могу заверить, что он честно выполняет свои обязательства. За нашу победу!

Иосиф Виссарионович высоко поднял рюмку, окинув всех взглядом, чокнулся с Хэллом, приветливо кивнул Идену. Все встали, присоединяясь к произнесенному тосту.

Вслед за Сталиным попросил слово Карделл Хэлл. Затем выступил Антони Иден, Молотов, послы Гарриман и Керр, руководители английской и американской миссий.

В одном из перерывов между тостами Сталин наклонился за спиной Хэлла в сторону переводчика.

— Слушайте меня внимательно, — сказал он, — и дословно переводите Хэллу следующее: Советское правительство рассмотрело вопрос о положении на Дальнем Востоке и приняло решение сразу же после окончания войны в Европе, когда союзники нанесут

поражение фашистской Германии, выступить против Японии. Пусть Хэлл это передаст президенту Рузвельту как нашу официальную позицию. Но пока мы хотим держать ее в секрете. И вы сами говорите потише, чтобы никто не слышал.

Пока шел перевод, Сталин внимательно следил за выражением лица Хэлла. Он видел, что госсекретарь взволнован. Видимо, такого шага в США ожидали, но не слишком на него надеялись. Рузвельт боялся, что после разгрома фашистской Германии и выхода Советского Союза из войны у него появятся серьезные проблемы в войне с Японией, которые он не в силах будет решить в одиночку.

* * *

Предложение Иосифа Виссарионовича, которое он подбросил государственному секретарю США Хэллу 30 октября 1943 года, сработало. Сталин не поссорил союзников, как это было в случае с гитлеровской Германией и Японией, а просто дал понять Рузвельту, что у Советского Союза и Америки могут быть особые интересы, которые отличаются от интересов Англии. С того момента Рузвельт меняет свое отношение к СССР и к Сталину. Если раньше, когда, по предложению Сталина, речь шла о месте встречи на высшем уровне в Тегеране, он не давал своего согласия, под разными предлогами настаивая на других пунктах, то после полученной от Сталина информации о том, что Советский Союз после окончания войны в Европе выступит против Японии, он уже не возражал против Тегерана.

Здесь и состоялась их первая встреча.

Рузвельт разместился в здании Советского посольства. Для Черчилля это было полной неожиданностью. Ведь он предлагал президенту США поселиться в посольстве Англии, но Рузвельт отказался, сославшись на то, что он будет лучше себя чувствовать на собственной территории. И вот теперь...

— Это победа дядюшки Джо (так Черчилль называл Сталина), — с досадой повторял он. — Ох, неспроста он его у себя поселил, что-то тут не так.

Однако как раз здесь и не было ничего загадочного. Рузвельт поселился в Советском посольстве из соображений безопасности. Дело в том, что американская миссия в Тегеране находилась на окраине города, что создавало неудобную и опасную обстановку для ведения переговоров. Участникам встречи приходилось бы по несколько раз в день ездить друг к другу по узким улицам Тегерана, который (как было известно советской разведке) буквально кишел немецкими шпионами, получившими приказ Гитлера (о чем также знала советская разведка) похитить или уничтожить участников Тегеранской встречи. Предлагая Рузвельту поселиться в Советском посольстве, Сталин сказал ему о готовящемся покушении, что и стало убедительным аргументом в пользу размещения американского президента в посольстве СССР.

Как бы там ни было, но Черчилль почувствовал, что при складывающихся обстоятельствах он теряет возможность в неофициальных встречах как-то влиять на американского президента.

Что касается Рузвельта, которого паралич обеих ног сильно ограничивал в свободе передвижения, то он был только рад сокращению утомительных передездов, хлопот с погрузками и выгрузками. Большим удобством было и то, что его комнаты примыкали к большому залу, где проходили пленарные заседания конференции.

Сталин же не без основания считал, что у него появилась хорошая возможность ближе узнать Рузвельта и как политика, и как человека, и как президента.

* * *

Их первая встреча состоялась за несколько часов до пленарного заседания. Stalin пришел немного раньше установленного времени. Он неспешными шагами ходил по кабинету, обдумывая предстоящую беседу. Вошел переводчик. Stalin определил ему место за столом

— Здесь, — сказал Иосиф Виссарионович, указав на диван, — сяду я, Рузвельта привезут в коляске, пусть он расположится слева от кресла, где вы будете хорошо его видеть.

Stalin распределил места таким образом, чтобы он лучше мог видеть лицо президента и его реакцию на обсуждаемые вопросы. Потом он подошел к столику, положил коробку с папиросами, закурил и, прохаживаясь по кабинету, опять погрузился в размышления. Он не рассчитывал на полное взаимопонимание с Рузвельтом. Stalin понимал: если даже они и придут к какому-либо согласию, то нет гарантии, что, вернувшись домой, Рузвельт не изменит своего мнения. В конце концов, на него сильное вли-

яние оказывает его окружение, которое не испытывает никаких симпатий к коммунистам. Тем не менее нельзя сбрасывать со счетов и влияние президента на свое окружение.

Сталин продолжал ходить по кабинету, когда открылась дверь и слуга-филиппинец вкатил коляску, в которой, опираясь на подлокотники, сидел улыбающийся Рузвельт.

— Хэлло, маршал Сталин, — бодро произнес он, протягивая руку. — Я, кажется, немного опоздал, прошу прощения.

Сталин пожал холодную и сухую руку президента.

— Нет, вы как раз вовремя, — сказал он, — это я пришел раньше. Мой долг хозяина к этому обязывает, все-таки вы у меня в гостях, можно сказать, на советской территории.

— Я протестую, — рассмеялся Рузвельт. — Мы ведь твердо условились встретиться на нейтральной территории. К тому же тут моя резиденция. Это вы мой гость.

Открытая непринужденная улыбка, голос и сам вид президента вызывали у Сталина смешанное чувство симпатии и жалости к человеку, которого судьба подняла так высоко, поставив во главе одного из сильнейших государств мира, и одновременно лишила его возможности свободно передвигаться и многих радостей жизни. Это чувство не покидало Сталина на протяжении всех тегеранских встреч. Он сразу понял, что с человеком, познавшим в своей жизни великий триумф и претерпевшим большие страдания, найти общий язык будет несложно.

Они обменялись еще несколькими, малозначимыми фразами и перешли к делу.

— У вас есть предложения по поводу повестки нашей сегодняшней беседы? — спросил Сталин.

— Не думаю, что нам сейчас следует четко очерчивать круг вопросов, которые мы могли бы обсудить. Просто можно было бы ограничиться общим обменом мнений относительно нынешней обстановки и перспектив на будущее. Мне было бы также интересно получить от вас информацию о положении дел на вашем фронте.

Сталин согласился с предложением Рузвельта и рассказал о событиях, происходящих на советско-германском фронте. Затем речь зашла о будущем Франции и колониальной политике Черчилля, который чрезвычайно боится потери Индии и развала английской империи. По этим вопросам больше говорил президент, а реакция Сталина была осторожной. Он только заявил, что замечания президента очень интересны.

Осторожное отношение Сталина к высказываниям президента нельзя назвать случайным. Он знал, что всегда существует разрыв между словом и делом. Наконец, он не был уверен, что высказанные слова не станут скоро известны Черчиллю, и это не повлечет за собой обострение отношений.

Операция «Оверлорд»

Первое пленарное заседание глав правительств трех держав открылось в 16 часов. Председательствовал, по общему согласию, Рузвельт. Он же первый выступил с поздравлением участников конференции, объединенных одной целью: как можно скорее выиграть войну.

Затем выступил Черчилль. Чеканя каждую фразу, он заявил:

— В наших руках решение вопросов о сокращении сроков войны, о завоевании победы, о будущей судьбе человечества.

Сталин, приветствуя участников конференции, выразил надежду на ее успех, пожелав «использовать ту силу и ту власть, которую нам вручили наши народы».

Важнейшим вопросом тегеранской конференции был вопрос об открытии второго фронта в Западной Европе. Сталин знал, с какими проблемами ему придется столкнуться. Здесь в обязательном порядке будут всевозможные проволочки и увертки. Так было в 1941, 1942 и в 1943 годах. Не будут союзники торопиться с открытием второго фронта и в 1944 году. К такому выводу Сталин пришел после знакомства с резолюцией, которая была принята на конференции политических руководителей (без участия делегации СССР) США и Англии. В этом документе говорилось, что операция «Оверлорд» (так называлось открытие второго фронта) с учетом форсирования Ла-Манша осуществляется при условии:

- Если ветер будет не слишком сильный.
- Если прилив будет как раз такой, как нужно.
- Если луна будет именно в той фазе, как требуется.
- Если предсказание погоды на то время, когда луна и прилив будут подходящие, тоже окажется подходящим.
- Если всех этих условий не будет, вторжение автоматически откладывается на месяц — когда луна снова должна оказаться в нужной фазе...

— Если у немцев к тому времени окажется в Северо-Западной Европе не более 12 подвижных дивизий резерва.

— При условии, что немцы не смогут перебросить с русского фронта 15 дивизий.

Стоило ветру подуть с большей силой или погоде не совпасть с фазой луны, как операция «Оверлорд» отменялась.

Всякому здравомыслящему человеку было ясно, что совпадение всех этих условий, от которых должно было зависеть открытие второго фронта, ни практически, ни даже теоретически немыслимо.

Сталин предполагал, что те же условия английская и американская делегации выдвинут и на Тегеранской конференции. Однако он ошибся. После его выступления, где он поднял вопрос об открытии второго фронта, выступил Рузвельт. Он сказал, что союзники готовят операцию через Ла-Манш, но из-за недостатка тоннажа не смогли еще определить сроки этой операции.

— С одной стороны, — продолжал президент, — нам бы не хотелось откладывать дату вторжения через Ла-Манш дальше мая или июня, а с другой — англо-американские войска могли бы быть использованы в Италии, в районе Адриатического моря, в районе Эгейского моря, наконец, для помощи Турции, если она вступит в войну. Это мы должны здесь решить. Мы очень бы хотели помочь Советскому Союзу и оттянуть часть германских войск с советского фронта.

Из выступления Рузвельта Сталин понял, что у союзников появилась идея открыть второй фронт не в северной части Франции, а в Италии. И он ждал

подтверждения своей догадки от Черчилля. Однако тот отказался от выступления и сказал, что он сделает свое заявление после выступления Сталина.

Сталин отклонил попытку подменить открытие второго фронта в Западной Европе операциями в Средиземном море.

— Что касается того, чтобы из Италии предпринимать наступление непосредственно на Германию, то мы, русские, считаем, что для таких целей итальянский театр не годится...

Пока шел перевод выступления Сталина на английский язык, Иосиф Виссарионович вынул из кармана кителя трубку, раскрыл коробку «Герцеговины флор», взял несколько папирос, разломил их, высыпал табак в трубку, закурил, прищурился, оглядывая всех присутствующих. Когда его взгляд встретился с Рузвельтом, тот улыбнулся и лукаво подмигнул, давая понять, что он согласен с его высказыванием. Что касается Сталина, то он, догадываясь, о чем будет говорить Черчилль, парировал невысказанную им речь.

— Мы, русские, — заканчивая свое выступление, сказал Сталин, — считали и считаем, что наибольший результат дал бы удар по врагу в северной или северо-западной части Франции.

Однако Черчилль, как бы не услышав выступления Сталина, стал убеждать участников конференции в преимуществах итальянского театра военных действий перед открытием второго фронта в Северной Франции.

Сталин и Рузвельт не реагировали на слова английского премьера. Однако Черчилля это не смущало.

— Представляют ли интерес для Советского правительства наши действия в восточной части Среди-

земного моря, которые, возможно, вызвали бы некоторую отсрочку операции через Ла-Манш? — спрашивал он и, не дожидаясь ответа, продолжал: — Если мы возьмем Рим и блокируем Грецию с юга, то дальше мы можем перейти к операциям в Западной и Южной Франции.

Сталин понимал, к чему клонит Черчилль. Его возмущали эти хитроумные маскировочные увертки по срыву открытия второго фронта. Стоит ему сейчас согласиться с проведением операции в Италии, как завтра Черчилль скажет, что у них не хватило сил для проведения операции в Северной Франции. И он принял решение не сдавать своих позиций и настаивать на своем. В открытии второго фронта была острая, насущная потребность. Красная Армия воюет с общим врагом, а союзники хитрят, выгадывают и хотят, как в басне, «без драки попасть в большие забияки».

Сталин, пристально глядя на Черчилля, твердо заявил:

— За базу всех операций, где бы они не проводились, нужно взять операцию «Оверлорд», и постараться не разбрасывать силы.

Черчилль поддержал предложение Сталина о необходимости сосредоточения сил на операции «Оверлорд», но тут же невзначай добавил, что еще нужно взять Рим и провести операцию на Балканах.

— До начала операции «Оверлорд» шесть месяцев, — говорит он, — и мы не хотим, чтобы наша армия бездействовала в Италии.

Но Сталин уже догадался об истинных целях Черчилля. Тот беспокоится не о помощи Красной Армии, не о скорейшем окончании войны, а пресле-

дует чисто политические цели. Он намерен отрезать путь в Европу наступающей Красной Армии, создать в Югославии, Польше и в других странах марионеточные правительства, враждебно настроенные к Советскому Союзу. Практически он хочет создать тот «санитарный кордон», который он пытался и фактически организовал после Октябрьской революции. Разумеется, он не сказал этого вслух, а бросил только реплику:

— По Черчиллю выходит, что русские требуют от англичан, чтобы они бездействовали.

Черчилль сделал вид, что не замечает иронии Сталина, и продолжал гнуть свою линию.

— Операции в Италии и на Балканах, — говорил он, — скуют немецкие войска и не позволят перебросить их на русско-германский фронт. Таким образом, мы окажем помощь Красной Армии. Если же мы не проведем этих операций и немецкие войска останутся в районе Средиземного моря, то в момент проведения операции «Оверлорд» они будут переброшены в Северную Францию, и успех операции «Оверлорд» не может быть гарантирован.

Рузвельт не вмешивался в дискуссию между Черчиллем и Сталиным, но, когда он увидел, что атмосфера накалилась до предела, предложил поручить военной комиссии обсудить нерешенные вопросы.

— Не нужно никакой комиссии, — возразил Сталин, — ибо мы имеем больше прав, чем военная комиссия, и можем решать любые вопросы.

— Что касается сроков проведения операции «Оверлорд», — поддерживая предложение Рузвельта о создании комиссии, продолжал Черчилль, — то если будет решено провести расследование...

— Мы не требуем никаких расследований, — резко сказал Сталин. Он вдруг почувствовал, что терпение его кончается и ему все труднее держаться в рамках дипломатического этикета.

Но все же взял себя в руки и выдержал паузу.

— Если можно задать вопрос, — сказал он наконец, — то я хотел бы спросить англичан, верят ли они в операцию «Оверлорд» или они просто говорят о ней для того, чтобы успокоить русских?

Черчилль, отбросив всяческую маскировку, пошел ва-банк.

— Операция «Оверлорд» состоится, — сказал он, — если налицо будут известные вам условия.

Сталин помнил об условиях англичан, при которых, по их мнению, высадка через Ла-Манш может быть успешной. Напоминая об этих условиях, Черчилль давал понять, что если они не будут соблюдены, то операция «Оверлорд» может вообще не состояться.

Это была та капля, которая переполнила терпение Иосифа Виссарионовича. Он почувствовал, что дальнейшие переговоры в таком духе бессмысленны. Обращаясь к Молотову и Ворошилову, он сказал:

— Идемте, нам здесь делать нечего. У нас много дел на фронте.

Черчилль стушевался, покраснел и заерзal в кресле. Он понял, что перегнул палку, что подобный разговор со Сталиным недопустим, и пробормотал, что его «не так поняли».

Чтобы разрядить атмосферу, вмешался Рузвельт.

— Мы очень голодны, — сказал он. — Поэтому я предложил бы прервать заседание на обед, которым сегодня обещал угостить нас маршал Сталин...

Страсти немного улеглись и обед, как обычно говорят, прошел в дружественной обстановке. Старились говорить на отвлеченные темы, среди которых на первом месте стояли гастрономические. Вспомнив, что во время прошлого завтрака Рузвельту особенно понравилась лососина, Сталин распорядился, чтобы доставили «рыбку» для подарка американскому президенту. Вскоре появились четыре рослых молодца в военной форме. Они несли рыбину метра два длиной и полметра в диаметре. Процессию замыкали два повара-филиппинца и работник американской службы безопасности. Чудорыба вызвала живой интерес Рузвельта и всех присутствующих, что еще больше разрядило обстановку на переговорах.

Когда перешли в соседнюю комнату, где подавали кофе, то уже говорили о дружбе, родившейся в глухую годину войны. Черчилль сказал, что он уверен в скорой победе.

— Я полагаю, что бог на нашей стороне, — сказал он, — я сделал все, чтобы он стал нашим верным союзником.

Сталин хитровато посмотрел на Черчилля и тут же ответил:

— Ну а дьявол, разумеется, на моей стороне. Потому что, конечно же, каждый знает, что дьявол — коммунист, а бог, несомненно, добропорядочный консерватор.

Все рассмеялись.

На второй день, когда за завтраком собирались руководители трех держав, Рузвельт с подчеркнутой торжественностью сделал заявление.

— Господа, — сказал он, — я намерен сообщить маршалу Сталину приятную для него новость. Сегодня объединенные штабы с участием британского премьера и американского президента приняли следующее решение: операция «Оверлорд» намечается на май 1944 года.

Сталин внешне спокойно воспринял это заявление. Однако внутренне он ликовал — наконец-то удалось сломить саботаж союзников с открытием второго фронта. Он также был убежден, что в таком решении немалая заслуга Рузвельта, который теперь, после известия об объявлении Советским Союзом войны Японии, был больше Черчилля заинтересован в скорейшем окончании войны в Европе.

— Я удовлетворен этим решением, — коротко сказал Сталин.

На пленарных заседаниях обсуждали проблемы Турции, Польши, послевоенное устройство мира и англо-американский план расчленения Германии.

Та встреча в Тегеране трех глав правительств воюющих государств и ее решения стали историческими. Но Сталин прекрасно понимал, что уступка союзников с открытием второго фронта была не только результатом его дипломатических усилий, но и побед Красной Армии, которая перемалывала немецкие войска на полях сражений.

Кроме того, сговорчивость союзников была обусловлена еще и боязнью, что Красная Армия первая войдет в Берлин и займет важные политические, экономические и военно-стратегические центры Германии.

«Ошибки» Сталина

Иосиф Виссарионович вспоминал (в который уже раз!) канун и начало войны, вспоминал, как английские и американские политики планомерно и настойчиво толкали Германию на войну с СССР. Жуков и Тимошенко тогда настойчиво предлагали, не объявляя мобилизации, перебросить армию из дальних округов страны к западным границам, а он отказывался. Он чувствовал, что Гитлер готовит ему западню и с этой целью подбрасывает нашим разведчикам «достоверную» информацию о своих планах войны с Советским Союзом. В чем здесь была хитрость, Сталин не знал, но понимал: все, что легко достается, не может быть весомым. Если Гитлер готовит внезапное нападение, то почему о нем все болтают? Скорее всего потому, что это типичная провокация. Расчет строился на том, что у него не выдержат нервов и он, получив достоверную информацию о дате нападения, в срочном порядке начнет перебрасывать армию на западные границы, которые еще слабо укреплены и практически не имеют подъездных дорог.

А дальше произошло бы следующее. После сосредоточения основных вооруженных сил СССР на новых, не обустроенных границах, гитлеровцы без объявления войны внезапно нападают и мощными клиньями, имея трехкратное превосходство в живой силе и технике, окружают части Красной Армии, об-

разуют огромные котлы, в которых ее и добивают. Таким образом, одним молниеносным ударом было бы покончено с регулярной армией СССР, уничтожен ее основной костяк. После уничтожения вооруженных сил СССР в приграничных районах страны ни на какое серьезное сопротивление агрессору уже нельзя было бы рассчитывать. В директиве ОКХ от 31 января 1941 года (о которой Сталин узнал, когда было разгромлено фашистское логово и захвачены гитлеровские документы) немецкими разработчиками плана нападения на Советский Союз была поставлена задача: уничтожить «массу русских войск путем быстрейшего продвижения вперед танковых групп и помешать отходу боеспособных войск в простиры русской территории».

Вот, оказывается, где была зарыта собака.

На сей счет существует и достоверное свидетельство Геббельса. «Фюрер подробно объяснил мне, — пишет он в своем дневнике, — существующее положение. Наступление на Россию начнется, как только закончится развертывание наших сил. Русские сосредоточились как раз на границе. Это самое лучшее, на что мы можем рассчитывать. Если бы они эшелонировались вглубь, то представляли бы большую опасность. Они располагают 150—200 дивизиями, может быть, немного меньше, но во всяком случае примерно столько же, сколько у нас. Но в отношении материальной силы они с нами вообще не могут сравниться. Мы не полемизируем в прессе, сохраним полное молчание и в один прекрасный день просто наносим удар».

Таким образом, вся гитлеровская стратегия была построена на авантюре, в надежде обмануть, переиг-

рать Сталина. Не вышло. Он разгадал этот замысел. Иосиф Виссарионович совершенно правильно оценил сложившуюся обстановку накануне войны. С одной стороны, он принял к сведению поступающие сообщения о подготовке нападения Германии на Советский Союз, а с другой — воспринял их как стремление в неблагоприятных для Красной Армии условиях добиться сосредоточения основных кадровых вооруженных сил СССР вдоль неукрепленных новых западно-украинских и западно-белорусских границ с целью их уничтожения.

Одним словом, в сложившейся ситуации решение, которое принял Сталин, было единственно правильным: не передислокация Красной Армии к новым советским границам, а организация глубоко эшелонированной обороны — рассредоточение регулярных войск на обширной территории до 4,5 тыс. километров по фронту и свыше 400 км в глубину.

К утру 22 июня 1941 года из 170 дивизий, имеющихся у Советского Союза, в первом эшелоне от Балтики до Карпат оказалось лишь 56, остальные находились в глубине страны.

Конечно, не все сложилось так, как хотелось. Были серьезные ошибки и просчеты, особенно в первые дни войны. Как ни готовились к нападению гитлеровцев на нашу страну, но все-таки полностью подготовиться не успели. Не хватило полутора-двух лет для перевооружения Красной Армии. И все же того, что было сделано в довоенные годы, хватило, чтобы разгромить фашистскую Германию.

Политики хрущевской волны, желая скомпрометировать Сталина, много и пространно говорят о его ошибках в начале войны, но никто не говорит, что

именно его осторожные действия накануне войны явились предпосылкой победы. Во-первых, он отклонил предложение военных о нанесении упреждающего удара, что было бы равноценно самоубийству; во-вторых, он устоял против настоятельных советов провести мобилизацию, что безусловно подтолкнуло бы Гитлера напасть на Советский Союз на 1,5 года раньше; и, наконец, в-третьих, он не дал своего согласия на переброску всех армий к неустроенным и неукрепленным западным границам, что могло бы привести к уничтожению регулярной Красной Армии. Словом, тактические «ошибки» Сталина в начале войны в стратегическом плане обеспечили победу.

Сталин учел опыт войны 1812 года, когда Наполеон пытался на границе разгромить слабо подготовленную к войне русскую армию с тем расчетом, чтобы потом победным маршем прогуляться до Москвы. Однако российское командование не позволило ему это сделать. Оно не ввязывалось в сражения, а отвело войска вглубь страны, обескровило наполеоновскую армию и разгромило ее. Гитлер хотел реализовать аналогичный наполеоновскому план и разгромить Красную Армию на границе, но он не ожидал, что Сталин использует стратегию и опыт войны 1812 года.

Крепкий орешек

Первый день войны был страшным. Его не забыть и не выбросить из памяти. Фашисты уже бомбили советские города, уничтожали аэродромы, громили пограничные части, а Сталину все казалось, что это не настоящая война, а какая-то провокация.

И только после официальной ноты германского посла фон Шуленберга, которую тот передал Молотову, стало ясно, что случилось то, чего он больше всего хотел избежать.

О нападении немецких войск он узнал ночью 22 июня от Жукова. Стрелки часов показывали 3 часа 30 минут. Накануне Иосиф Виссарионович где-то простудился и чувствовал себя усталым и больным. Температура поднималась до сорока градусов. Профессор Преображенский, долгие годы лечивший его, поставил диагноз — флегмонозная ангина — и настаивал на немедленной госпитализации. Однако Сталин наотрез отказался. Обойдется. Только попросил профессора никому не говорить о его болезни, и на всякий случай в воскресенье не отлучался из дома. На душе было неспокойно. Накануне Тимошенко и Жуков доложили, что, по сведениям перебежчиков, немецкие войска выходят на исходные позиции для нападения на СССР, которое начнется утром 22 июня. Он посчитал, что это снова, как не раз уже случалось, ложная информация. Однако Жуков и Тимошенко убедили его, что сообщению нужно верить. Пришлось согласиться и дать директиву о приведении всех войск приграничных округов в полную боевую готовность. И все же он был уверен, что Гитлер прочно завяз в войне с Англией и, пока с ней не разделяется, не решится напасть на Советский Союз. Однако тревога не проходила. А тут еще, совсем некстати, болезнь. Он засыпал, словно проваливался в какой-то омут, и тут же просыпался. Когда вошел Власик и доложил, что Жуков хочет с ним поговорить, он даже не сразу понял, чего от него хотят.

— Что Жуков? — спросил он Власика. — Что нужно?

— У него важное сообщение, — сказал Власик.

Иосиф Виссарионович подошел к телефону и снял трубку. Жуков доложил, что немецкая авиация бомбит города Украины, Белоруссии и Прибалтики.

Он еще не верил в случившееся, но подсознательно уже понимал, что произошло самое страшное, сонливость мгновенно прошла и, как ему показалось, исчезло даже болезненное состояние. Какое-то время, собираясь с мыслями, он молчал.

— Приезжайте с Тимошенко в Кремль, — сказал он Жукову, — и пусть Поскребышев туда же вызывает членов Политбюро.

На сборы всех ушло не более часа. Когда Молотов доложил о встрече с Шулленбергом и стало ясно, что Германия не объявила войну, а вероломно напала на Советский Союз, в войска была направлена вторая директива. В ней говорилось, чтобы войска всеми силами и средствами обрушились на вражеские силы и уничтожили их в тех районах, где они нарушили советскую границу. В то же время предупреждалось: «Впредь, до особого распоряжения, наземным войскам границу не переходить». Тогда еще никто не осознавал серьезности происходившего.

Во втором пункте директивы давалось указание разведывательной и боевой авиации установить места сосредоточения авиации противника и группировку его наземных войск и разбомбить их, и тут же указывалось: «Удары авиации наносить на глубину германской территории до 100—150 км... На территорию Финляндии и Румынии до особых указаний налетов не делать».

Эта директива — яркое свидетельство абсолютного незнания положения дел. К тому времени немцы уже уничтожили наши аэродромы, на которых

находилось более 1000 самолетов, так и не успевших взлететь, разгромили все пограничные укрепления, а части Красной Армии, обороняясь, отступали или, попав в окружение, уничтожались. Немцы хозяйничали на захваченной советской территории, а Гитлер уже праздновал победу.

Геббельс, главный гитлеровский идеолог и рупор, захлебываясь, объявил, что война против СССР является не только «крестовым походом против большевизма», но и «Всеевропейской освободительной войной».

Словом, инициатива по всем направлениям была у Гитлера. Западные страны не сомневались в победе Германии. Мнения расходились только в сроках капитуляции Советского Союза. Если англичане утверждали, что Гитлер поставит Сталина на колени за 2—3 месяца, то в США были убеждены, что это произойдет еще раньше. И для таких умозаключений у них были основания. Менее чем за неделю немецкие войска захватили Вильнюс, Каунас, Кейдане, Минск и уже были на подступах к Киеву. К Сталину поступала недостоверная информация о положении дел на фронте. Он послал Жукова разобраться в сложившейся ситуации, а когда тот возвратился, потребовал от него, наркома Тимошенко и заместителя начальника Генштаба Ватутина вразумительной и четкой программы действий.

— Мы уже потеряли Прибалтику, Белоруссию, — учинял он разнос военным, — вы не знаете, что делается на Украине. Генштаб не управляет фронтами, а только регистрирует потери.

Все, что говорил Stalin, было правильно, но в глубине души он понимал, что происходящая нераз-

бериха происходит и по его вине. Ведь он знал авантюрные повадки Гитлера, но почему-то думал, что по отношению к Советскому Союзу тот будет вести себя иначе. Хороши и военные, которые не смогли заранее разглядеть нависшую угрозу.

Вспоминая день за днем месяцы и годы войны, Сталин заново переживал свои ошибки и успехи. Фашистские войска уже окружили Ленинград и рвались к Москве. Он освободил Жукова от обязанностей начальника Генерального штаба и назначил его командующим Резервным фронтом. Собственно, Жуков сам напросился на такое решение, когда предложил сдать Киев и организовать контрудар под Ельней. Сталин тогда грубо оборвал генерала, назвав его план глупостью, а Жуков обиделся и, что называется, хлопнул дверью: «Если я говорю глупости, то можете меня освободить от должности начальника Генштаба». Вот и напоролся на неприятности. Думал, что без него не обойдется.

Впрочем, Жуков — крепкий орешек. Он один из самых способных полководцев. Он сумел-таки разбить немецкую группировку под Ельней. Это был в то время первый случай, когда немцы потерпели серьезное поражение.

Неплохо была организована и оборона Ленинграда. До того командующим Ленинградским фронтом был Ворошилов. Храбрый человек, старый и надежный товарищ по Гражданской войне. Но он так и не смог понять, что такая современная война. Все мечтал о тачанках, а когда речь заходила об автоматах, возмущался: где мы наберем столько патронов?! Прицельный огонь можно вести только из винтовок. В Ленинграде Климент Ефремович с наганом в ру-

ках готов был поднимать бойцов в атаку, но осмыслить, охватить и понять замыслы противника не мог. Немцы продолжали продвигаться в сторону города, а Ворошилов был бессилен что-либо изменить. Он готовился к сдаче Ленинграда, что могло привести к непредсказуемым последствиям. С падением Ленинграда, приводившего к себе большие силы гитлеровских войск, осложнилось бы положение на всех фронтах и создалась серьезная угроза Москве.

Желая предотвратить подобное развитие событий, Иосиф Виссарионович послал в Ленинград делегацию ЦК ВКП(б) и ГКО в составе Н.Н. Воронова, П.Ф.Маленкова и В.М.Молотова. Но и это ни к чему не привело. Вот тогда Сталин решил направить в Ленинград Жукова. Перед отъездом его в Северную столицу они долго обсуждали сложившуюся ситуацию.

— Пусть поработает разведка, — сказал Иосиф Виссарионович. — Нужно уточнить, где немцы готовят прорыв. Туда они перебросят все силы. Следовательно, какие-то участки будут ослаблены. Действовать надо на опережение. Пока они не начали наступление там, где готовятся, следует ударить в том месте, где они нас не ждут.

Жуков воспользовался советом Сталина. Он нашел слабое место в немецком окружении, сконцентрировал силы на этом направлении и перешел в наступление. Немцы заметались. В их кольце появилась пробоина. Создавалась угроза захода частей Красной Армии в тыл основной группировке. Фельдмаршал фон Лееб вынужден был снять силы с Пулковского направления и перебросить их для отражения наступления Жукова. Захват Ленинграда и победа ускользнули у немцев прямо из рук. Гитлер был в бешенстве.

Сталин держал ленинградскую битву под контролем. Он координировал действия войск, находившихся в окружении и за пределами города. Помогал Жукову авиацией и активными действиями на других фронтах. Когда положение под Ленинградом стабилизировалось, Иосиф Виссарионович отозвал Жукова.

К этому времени создалась серьезная опасность на Московском направлении. С западными и резервными фронтами практически была потеряна связь, а не зная положения дел, невозможно было принимать никаких решений.

— Поезжайте в штаб Западного фронта, — приказал он Жукову, — разберитесь в положении дел. Звоните мне в любое время. Я буду ждать.

Решение Сталина подключить Жукова к Московскому направлению было обоснованным и оправданным. Георгий Константинович хорошо поработал при ликвидации ельнического выступа и в Ленинграде. Stalin знал, что Жуков выиграет и сражение за Москву. Но Иосиф Виссарионович опирался не только на Жукова. Он терпеливо и настойчиво растял и приближал к себе наиболее талантливых командиров Красной Армии. В его кадровой обойме находились Ватутин, Конев, Черняховский, Рыбалко, Кузнецов, Чуйков, Рокоссовский, Катуков, Еременко, Василевский. Жуков выделялся и среди них. Его принцип активного противодействия, напористость, предвидение возможного развития событий и поведения противника были близки по духу Сталину. Возможно, в силу этих причин он больше всего и считался с его мнением. Ему он доверил и командование Западным фронтом, когда немецкие

войска уже подходили к Москве. И все же Иосиф Виссарионович боялся за судьбу столицы. Боялся, что в труднейшей ситуации в битве за Москву может дрогнуть и Жуков. Ему хотелось знать, уверен ли тот, как командующий, что сможет защитить столицу. Он знал: если генералы не уверены в победе, то на успех рядовых нельзя рассчитывать. Решил поговорить начистоту.

— Вы уверены, что мы удержим Москву? — спросил он Жукова. — Говорите честно, как коммунист.

Какое-то время Георгий Константинович думал, взвешивал силы и средства, а Stalin не торопил его с ответом. Жуков понимал и то, что от его ответа зависит не только судьба столицы, но и его личная. Это может быть и его звездный час, и его закат. А Stalin думал над тем, кого он назначит вместо Жукова, если тот скажет, что Москву придется сдать.

— Москву мы удержим, — сказал Жуков. — Но нужно еще не меньше двух армий и хотя бы двести танков.

Его ответ Stalin успокоил и обрадовал. Однако, верный своей привычке, он не выдал своего настроения.

— Это неплохо, что у вас такая уверенность, — сказал он. — Позвоните в Генштаб и договоритесь, где сосредоточить две резервные армии, которые вы просите, но танков пока мы дать не можем.

Парад в осажденной Москве

Немецкие войска, начавшие наступление 30 сентября, неудержимо рвались к Москве.

15 октября Stalin пришел к выводу о необходимости немедленной эвакуации всех учреждений и

предприятий. Это было трудное решение. С одной стороны, он был уверен, что Москва устоит под напором гитлеровских полчищ, а с другой... не хотелось бы о таком думать. Но есть пословица: береженного Бог бережет. И он отдал команду эвакуировать в Куйбышев правительство, Верховный Совет, наркомы, дипломатические корпуса... Вывезти ценностей и исторические реликвии из Оружейной палаты Кремля. В строжайшей тайне было извлечено из Мавзолея тело Ленина и под особой охраной в специальном вагоне отправлено в Куйбышев.

Сам он не думал выезжать из Москвы. Решил так: немцы войдут в столицу только через мой труп. В Англии и США считали, что дни Москвы и коммунистической России сочтены. Служба Геббельса захлебывалась от восторга и вопила на весь мир о том, что «Великий час пробил: исход восточной компании решен»; что пришел «Военный конец большевизма...», что «Последние боеспособные советские дивизии принесены в жертву...»

И чем меньше верили союзники в стойкость Красной Армии, и чем громче кричал Геббельс о победах немецкого оружия, тем упорнее Сталин готовился к отпору врагу. Психические атаки на него не действовали. Сила воли его была непоколебима. Он сам побывал на Можайском, Звенигородском, Солнечногорском, Волоколамском оборонительных направлениях, говорил с бойцами и офицерами и был глубоко убежден, что они не отступят и будут стоять насмерть.

После поездки по прифронтовым районам у него созрела мысль о проведении в Москве военного парада. 28 октября он вызвал командующего войсками

Московского военного округа генерала Артемьева и командующего ВВС генерала Жигарева и поставил перед ними задачу:

— Через десять дней праздник Октябрьской революции, — сказал он, — готовьтесь к проведению парада на Красной площади.

Генералы растерянно смотрели на Главнокомандующего. Сталин понимал их состояние. Москва эвакуируется, в учреждениях повсюду жгут бумаги, одни уезжают из столицы, другие просто бегут. Никто не думает о празднике Октября и тем более о параде.

— Обстановка... — неуверенно заговорил Артемьев.

— Обстановка, — перебил его Сталин, — самая подходящая. Парад будет иметь огромное моральное воздействие на армию, на страну и, если хотите, на Гитлера. Только нашу армию и народ он воодушевит на борьбу, а по Гитлеру это будет такой залп, что он долго не сможет очухаться.

Иосиф Виссарионович дал генералам соответствующие указания по подготовке парада.

До праздника оставалось три дня, когда он вызвал к себе руководителей московской партийной организации и заговорил о необходимости провести торжественное собрание, посвященное 24-й годовщине Великого Октября.

— Подумайте о помещении, где бы мы могли провести собрание, — сказал он, — и о том, кого мы можем пригласить.

Реакция на предложение Сталина была такая же, как и у генералов. Никто не думал о проведении подобного собрания, традиционного для мирного времени.

Как и предполагал Иосиф Виссарионович, парад войск на Красной площади и торжественное собрание, посвященное 24-й годовщине Великого Октября, которые транслировались радиостанциями на весь мир, стали символами стойкости морально-го духа Красной Армии и советского народа. Для всей страны это было радостное событие, и в то же время — ошеломительный нокаутирующий удар по фюреру и его армии.

Случалось и такое...

Во второй половине ноября 1941 года немцы развили бешеное наступление на Москву. Здесь они сосредоточили свои основные силы. Красная Армия уступала им как в живой силе, так и в технике. Используя свое преимущество, гитлеровцы атаковали защитников Москвы по всем направлениям. Командный пункт Жукова попал в линию обстрела. Создалась опасность его захвата немцами. И Жуков дрогнул. Он обратился к Сталину с просьбой о разрешении перевода командного пункта подальше от линии обороны, к Белорусскому вокзалу.

Это был один из кризисных моментов. Стоило перенести командный пункт в глубь столицы, как на такое же расстояние отступят и обороняющиеся войска. Но отступать уже нельзя. И Иосиф Виссарионович приказывает Жукову: стоять.

— Если немцы угрожают вашему командному пункту, — сказал он, — бейте их и гоните, а не убегай-

те от них. Но если вы все-таки отойдете к Белорусскому вокзалу, то я зайду ваше место.

Жуков просил подкрепления. Сталин не дал и приказал держаться своими силами. Только 29 ноября, когда гитлеровские войска создали серьезную опасность в районе Яхромы, Сталин ввел свой стратегический резерв — пять армий и тем спас Москву. Наступление немецких войск захлебнулось. Красная Армия перешла в контрнаступление. Гитлеровские войска погнали от столицы. Московский гордиев узел был разрушен.

Память, память...

Шел 1942 год. Гитлер думает о реванше за поражение под Москвой. Однако, где будет нанесен этот удар, никто не знал. Сталин был уверен, что Гитлер возобновит наступление на Москву. И в том была своя логика. Захват столицы выводил Германию на новый уровень ведения войны. На ее стороне могли выступить Турция и Япония. Советскому Союзу пришлось бы тогда воевать на два фронта, что усложнило бы и без того не простую обстановку на советско-германском фронте. Учитывая все эти обстоятельства, Сталин и Генеральный штаб считали, что Московское направление станет главным в планах гитлеровских стратегов на 1942 год. Здесь и были сосредоточены основные силы. Однако у Гитлера был другой план. Он повернул свои войска на юг, пытаясь захватить Баку и таким образом отрезать Москву и в целом страну от основного источника нефти. Фактически прицел был сделан на разоружение Красной Армии. Без горючего танки и самолеты превращались в пустые консервные банки.

Этот гитлеровский замысел был разгадан с опозданием. В июле фашистские войска уже вступили на территорию Сталинградской области и, не встречая серьезного сопротивления, двигались вперед. Генштаб пытался принять меры, чтобы остановить наступление немецкой армии, но безуспешно. Stalin был недоволен развитием событий. В конце августа он вызвал Жукова, который находился на Западном фронте, в Москву.

— Плохо дело у нас на юге, — сказал он, — немцы рвутся к бакинской нефти. Вам придется вылететь в район Сталинграда. Сейчас там находятся Василевский, Маленков и Малышев. Подумайте, что можно сделать, чтобы остановить немцев.

Когда Жуков ушел, Stalin вспомнил свою первую поездку в Сталинград. В то время он назывался Царицын.

Это было в июне 1918 года. Ему было 38 лет. Он недавно женился на 18-летней Надежде Аллилуевой. И, казалось, все плохое и трудное осталось позади, а впереди только радость и счастье. Неожиданно его вызвали в кабинет к Ленину.

— Питер и Москва голодают, — сказал тогда Владимир Ильич, — положение архисложное. Если мы не накормим рабочих, нас прогонят.

Тут же выписал ему мандат и направил в Царицын на хлебозаготовки.

В Царицын Stalin отправился с молодой женой. Жили в вагоне, который охраняли питерские красногвардейцы. Сюда же Stalin, пользуясь правами чрезвычайного комиссара, приглашал для доклада руководителей местной партийной организации и военных. Последние не понимали, какое отношение

имеет к ним штатский продовольственный комиссар, и всячески старались уклониться от выполнения его распоряжений. Между ними сразу же установились неприязненные отношения. Назревал скандал.

Сталин все же сумел отправить несколько эшелонов с хлебом в Москву и Петроград. Однако дальше дело застопорилось. Прошел слух о наступлении генерала Краснова, и в городе оживились контрреволюционные банды. Создалась реальная угроза потери Царицына. Для молодой Советской республики это стало бы катастрофой. Отрезалась северная часть страны от южной, откуда поступало продовольствие.

Обстановка тех далеких лет очень напоминала обстановку, сложившуюся в 1942 году. Как в годы Гражданской войны, когда Краснов хотел захватить Царицын, так и в годы гитлеровского нашествия, Сталинград стал ключевым городом для страны, для победы. В то время Stalin нашел выход из сложившейся ситуации. Прежде всего он обратился в Москву с просьбой, чтобы ему дали полномочия вмешиваться в военные дела. Троцкий (Лев Давыдович тогда был председателем Реввоенсовета Республики) ему отказал. Однако это Сталина не смутило. Он видел и реально ощущал, как сгущаются тучи над городом, и он знал, что нужно делать.

Осенью 1918 года и в январе 1919 года вообще создалась критическая обстановка. Краснов ввел свежие силы и двинулся на Царицын. Военные спецы, назначенные Троцким, готовились к сдаче города. Тогда Stalin взял оборону Царицына на себя. Он выяснил, где Краснов намерен продвигать свои основные силы, и сконцентрировал на этом направле-

нии всю артиллерию. Здесь же сосредоточил и кавалерийскую дивизию. Когда красновцы пошли в наступление, защитники Царицына по команде Сталина, пропустив авангард, открыли уничтожающий огонь по колоннам белогвардейцев, которые, не ожидая сопротивления, лихо и красиво шли в полный рост. В течение нескольких минут с ними было покончено. Кавалерийская дивизия, которой командовал Буденный, добивала бегущих в панике красновцев.

Победа была полная.

В Царицыне военный авторитет Сталина резко вырос, но в Москве против него начал интриговать Троцкий, которому не понравилось, что кто-то командует его подчиненными. Это было расценено как превышение полномочий, и его отзвали в Москву.

Сталинградская битва

Победа в 1919 году в Царицыне имела стратегическое значение. Сражение за город, теперь носящий его имя, в 1942 году также определяло судьбу страны. Все повторяется, но на другом уровне. Городом хотел овладеть Гитлер. Это не генерал Краснов, это гораздо более сильный и более хитрый враг. Но и Сталин уже не тот, что был тогда в Царицыне. Теперь в Сталинграде схлестнулись две тактики, две стратегии, две силы, которые никогда в таких масштабах не противоборствовали за всю историю человечества. Кто одолеет, тот и будет верховодить в дальнейших битвах.

Одолел Сталин. Одолели его тактика и стратегия.

Однако были трудные, даже страшно трудные моменты, когда, казалось, не удержать фашистского

напора. 24 июля 1942 года немецкие войска захватили Ростов и устремились на юг. Возникла угроза захвата нефтяных промыслов в районе Майкопа и Грозного. Сталин вызвал к себе заместителя наркома нефтяной промышленности Николая Константиновича Байбакова. Какое-то время Сталин молча ходил по кабинету, а потом сообщил о заявлении Гитлера, в котором тот говорил, что если не захватит нефть Кавказа, то проиграет войну.

— Имейте это в виду, товарищ Байбаков, — если вы оставите немцам хоть одну тонну нефти, мы вас расстреляем.

После этой фразы Сталин прошелся по кабинету, а потом добавил:

— Но если вы уничтожите промыслы преждевременно, а немцы так их и не захватят, и мы останемся без горючего, мы вас тоже расстреляем.

Такой была жестокая альтернатива войны. Николай Константинович молчал, а потом, собравшись с духом, сказал:

— Вы мне не оставляете выбора, товарищ Сталин.

Иосиф Виссарионович подошел к Байбакову, поднял руку и указал на голову.

— Здесь выбор, товарищ Байбаков. Летите. И вместе с Буденным решайте все вопросы на месте.

Байбаков не обиделся. Он понимал: военное время. Решается судьба страны и народа, и каждый отвечает головой за порученное ему дело. Так требовал Сталин, и без таких требований не было бы и победы.

Сталинградская битва длилась двести дней и ночей. Здесь были уничтожены 6-я полевая и 4-я танковая гитлеровские армии, 3-я и 4-я румынские армии, 8-я итальянская армия. Общие потери немец-

ких войск и их союзников убитыми, ранеными и пленными составили почти полтора миллиона солдат, офицеров и генералов.

Со Сталинградской битвы, как и предполагал Сталин, начался перелом в ходе всей войны. Германская военная машина была потрясена до основания. Союзники Германии — Япония, Италия, Румыния, Венгрия, Испания и Турция — стали сомневаться в непобедимости Гитлера и начали искать возможность выскользнуть из его лап.

Свою роль в битве на Волге Сталин не преувеличивал. Да ее и трудно было преувеличить. Идея окружения немецких войск принадлежала Жукову и Василевскому, а вся разработка плана и практическая его реализация осуществлялась под его руководством. Как Верховный Главнокомандующий, он руководил ходом боевых операций, создавал и вводил в критических ситуациях в бой стратегические резервы, что и предопределило победу.

Его хранило пророчество

Во время Сталинградской битвы Сталин встречался с митрополитом Сергием. Какая здесь была связь, он не знал. Но какая-то связь существовала. Слова «жизнь», «церковь» и «война» — были звеньями одной цепи в его судьбе. Хотел он того или нет, но учеба в духовной семинарии наложила на него свой отпечаток. Верил ли он в Бога? Об этом никто не знал. Не знал и он сам. Все считали его атеистом. Но никто не слышал, чтобы он поминал черта или богохульствовал. Чаще всего от него слышали: «Ну, дай Бог» или «Ну, помоги, Господи». Так говорил он

своим полководцам перед началом генерального сражения.

Его отношение к вере определялось еще и любовью к матери. Она была глубоко верующим человеком.

— Ты большевик? — однажды спросила она. — Говорят, что большевики разрушают церкви и изгоняют верующих. Это правда? Это твоя работа?

Он сказал, что такими делами не занимается.

— Тогда поклянись, что ты никогда не будешь разрушать наших храмов и изгонять верующих.

Он поклялся и никогда не нарушал этой клятвы. Без его участия Троцкий и Свердлов, обладая в 20-е годы реальной властью, вели открытую и непримиримую войну с религией. Stalin никогда не участвовал в антицерковной кампании, но вначале сила еще была не на его стороне.

Положение осложнялось еще и тем, что среди священнослужителей не было единомыслия в отношении к Советской власти. Многие священники открыто выступали против нее, называли ее бесовской и призывали прихожан к сопротивлению. Это было недопустимо. Но недопустимо было и грести всех священников под одну гребенку. Среди них много было и таких, которые признавали новую власть.

Но дело было не только в гонениях на священников. Была подорвана вера в святость человеческой жизни. Коммунистам приклеили кличку безбожников и «антихристов», что оттолкнуло верующих от Советской власти и раскололо общество. Такой ситуацией, конечно, воспользовалась и вражеская пропаганда, настраивая мировое сообщество против СССР и социалистического строительства.

Понадобились годы жесточайшей борьбы с Троцким и его приверженцами, чтобы в 1933 г. появилось первое постановление о запрете сноса церквей и освобождении находящихся в заключении священников. В секретном документе от 12 сентября 1933 г. от имени Сталина говорилось, что «ЦК считает невозможным проектирование застроек за счет разрушения храмов и церквей, которые следует считать памятниками архитектуры и древнего русского зодчества. Органы Советской власти обязаны принимать меры (вплоть до дисциплинарной и партийной ответственности) по охране памятников архитектуры».

А в 1939 г., уже укрепившись во власти, Сталин постановлял: «Признать нецелесообразной практику органов НКВД в части арестов служителей Русской Православной Церкви». И далее: «произвести ревизию осужденных и арестованных граждан по делам, связанным с богослужебной деятельностью».

Сталин всю жизнь помнил свою глубоко верующую мать и говорил: «Она была очень набожна и мечтала о том, чтобы ее сын стал священником. Она оставалась религиозной до последних дней и говорила: «А жаль, что ты так и не стал священником». Сталин повторял эти ее слова с восхищением, ему нравилось ее пренебрежение к земной славе, к тому, чего он достиг.

Во второй половине тридцатых годов и накануне войны Иосиф Виссарионович много думал о проблемах религии в стране и возможности поворота общественного мнения в поддержку церкви. В глубине души он верил, что в мире существуют высшие силы, которые покровительствуют добру, справедливости и правде. А правда на его стороне.

Смертельным опасностям он подвергался в Гражданскую войну на южном, западном и других фронтах, но каждый раз оставался цел и даже побеждал в, казалось бы, безвыходных ситуациях.

В борьбе с Троцким и его единомышленниками, пытавшимися его уничтожить морально и физически, Сталин также вышел победителем. Снова и снова он спрашивал себя: что это? Везение? Случайность? Чье-то покровительство? Или все вместе взятое? Но если ему всюду сопутствует удача, то он кому-то и для чего-то нужен, стало быть, он рожден для больших дел и должен соответствовать своему назначению. Но в чем это назначение? Что он должен совершить в жизни, чтобы оправдать доверие невидимого и неизвестного ему покровителя?

И он приходит к мысли, которая определяет всю его последующую жизнь: если судьба поставила его у руля великого Российского государства, то он должен сделать его самым могущественным и самым справедливым. Счастье человека не должно зависеть от богатства или бедности. Деньги и золото не должны порабощать и подавлять людей. Деньги и золото приносят горе, страх и насилие в мир, почти вся кровь мира пролилась из-за них.

Реалисты всех мастей смеются над идеей построить бесклассовое общество, где все люди будут равны, его пытаются убедить, что такого не может быть, что человек жаден и алчен, а то, что он проповедует — чистейшей воды утопия. Ему пытаются мешать. Но он делает свое дело. Его реформы по перестройке

народного хозяйства не имеют аналогов в мире. В стране, где еще вчера большинство людей не умели читать и писать, открываются тысячи школ, средних и высших учебных заведений, где бесплатно получают знания, учат доброте, бескорыстию и самоопожертвованию во имя идеи, во имя будущего счастья людей на планете. Он воспитывает новое поколение советских людей, которые верят ему и с его именем в грозные годы войны будут грудью ложиться на амбразуры, идти на виселицы, на пытки, но не предадут, а защитят Родину, спасут человечество от фашистской нечисти, спасут идеалы новой жизни. Возможно, думал он, это и есть мое предназначение, возможно, для этого я родился и прорицание, подвергая испытаниям, хранит меня. Высшие силы хотят, чтобы я построил справедливую жизнь на земле и сломал хребет фашистскому зверю.

Но так думал не только он. Патриархи Сергий и Алексий называли Иосифа Виссарионовича бого诞ным вождем. Того же мнения придерживался и крупный ученый, медик и богослов архиепископ Лука Войно-Ясенецкий. «Сталин, — говорил он, — сохранил Россию, показал, что она значит для мира. Поэтому я как православный христианин и русский патриот низко кланяюсь Сталину».

С нами — Бог!

В первые дни войны Сталин встретился с митрополитом Сергием. Накануне Иосиф Виссарионович прочел «Послание пастырям и пасомым Христовой православной Церкви», с которым тот обратился к верующим.

«Фашистующие разбойники, — писал в своем послании митрополит Сергий, — напали на нашу Родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю. Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла Шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени перед неправдой. Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божьей помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую враждебную силу... Вспомним святых вождей русского народа Александра Невского, Дмитрия Донского полагавших свои души за народ и Родину. Да и не только вожди это делали. Вспомним неисчислимые тысячи простых православных воинов».

Послание митрополита Сергия и речь Сталина на параде Красной Армии 7 ноября 1941 года, когда немецкие войска стояли под Москвой, близки по духу и содержанию.

«Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники, партизаны и партизанки! — напутствуя бойцов, идущих прямо с парада на фронт, говорил Сталин. — На вас смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков... Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойны этой миссии! Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!

Пусть осенит вас победное знамя великого Ленина!
За полный разгром немецких захватчиков!
Смерть немецким оккупантам!».

И Сталин восстанавливает справедливость в отношении церкви. Из тюрем освобождаются многие священники, отменяются запреты на религиозные праздники. В сентябре 1943 года, когда шли ожесточенные бои на всех фронтах, Иосиф Виссарионович приглашает к себе в Кремль иерархов Русской православной церкви — митрополита Московского и Коломенского Сергия (Старогородского), митрополита Киевского и Галицкого Николая (Ярошевича), митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия (Симанского). Все трое сполна хлебнули арестов и лагерей, но освободившись, вели православную патриотическую работу. Иосиф Виссарионович сам заговорил о необходимости возрождения церковной жизни и скорейшего избрания патриарха.

— Чтобы избрать патриарха, — сказал митрополит Сергий — нужно созвать Поместный собор, что в условиях войны трудно, и понадобится месяца два, чтобы собрать епископов...

— А если проявить большевистские темпы, — сказал Сталин, — то можно это сделать в течение трех-четырех дней.

Он тут же распорядился использовать авиацию для сбора всех епископов, с тем чтобы открыть Поместный собор через три дня. 8 сентября собор был созван. Главой Православной русской церкви был избран митрополит Сергий (в миру Старгородский).

Во время встречи с иерархами были решены вопросы об открытии Духовной академии и семинарии, издании церковной литературы, транспортные про-

блемы. В распоряжении Патриархии и Патриарха был предоставлен трехэтажный особняк в Москве в Чистом переулке, который до войны занимал германский посол.

После ухода иерархов, когда Сталин остался один, он вспомнил свою юность и свою учебу в Духовной семинарии. Тогда ему и в голову не могла прийти мысль, что пройдут годы, и от него будет зависеть судьба православной церкви. Поистине, неисповедимы пути Господни!

За годы войны в стране было открыто 20 тысяч храмов. Миллионы людей молились за победу. В силе оружия и вере крепчал дух русского народа.

Этапы великих сражений

Иосиф Виссарионович встречался с иерархами сразу же после завершения Курской битвы. Нет сомнения, что ему хотелось воздать должное Всевышнему за дарованную победу в этом великом сражении. Он ни о чем не просил и ничего не советовал, но был твердо убежден, что и без его подсказки иерархи проведут торжественные богослужения по всей России. Так и случилось. По всей необъятной стране звучал колокольный звон.

В битве на Курской дуге фашистская Германия потерпела такое поражение, после которого она уже не смогла оправиться. Здесь было уничтожено 30 дивизий, в том числе семь танковых. На поле сражения навечно остались лежать 500 тысяч солдат, офицеров и генералов. В груду искореженного металла превратились 1500 танков, 3000 орудий и свыше 3500 самолетов.

Сталин, его полководцы, Красная Армия не только одержали победу, они выросли и окрепли в этой битве, научились разгадывать замыслы врага и упраждать его удары. Четко и грамотно осуществлялась координация фронтами. В необходимый момент и в нужном направлении вводились резервы.

Московская, Сталинградская и Курская битвы стали тремя важнейшими вехами в борьбе с гитлеровской Германией. Здесь наиболее ярко проявилось полководческое искусство Сталина и его маршалов. Благодаря победам в этих сражениях Красная Армия овладела стратегической инициативой, что дало ей преимущества в последующих крупных операциях.

Однако враг не хотел сдаваться. С боем приходилось отвоевывать у него каждый город, село и населенный пункт.

На карте, испещренной пометками красного и синего карандаша, осталась память о битвах за Харьков, Донбасс, Днепропетровск, Киев, Крым, Белоруссию, Прибалтику, Польшу, Венгрию, Румынию, Австрию, Чехословакию, Югославию, Берлин... Сколько дум было передумано над той картой, сколько пережито тревог, волнений и бессонных ночей. Были ошибки, были поражения, но есть и победы, которые войдут в учебные пособия советской и мировой военной науки.

Победа Советского Союза показала всему миру, что военная организация нового общественного строя, социалистического государства оказалась совершеннее и могущественнее военной организации Германии и других стран Европы, Азии и Америки. Именно это обстоятельство насмерть испугало Англию и США.

В Лондоне и Вашингтоне забили тревогу в связи со стремительным наступлением Красной Армии. Боязнь того, что страны Восточной Европы окажутся под влиянием Советского Союза, заставила политиков Запада искать выход из создавшейся ситуации. Черчилль и Рузвельт постоянно консультировались между собой по этому вопросу. В конце концов они решили уговорить Сталина провести очередную встречу на высшем уровне и договориться с ним о сферах влияния в Европе и в мире.

Первым о необходимости встречи глав трех государств заговорил Рузвельт. 19 июля 1944 года в своем послании Сталину он писал: «Поскольку события развиваются так стремительно и так успешно, я думаю, что, возможно, в скором времени следовало бы устроить встречу между Вами, премьер-министром и мною».

На второй день, 20 июля, с подобным предложением обратился к Сталину и Черчилль.

«...Мне нет необходимости, — сообщал Черчилль в своей телеграмме, — говорить о том, как искренне Правительство Его Величества и я лично надеемся на то, что Вы сможете приехать. Я хорошо знаю Ваши трудности, а также то, насколько Ваши передвижения должны зависеть от обстановки на фронте, но я прошу Вас принять во внимание, что тройственная встреча имела бы больше преимущества и упростила бы ведение всех наших дел, как это случилось после Тегерана... Пожалуйста, сообщите мне Ваши соображения и пожелания».

Черчилль предлагал встретиться главам правительства трех держав в Шотландии.

Сталин ответил и Черчиллю и Рузвельту.

«... В данное время, когда Советские армии ведут бои по такому широкому фронту, все более развивая свое наступление, я лишен возможности выехать из Советского Союза и оставить руководство армии даже на самое короткое время. По мнению всех моих коллег, это совершенно не представляется возможным».

Затем последовала более чем полугодовая переписка между членами «большой тройки». С уточнением места и времени встречи.

Сталин не баловал Черчилля и Рузвельта своим вниманием. Не он в них сейчас нуждался, а они в нем. Иосиф Виссарионович представлял как нервничают в Лондоне и Вашингтоне в связи с отсрочкой встречи, и это был в какой-то степени реванш за задержку с открытием второго фронта в Европе. Что ж, долг платежом красен. Теперь правительства Англии и США с опаской поглядывали на Советский Союз. Они увидели в нем грозную силу, с которой нужно считаться и которую нужно как-то укротить. В их головы закрадывалась и вовсе подлая мыслишка — договориться с немцами, которые без боя сдавались к ним в плен, чтобы объединить усилия против Советского Союза. С этой целью они не разоружали немецкие части, а концентрировали их в укромных местах. Однако советская разведка их обнаружила, и Сталин заявил решительный протест против подобных ухищрений союзников. После всевозможных уверток и оправданий немцев пришлось

разоружить и направить свои усилия на мирные переговоры с Советским правительством.

Наконец договорились встретиться в Ялте 3 февраля 1945 года. Но до прибытия в Крым Рузвельт и Черчилль встретились на острове Мальта. Здесь начальники штабов и министры иностранных дел Англии и США вырабатывали единую тактику и стратегию на переговорах со Сталиным. На одном из таких совещаний министр иностранных дел Великобритании А. Иден сказал: «У русских будут весьма большие требования; мы можем предложить им не очень много, но нам нужно от них очень много. Поэтому нам следует договориться о том, чтобы сбрать ведено все, что мы хотим, и все, что нам придется отдать. Это распространилось бы также и на Дальний Восток».

Сталин знал, точнее, догадывался, о чем совещаются союзники между собой на острове Мальта. Но его эти вопросы не волновали. О чем бы они там ни говорили и до чего бы они там ни договорились, без его согласия у них ничего не выйдет. Он знал, что ему нужно, что он хочет, и он получит все желаемое.

* * *

Как и предполагал Сталин, крымская конференция прошла под знаком наступления союзников объединенным фронтом на интересы Советского Союза. Черчилль и Рузвельт признавали военные успехи СССР, но не связывали их с политической программой. Их рассуждения сводились к циничному выводу: вы, мол, воюйте, у вас это хорошо получается, а что касается установления новых, послевоен-

ных границ и порядков, формирования правительств в освобожденных вами от фашистских оккупантов странах и вообще послевоенного устройства мира — вам не стоит беспокоиться.

Сталин сразу же дал понять союзникам, что подобный подход неприемлем для Советского Союза, что мы не только хорошо воюем, но мы хотим еще и пользоваться плодами своих побед. Одним словом, Иосиф Виссарионович сделал все, чтобы не позволить союзникам загребать жар чужими руками. Это касалось и проблемы будущего Германии, и вопросов репарационных поставок, и послевоенного устройства мира, и британского наследства, и договоренности о границах Польши, и дальневосточных дел. В решении всех этих проблем Сталин задавал тон и ни в чем не поступался интересами Советского Союза. В то же время он не позволял себе ущемлять самолюбие союзников, не кичился победами советских армий и отдавал союзникам дань уважения в их борьбе с немецкими оккупантами. Это нравилось Черчиллю и Рузвельту, которые понимали, что без Советского Союза они бы не одолели Гитлера. Последний раз они в том убедились, когда немецкие войска начали громить орденскую группировку союзных войск. Не ожидавшая удара 1-я американская армия была буквально сметена со своих позиций. Она потеряла все свои запасы горючего и технику. Американский журналист Р. Ингерсолл писал в эти дни: «Вражеские войска хлынули в прорыв, как вода во взорванную плотину. А от них по всем дорогам, ведущим на запад, бежали сломя голову американцы».

Чтобы спасти положение, Черчилль просит Сталина «организовать наступление на фронте Вислы», с целью оттянуть немецкие войска с Западного фронта.

Ставка Верховного Главнокомандования планировала наступательные операции только на конец января. Однако, учитывая тяжелое положение союзников, советские войска, не считаясь с погодными условиями, перешли в наступление на две недели раньше намеченного срока. Они нанесли удар такой силы, что немцы в срочном порядке перебросили свои армии с западного направления на Восточный фронт. Англо-американские войска были спасены.

На крымской конференции не вспоминали об этом эпизоде, но в глубине души и Черчилль, и Рузвельт (есть основание предполагать) чувствовали угрызения совести: в первые годы войны, когда Красной Армии было чрезвычайно трудно и Сталин настоятельно требовал открыть второй фронт, они даже пальцем не пошевелили. И то, что Сталин спас их армии от окончательного разгрома и не вспоминал их прошлые грехи, они высоко оценили.

Вот какой тост провозгласил Черчилль за обеденным столом в Крыму:

— Я не прибегаю ни к преувеличению, — сказал он, — ни к цветистым комплементам, когда говорю, что мы считаем жизнь маршала Сталина драгоценнейшим сокровищем для наших надежд и наших сердец. В истории было много завоевателей. Но лишь немногие из них были государственными деятелями, и большинство из них, столкнувшись с трудностями, которые следовали за их войнами, рассеивали плоды своих побед. Я искренне надеюсь, что жизнь маршала Сталина сохранится для народа Со-

ветского Союза и поможет всем нам приблизиться к менее печальным временам, чем те, которые мы пережили недавно. Я шагаю по этому миру с большой смелостью и надеждой, когда сознаю, что нахожусь в дружеских и близких отношениях с этим великим человеком, слава которого прошла не только по всей России, но и по всему миру.

Однако Сталин не питал особых иллюзий относительно похвал Черчилля в свой адрес. В ответных тостах он неизменно подчеркивал: союзники должны вести честную игру. «Союзники не должны обманывать друг друга, — говорил Иосиф Виссарионович. — Быть может, это наивно? Опытные дипломаты могут сказать: «А почему бы мне не обмануть своего союзника?» Но я, как наивный человек, считаю, что лучше не обманывать своего союзника, даже если он дурак. Возможно, наш союз стал крепок именно потому, что мы не обманываем друг друга; или, быть может, потому, что не так уж легко обмануть друг друга? Я провозглашаю тост за прочность союза наших трех держав. Да будет он сильным и устойчивым; да будем мы как можно более откровенны».

* * *

Когда Сталин говорил о том, что союзники должны быть честными и откровенными друг перед другом, Черчилль и Рузвельт догадывались, на что он намекает. Именно в это время американские дипломаты вели переговоры с гитлеровцами на предмет того, чтобы немецкие войска прекратили сопротивление англо-американцам и ужесточили сопротивление Красной Армии. С тем расчетом, чтобы задер-

жать советские войска и позволить союзникам беспрепятственно оккупировать Германию.

Сразу же после Ялтинской конференции Сталин уже прямо сообщит об этом Рузвельту. Американский президент будет делать все, чтобы рассеять подозрения Сталина. Он будет уверять его, что переговоры в Берне, по сути, и не начинались. Сталин опровергнет такое утверждение. «Надо полагать, — пишет он в своем послании 3 апреля 1945 года, — что Вас не информировали полностью. Что касается моих военных коллег, то они, на основании имеющихся у них данных, не сомневаются в том, что переговоры были и они закончились соглашением с немцами, в силу которого немецкий командующий на Западном фронте маршал Кессельринг согласился открыть фронт и пропустить на восток англо-американские войска, а англо-американцы обещали за это облегчить для немцев условия перемирия. Я думаю, что мои коллеги близки к истине... И вот получается, что в данную минуту немцы на Западном фронте на деле прекратили войну против Англии и США».

Рузвельт делает новую попытку опровергнуть утверждение Сталина. «...Имеющиеся у Вас сведения, — пишет он Сталину 5 апреля, — должно быть, исходят из германских источников, которые упорно стараются вызвать разлад между нами». Тут же Рузвельт выразил «крайне гневное негодование» в отношении информаторов Сталина «...в связи с таким гнусным, неправильным описанием моих действий или действий моих доверенных подчиненных».

Однако Сталин прижимает Рузвельта неопровергимыми фактами: «Трудно согласиться с тем,

что отсутствие сопротивления немцев на Западном фронте объясняется тем, что они оказались разбитыми. У немцев имеется на Восточном фронте 147 дивизий. Они могли бы без ущерба для своего дела снять с Восточного фронта 15—20 дивизий и перебросить их своим войскам на Западном фронте. Однако немцы этого не сделали и не делают. Они продолжают с остервенением драться с русскими за какую-то мало известную станцию Земляницу в Чехословакии, которая им столько же нужна, как мертвому припарка, но безо всякого сопротивления сдают такие важные города в центре Германии, как Оsnабрюк, Мангейм, Кассиль. Согласитесь, что такое поведение немцев является более чем странным и непонятным».

Возражать Рузвельту, естественно, было нечего. Однако эта переписка произойдет уже после крымской встречи, которая проходила в духе «доброжелательства и взаимопонимания». Stalin не хотел портить ее упреками в адрес Англии и США, и ограничился лишь намеками.

* * *

Вся Ялтинская конференция была посвящена глобальным проблемам будущего Германии, послевоенному устройству мира, reparациям, разграничению польской границы и формированию польского правительства, вступлению Советского Союза в войну против Японии. По всем этим вопросам решающее слово оставалось за Stalinом. Во время обеда в Юсуповском дворце Stalin провозгласил тост за здоровье английского короля.

В ответ Черчилль произнес целую речь, посвященную Сталину. Позже он вспоминал ее по своим записям дословно.

— Я пил за здоровье маршала Сталина несколько раз, — сказал он. — На этот раз я пью с более теплым чувством, чем во время предыдущих встреч, не потому, что он стал одерживать больше побед, а потому, что благодаря великим победам и славе русского оружия он сейчас настроен более доброжелательно, нежели в те суровые времена, через которые мы прошли. Было время, когда маршал относился к нам не столь благожелательно, и я вспоминаю, что и сам кое-когда отзывался о нем грубо, но наши общие опасности и общая лояльность изгладили все это. Мы чувствуем, что в его лице мы имеем друга, которому можно доверять, и я надеюсь, что он по-прежнему будет питать точно такие же чувства в отношении нас. Желаю ему долго жить и увидеть свою любимую Россию не только покрытой славой в войне, но и счастливой в дни мира.

В ответ на выступление Черчилля Рузвельт сказал:

— Тост премьер-министра навевает много воспоминаний. В 1933 году моя жена посетила одну из школ у нас в стране. В одной из классных комнат она увидела карту с большим белым пятном. Она спросила, что это за белое пятно, и ей ответили, что это место называть не разрешается. То был Советский Союз. Этот инцидент послужил одной из причин, побудивших меня обратиться к президенту Калинину с просьбой прислать представителя в Вашингтон для обсуждения вопроса об установлении дипломатических отношений. Такова история признания нами России».

Удивительное дело! Советский Союз существует уже 16 лет, страна занимает одну шестую часть суши, а весь мир его не видит и не слышит. Интересно, а если бы не счастливый случай, если бы жена Рузвельта не побывала тогда в школе, то так бы и осталось на картах США белое пятно, а американский народ так бы и не узнал о существовании Советской России?

Для сравнения. Именно в эти годы к власти в Германии пришел Гитлер. Он не скрывал своих агрессивных намерений. Однако Германия не стала белым пятном, а гитлеровское правительство не было правительством-изгоем. А вот нашу страну не только не признавали, но и по возможности вредили ей, радовались нашим неудачам, чернили наши успехи и науськивали Гитлера, чтобы он проучил ненавистный им Советский Союз.

Вот такая мораль у так называемого «цивилизованного» мира. Сталин знал ему цену. Он был абсолютно убежден, что победы Советской Армии вызывают у союзников не только и не столько восторг, сколько страх. Он догадывался, что за его спиной Черчилль и Рузвельт ведут переговоры и строят планы, как преуменьшить освободительную роль Советского Союза для народов Европы. И он не ошибался в своих подозрениях. Первого апреля, практически в то самое время, когда Сталин обвинял союзников в сговоре с гитлеровцами, а они пытались его переубедить, Черчилль и Рузвельт обсуждали вопрос, как оттеснить Советский Союз на последнее место в деле разгрома гитлеровской Германии. «Русские армии, — писал тогда Черчилль Рузвельту, — несомненно, захватят всю Австрию и войдут в Вену. Если они также захватят Берлин, то не создастся ли у них слишком

преувеличеннное представление о том, будто они внесли основной вклад в нашу общую победу, и не может ли это привести их к такому умозаключению, которое вызовет серьезные и весьма значительные трудности в будущем? Поэтому я считаю, что с политической точки зрения нам следует продвигаться в Германии как можно дальше на восток, и в том случае, если Берлин окажется в пределах досягаемости, мы, несомненно, должны его взять».

Решающее сражение

Вот о чем беспокоились уже тогда наши «союзники», и вот какую роль они пытались отвести Советскому Союзу, разгромившему главные силы фашистской Германии. Они решили воспользоваться плодами этой победы, благо немцы беспрепятственно сдавали им города, открывая дорогу на Берлин.

Однако Сталин не сидел сложа руки. Он отлично знал повадки своих «друзей» и действовал на опережение. В конце 1944 года он дал команду Генеральному штабу разработать план завершающей кампании войны и прежде всего сделать все расчеты по Берлинской операции. Сразу же после Ялтинской конференции он вызвал к себе Жукова и рассказал ему о своем впечатлении от встречи с Черчиллем и Рузвельтом.

— Что-то в их речах много елея, — сказал Иосиф Виссарионович, — так и рассыпаются мелким бесом. Не иначе как задумали какую-то пакость. Ты как думаешь?

— Да уж, за так они нас не похвалят. Тут есть какой-то подвох.

— Какой? — настороженно спросил Сталин.

— Думаю, — сказал Жуков, — первыми хотят войти в Берлин и заявить, что это именно они разгромили Гитлера.

Во время разговора с Жуковым Сталин, по своей обычной привычке, прохаживался по кабинету, а потом остановился и внимательно посмотрел ему в глаза.

— Вот и я так думаю, — сказал он. — Поезжайте в Генштаб и вместе с Антоновым еще раз просмотрите все расчеты по Берлинской операции, а завтра в 13 часов встретимся здесь же.

Остаток дня и большую часть ночи Жуков и Антонов еще и еще раз просматривали все расчеты по Берлинской операции. Все, казалось, было учтено. Но и после этого, когда они пришли к Сталину, он внес целый ряд поправок и корректировок и только после этого в целом утвердил план.

— Ну что, — сказал Верховный, прощаясь с Жуковым, — с богом.

Однако через несколько дней он снова вызвал Жукова с фронта.

— Немецкий фронт на Западе рухнул окончательно, — сказал Сталин, — и, видимо, гитлеровцы дали зеленый свет союзным войскам. В то же время против нас они усиливают все группировки.

Сталин подошел к карте и, раскуривая трубку, продолжал:

— Вот смотрите последние данные о состоянии Западного фронта.

Жуков сразу же оценил сложившуюся обстановку. Фронт для англо-американских войск был открыт. Они могли двигаться к Берлину на максималь-

ной скорости. Единственное, что их могло задерживать — это искусственно созданная видимость каких-то сопротивлений немцев, чтобы Сталин не заподозрил их в предательстве. Словом, делать вид, что они ведут кровопролитные бои.

Для сравнения Жуков сообщил Иосифу Виссарионовичу, какая концентрация немецких войск на Берлинском направлении. Здесь гитлеровцы сосредоточили 48 пехотных, 4 танковых, 10 моторизованных дивизий, 37 отдельных пехотных полков, 98 отдельных пехотных батальонов и другие формирования. Всего в этих соединениях насчитывалось более миллиона человек, 1500 танков и штурмовых орудий, 3300 самолетов.

— Думаю, — сказал Сталин, — драка будет серьезная.

Он с минуту помолчал, прошелся по кабинету, мысленно взвешивая соотношение сил, и добавил:

— Мы также неплохо подготовились.

Учитывая манипуляционные действия союзных войск, Сталин делает вывод, что Берлин необходимо взять в кратчайший срок; начинать операцию нужно не позже 16 апреля и закончить в течение 12—15 дней.

* * *

Решающее сражение за Берлин началось точно по плану. В 5 часов утра 16 апреля земля вздрогнула от многотысячных залпов орудий. В течение 30 минут на позиции противника обрушилось неимоверное количество снарядов — 1 млн. 236 тысяч. Это почти по одному снаряду на каждого обороняющегося в берлинской группировке противника.

Битва за Берлин не имеет аналогов в мировой истории войн.

И еще: Берлинская операция — первая, в которой при планировании учитывались не только силы и возможные действия противника, но и действия союзных англо-американских войск. Причем учитывались они не в плане взаимодействия и взаимопомощи, а как конкуренты, оппоненты, соперники, способные на непредвиденные действия.

Такой расчет не был излишним. Накануне штурма Берлина внезапно умирает Рузвельт. Сразу же после его похорон новый президент США Трумэн собрал совещание, на котором присутствовали военные руководители и финансовые магнаты. Новый глава Белого дома открыто выступил против политики, проводимой Рузвельтом в отношении СССР. Он призвал участников собрания искать какие-то компромиссы для сохранения Германии и высказал свои соображения по поводу того, что Советский Союз после войны превратит Европу в коммунистический материк. «Русские скоро будут поставлены на место, — сказал Трумэн, — и тогда Америка возьмет на себя руководство движением мира по пути, по которому следует его вести».

Правда эти воинственные заявления пока не рекламировались. И на то были свои причины. Во-первых, мировое общественное мнение было на стороне Советского Союза; во-вторых, США находились в состоянии войны с Японией. А согласно Ялтинской договоренности Сталина и Рузвельта, Советский Союз обещал объявить войну Японии после разгрома гитлеровской Германии. В силу этих обстоятельств Трумэну ничего не оставалось, как только размахивать

руками, угрожать, строить всяческие козни, но не предпринимать активных действий.

Подлость по англо-американски

Взятие Берлина — это завершающий этап Великой Отечественной и Второй мировой войны. Это освобождение человечества от истребления и фашистского порабощения, это триумф советского оружия и советского военного искусства.

Но пока советские войска добивали остатки гитлеровцев, оказывающих отчаянное сопротивление, в Лондоне и Вашингтоне ломали голову над тем, как испортить праздник победы советскому народу. В Берлин англо-американские войска не успели войти. Просчитались. Решили компенсировать эту неудачу сепаратной сделкой с гитлеровцами. 7 мая 1945 года, когда еще шли ожесточенные бои на Восточном фронте, командование англо-американских войск, отдельно, без предупреждения Советского Союза и в нарушение всех ранее принятых договоренностей, подписали капитуляцию Германии.

Как бы плохо Сталин ни думал о союзниках, но и он не ожидал от них такой подлости. 7 мая Иосиф Виссарионович провел совещание Политбюро с участием представителей Генштаба. Безусловно, действия англо-американцев были провокационными и подлыми. Но в то же время Сталин понимал, что война закончилась, что пришло время для политических решений, где понятия совесть и честь в кругах союзников — условные понятия. То, что Англия и США в одностороннем порядке без участия Советского Союза подписали акт капитуляции с повержен-

ной Германией — это начало политической, идеологической и экономической войны. Словом, брошен вызов Советскому Союзу. Союзники не простят нам наших побед.

Однако участникам совещания он только сообщил, что одностороннее соглашение союзников с германским правительством К. Деница похоже на нехороший говор.

— Договор, подписанный союзниками в Реймсе, — говорил Сталин, — нельзя отменить, но его нельзя и признать. По этому соглашению выходит, что перед нашей страной капитуляция не происходит, и это тогда, когда именно мы больше всего потерпели от гитлеровского нашествия и вложили наибольший вклад в дело победы, сломав хребет фашистскому зверю. От такой «капитуляции» можно ожидать плохих последствий. Капитуляция должна быть учтена как важнейший исторический факт и принята не на территории победителей, а там, откуда пришла фашистская агрессия — в Берлине, не в одностороннем порядке, а обязательно Верховным командованием всех стран антифашистской коалиции.

Тут же Сталин позвонил Жукову в Берлин и сообщил ему о капитуляции немцев в Реймсе, которую подписали англичане и американцы, дав этому событию соответствующую оценку.

— Мы договорились с союзниками, — сказал он Жукову, — считать подписание акта в Реймсе предварительным протоколом капитуляции. Завтра в Берлин прибудут представители Верховного командования союзных войск. Представителем Верховного Главнокомандования советских войск назначаешьесь Вы, Главноначальствующим в советской зоне

оккупации Германии назначаетесь Вы, одновременно будете Главнокомандующим советскими оккупационными войсками в Германии.

В этот же день Stalin отправил свой ответ Трумэну на его сообщение относительно объявления капитуляции Германии.

«У Верховного командования Красной Армии, — писал Stalin, — нет уверенности, что приказ германского командования о безоговорочной капитуляции будет выполнен немецкими войсками на Восточном фронте. Поэтому мы опасаемся, что, в случае объявления сегодня Правительством СССР о капитуляции Германии, мы окажемся в неловком положении и введем в заблуждение общественное мнение Советского Союза. Надо иметь в виду, что сопротивление немецких войск на Восточном фронте не ослабевает, а, судя по радиоперехватам, значительная группа немецких войск прямо заявляет о намерении продолжать сопротивление и не подчиняться приказу Деница о капитуляции».

Stalin предложил отложить объявление о капитуляции немцев до 9 мая, 7 часов вечера по московскому времени.

Далее события развивались в соответствии с политикой примитивно мелочных уколов союзников. В Карлсхорст, предместье Берлина, где намечалось принять капитуляцию от немцев, прибыли не Эйзенхауэр и Монтгомери, которые по рангу были равны Жукову, а второстепенные лица. И здесь союзники постарались принизить значимость предстоящего подписания общего акта о капитуляции. Жуков отреагировал на это соответствующим образом: он не поехал встречать гостей на аэродром Темпельгоф.

С гитлеровцами было проще. Они прибыли в Карлсхорст под конвоем.

В 24 часа союзники вошли в зал. Они сели за стол. За их спинами были флаги СССР, США, Англии и Франции. Жуков открыл предстоящую процедуру подписания общего акта о капитуляции. На всю процедуру подписания акта о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии он затратил 43 минуты. В 24:00 начал, в 0.43 минуты 9 мая 1945 года завершил.

Сталин не присутствовал в Карлсхорсте, но был там всеми мыслями и всем сердцем. Он представлял себе, как происходит эта процедура. Его даже не огорчали мелкие пакости союзников, которые настаивали, чтобы все-таки брать за основу акт о капитуляции, подписанный ими в Реймсе. Переговоры на эту тему зашли в тупик. Каждый остался при своем мнении. Трумэн сообщил, что Америка будет праздновать день Победы 7 мая, а Сталин ответил: «Это как вам будет угодно. Для советского народа день победы — это совместное подписание акта о безоговорочной капитуляции Германии в Карлсхорсте, когда последний немецкий солдат сложил оружие».

Для Трумэна его слова были пощечиной. И он, как говорится, закусил удила.

— Кто такой Сталин и что такое Советский Союз? — спрашивал он свое окружение. — Англо-американские армии разгромили Гитлера, и почему мы должны отдавать нашу победу русским?

Похоже, что для нового американского президента СССР по-прежнему оставался, как и в начале 30-х годов на географических картах США, белым пятном. Он распорядился наказать Сталина и совет-

ский народ за непослушание и прекратить все поставки по «ленд-лизу». Это решение тут же претворили в жизнь. Была дана команда не только на прекращение погрузок товаров по ленд-лизу, но и отдан приказ судам, находившимся в пути, а также тем, которые уже причалили в советских портах, чтобы они прекратили разгрузку и возвращались в Америку. Это произошло 12 мая, на третий день после подписания общего акта о безоговорочной капитуляции фашистской Германии. Когда Молотов доложил Сталину о трумэновской проделке, тот молча несколько минут ходил по кабинету, раскуривая трубку. Потом подошел к Молотову и сказал:

— Если США хотят прекратить поставки, тем хуже для них. Не будем заявлять никаких протестов и делать каких-либо заявлений, а тем более что-то просить у них. Посмотрим, какой еще номер выкинут наши союзнички.

Поступок Трумэна Иосиф Виссарионович оценил как более чем недружественный. Это было не объявление войны, но уже и не мирное сосуществование. Это было первое событие из ряда тех, что получили впоследствии название «холодной войны»...

На вершине славы

В день Парада Победы испортилась погода, моросил дождь, небо было затянуто серыми тучами. Иосиф Виссарионович поднялся на трибуну Мавзолея. Красная площадь пылала морем алых знамен. Участники Парада сияли орденами и медалями. Под бой кремлевских курантов к участникам Парада на белом коне выехал Жуков. Его встретил командую-

щий Парадом Рокоссовский. Жуков объехал войска и поднялся на трибуну. Он был явно взволнован. Но все проходило четко и слажено.

Шеренга за шеренгой идут полки. Группа участников Парада Победы несет опущенные к земле трофеиные гитлеровские знамена, их с презрением бросают на землю к подножью Мавзолея. Сталин подымает руку к козырьку, отдавая честь участникам Парада. Это было самое счастливое мгновение в его жизни. Ради этой победы он жил, ради нее он не спал ночами и не давал спать советскому народу, ради нее он строил заводы и проводил реформы в промышленности и сельском хозяйстве. Он сделал все, что мог, и даже больше, чем мог кто-то сделать на его месте. Он воспитал поколение людей, преданное идеям социалистической справедливости, свободы, равенства и братства. Вот они идут под алыми знаменами. А сколько их легло на полях сражений?! Вечная им слава.

Стоявший рядом со Сталиным Жуков видел, как по его лицу ползли капли, но он не знал, были ли это капли дождя или же слезы победителя. Победителя самой страшной войны в истории человечества. На алтарь победы он положил свою жизнь, жизнь своих близких, и в этот час, в это мгновение был на вершине славы, на которую не подымался ни один человек в мире.

Чуть седой, как серебряный тополь,
Он стоит, принимая парад.
Сколько стоил ему Севастополь?
Сколько стоил ему Сталинград?

И когда подходили вандалы
К нашей древней столице отцов,
Где нашел он таких генералов,
И таких легендарных бойцов?
Он взрастил их. Над их воспитаньем
Долго думал он ночи и дни.
О, к каким роковым испытаньям
Подготовлены были они!
И в боях за Отчизну суровых
Шли бесстрашно на смерть за него,
За его справедливое слово,
За великую правду его.
Как высоко вознес он державу,
Мощь советских народов-друзей,
И какую великую славу
Создал он для Отчизны своей...

Эпилог

После Парада Победы, состоявшегося 24 мая 1945 года, Иосиф Виссарионович Сталин прожил еще 7 лет 8 месяцев и 11 дней. Это тоже было неимоверно трудное время — время огромной, тяжелой работы по восстановлению разрушенного войной народного хозяйства.

В то же время началась подготовка к предстоящей конференции глав держав-победительниц. Сталин не возлагал на эту встречу каких-либо надежд на взаимопонимание с союзниками. После смерти Рузвельта и прихода к власти в США Трумэна отношения с Америкой осложнились. Трумэн не только отказался от поставок по «ленд-лизу», но и постоянно делал (информация об этом проскальзывала в за-

рубежной печати) недружественные заявления по отношению к СССР. Сталин на них не реагировал. Однако накануне встречи «Большой тройки» позвонил Жукову, который в то время находился в Берлине и предупредил:

— Не вздумайте для встречи с союзниками выстраивать почетные караулы с оркестрами, — сказал он. — Обойдется без этих почестей.

15 июля прибыл на самолете из Антверпена Трумэн. В тот же день прилетел и Черчилль, и до начала работы Трумэн и Черчилль (Сталин еще был в пути) успели уточнить и согласовать свои позиции на переговорах с русской делегацией. Ни о какой дружбе с Советским Союзом они уже не говорили. Напротив, речь шла об изоляции СССР и отстранении его от решения каких-либо проблем. Трумэна распирало от самодовольства. Накануне отъезда в Берлин ему доложили, что завершаются работы по подготовке к испытанию атомной бомбы. Теперь он ожидал добрых вестей.

— Если бомба взорвется, — говорил он Черчиллю, — то это будет та дубинка, которой я огрею Сталина.

Забегая вперед, скажем: бомба взорвалась, но Сталина ему так и не удалось «огреть». Здесь вышел прокол. Казалось, все было рассчитано. Черчилль и Трумэн долго обсуждали, в какой форме подать новость Сталину — в письменном виде, во время выступления на заседании конференции или в перерыве между заседаниями? Остановились на последнем варианте. Роли были распределены: Трумэн говорит Сталину о бомбе, а Черчилль со стороны наблюдает за его реакцией. Так и действовали по этому сцена-

рию. 25 июля во время перерыва Трумэн подошел к Сталину и, как бы между прочим, сообщил:

— У нас в США создана бомба невероятно большой силы.

Трумэн не назвал ее атомной, чтобы больше заинтриговать Сталина. Однако Сталин никак не отреагировал на его сообщение, сделав вид, что в словах американского президента нет ничего нового. Никакой реакции со стороны Сталина на сообщение Трумэна не обнаружил и Черчилль.

— По-моему, он просто не понял, о чем идет речь, — разочаровано жаловался Трумэн Черчиллю. — Он не задал мне ни одного вопроса.

Однако Сталин, разумеется, все отлично понял. Об этом позже в своих мемуарах свидетельствовал Жуков, в присутствии которого Иосиф Виссарионович рассказал Молотову о сообщении Трумэна.

— Цену себе набивают, — сказал Молотов.

И.В.Сталин рассмеялся:

— Пусть набивают. Надо будет сегодня переговорить с Курчатовым об ускорении нашей работы.

Я понял, что речь идет о создании атомной бомбы».

С того дня Сталин взял под свой личный контроль изготовление атомной бомбы. О положении дел ему докладывали практически каждую неделю, а в особых случаях, когда возникали проблемы, каждый день.

29 августа 1949 года в 6 часов утра на Семипалатинском полигоне была взорвана первая советская атомная бомба. Этого никак не ожидали союзники. Они были в полной растерянности. По их расчетам, Советский Союз мог получить атомное оружие не раньше 1955 года. Атомная монополия США была

ликвидирована. Сталин снова «обыграл» Америку, где к тому времени шла полным ходом подготовка к атомной войне с Советским Союзом. Горячие головы из Пентагона уже разработали программу атомной бомбардировки 70 советских городов. Однако, узнав о том, что и Советский Союз обладает такой же бомбой, как и США, и к тому же имеет ракеты для доставки их через океан, умерили свой пыл. Сталин и на сей раз достиг своей цели: он спас не только советский народ, но и все человечество от атомного кошмара.

Однако вернемся в Потсдам, где проходила конференция. Дискуссии шли по всем вопросам. Но Сталину удалось не только удержать натиск вчерашних союзников по антигитлеровской коалиции, а сейчас откровенных противников, но и атаковать их. Он сумел отстоять интересы страны. Участники встречи согласовали политические и экономические принципы по обращению с Германией в начальный контрольный период; была достигнута договоренность о репарациях с Германией, о германском военно-морском и торговом флоте, о передаче Советскому Союзу города Кенигсберга и прилегающего к нему района, о предании суду военных преступников. Были согласованы заявления об Австрии, Польше, о заключении мирных договоров, приеме новых членов в Организацию Объединенных Наций. В официальном сообщении об итогах встречи говорится, что конференция «укрепила связи между тремя правительствами и расширила рамки их сотрудничества и понимания». Было заявлено, что правительства и народы трех держав — участниц конференции «вмес-

те с другими Объединенными Нациями обеспечат создание справедливого и прочного мира».

Но это было заявлено, так сказать, для всеобщего прочтения, чтобы изобразить хорошую мину при плохой игре. Участники Потсдамской конференции отнюдь не были единодушны в принятии важнейших политических решений и разъезжались по домам с настроением, далеким от благодушия. Но если Сталин был удовлетворен итогами конференции, то у союзников ее результаты вызывали головную боль. Вскоре Сталину стало известно, что в узком кругу Трумэн высказал свое откровенное мнение по поводу недавней конференции.

— Потсдамский эксперимент, — сказал он, — привел меня теперь к решению, что я не допущу русских к какому-либо участию в контроле над Японией... Сила — это единственное, что русские понимают, и я поставлю их на то место, которое им укажу.

Что касается самого Черчилля, то с ним во время Потсдамской конференции случилась неприятная история. 25 июля он попросил Трумэна и Сталина сделать перерыв в работе конференции, а сам отправился в Англию, чтобы узнать результаты только что прошедших там выборов. Они были неутешительными. Его партия, партия консерваторов, проиграла выборы, и он вынужден был подать в отставку. В Потсдам он не вернулся, а вместо него прибыл К. Эттли и новые члены правительства. Однако каких-либо серьезных изменений в потсдамские переговоры это не привнесло. Позиция лейбористов по внешнеполитическим вопросам не отличалась от позиции консерваторов. Что касается самого Черчилля, то свое мнение по отношению к Советскому

Союзу он высказал спустя семь месяцев после Потсдамской конференции в городе Фултоне (штат Миссури, США) в присутствии президента Трумэна. В своем выступлении Черчилль призвал к созданию военно-политического союза против СССР и стран народной демократии. Фактически с этого выступления началась политика, получившая впоследствии название «холодной войны». Силы, враждебные Советскому Союзу, поняли, что СССР нельзя победить с мечом в руках, и решили перейти к длительной осаде.

Черчилль не был одинок в таком подходе к Советскому Союзу. Такие же идеи высказывал и директор ЦРУ, руководитель политической разведки США Ален Даллес 18 августа 1948 года в своем докладе № 20/1 «Цели США в войне против России» на Совете национальной безопасности США.

(Его высказывание уже приводилось выше. Повторимся для того, чтобы люди помнили, по какой программе мы живем. Она, к сожалению, в наше время насаждается и осуществляется в полной мере.)

«...Окончится война, — говорил он, — все как-то утрясется, уладится. И мы бросим все, что имеем, — все золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей... Человеческий мозг, сознание людей способны к изменению. Посевя там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности поверить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного народа, окончательного, необратимого угасания его сознания.

Из литературы и искусства, например, мы постепенно вытравим их социальную сущность, отучим художников, отобъем у них охоту заниматься изображением, исследованием тех процессов, которые происходят в глубинах народных масс. Литература, театры, кино — все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства... Мы будем всячески поддерживать и подыметь так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства, — словом, всякой безнравственности...

В управлении государством создадим хаос и неразбериху. Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство и национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу — все это мы будем ловко и незаметно культивировать, все это расцветет махровым цветом...

И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или даже понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способ их оболгать и объявит отбросами общества. Будем вырывать духовные корни, опошлять и уничтожать основы духовной нравственности.

Мы будем расшатывать таким образом поколение за поколением. Будем браться за людей с детских, юношеских лет, главную ставку будем делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать ее. Мы сделаем из них циников, пошляков, космополитов».

Вот такая программа действий была заложена в «холодную войну». Однако на пути ее реализации тогда стоял Сталин. Он знал повадки империалистов и вел беспощадную борьбу с космополитизмом, национализмом, крепил дружбу народов, воспитывая у молодежи любовь к Родине и к вековым традициям, завещанным нам предками. Патриотизм, вера в собственные силы, в правильность избранного пути помогали преодолевать тяготы послевоенной жизни. К 1948 году был восстановлен довоенный уровень промышленного производства.

Практически сразу же после окончания войны Сталин проводит денежную реформу, отменяет карточную систему, снижает цены на промышленные товары и питание.

Трудное положение в военные годы сложилось в сельском хозяйстве. Но и здесь начались серьезные изменения к лучшему. Уже к концу сороковых годов было построено 536 тысяч жилых домов, колхозникам было выделено кредитов на индивидуальную застройку на огромную по тем временам сумму — 255,2 миллиона рублей. Сталину хотелось досыта накормить изголодавшихся за годы войны людей, создать им такие условия, чтобы они почувствовали радость и счастье жизни. Как и в годы войны, он работает по 14—16 часов в сутки. Все хозяйственное,

идеологические, политические, дипломатические и научно-исследовательские работы по главным направлениям замкнуты на нем. Он в курсе всех дел по созданию термоядерной бомбы, которая по своей разрушительной силе превосходит атомное оружие. Он серьезно интересовался работами ученых по различным направлениям. Он понимал, что без научных исследований и разработок страна будет обречена на отсталость.

Однако на все это требовалось время и деньги. Но катастрофически не хватало ни того, ни другого. Не хватало и сил. Они были подорваны огромными нервными и физическими перегрузками во время войны. Иосиф Виссарионович все острее ощущал, что он уже не может охватить весь объем работ, которые стояли перед ним, и все чаще и чаще стал задумываться над тем, кто сменит его, когда он уйдет из жизни. Среди своих соратников он не видел достойного преемника, и он приходит к выводу, что у руля государства и партии должны стать не практики, такие как Хрущев, Молотов, Микоян..., а образованное коллективное руководство. Такую идею он решил утвердить на XIX съезде партии, обновить состав ЦК и Политбюро, избавиться от некоторых старых руководителей и влить в эти органы свежие силы.

Съезд открылся 5 апреля 1952 года. Иосиф Виссарионович выступил на съезде с короткой речью. Она публиковалась в газетах и транслировалась по радио.

— Раньше буржуазия, — говорил Сталин, — позволяла себе либеральничать, отстаивала буржуазно-демократические свободы и тем самым создавала

себе популярность в народе. Нет больше, так называемой, «свободы личности» — права личности признаются теперь только за теми, у которых есть капитал, а все прочие граждане считаются сырьем материала, пригодным лишь для эксплуатации. Растоптан принцип равноправия людей и нации, он заменен принципом полноправия эксплуататорского меньшинства и бесправия эксплуатируемого большинства граждан. Знамя демократических свобод выброшено за борт.

Сталин призывал коммунистов поднять это знамя и вести борьбу против эксплуататоров, защищая эксплуатируемое большинство. Однако Сталин не успел реализовать свою идею. Хрущевско-горбачевско-ельцинские политики с компанией так называемых «демократов», ратуя на словах за коммунизм и «социализм с человеческим лицом», не только не подняли знамя борьбы за социальную справедливость, а втоптали победоносное сталинское знамя в грязь, изменили общественно-политический строй и переметнулись на сторону эксплуататоров.

Но это произойдет спустя полвека, а на XIX съезде партии еще был Сталин, и он крепко держал руль управления страной, не позволяя отклониться от курса социальной справедливости ни влево, ни вправо.

На съезде был избран новый состав Центрального комитета партии. По предложению Сталина его увеличили вдвое: избрано было 125 членов и 111 кандидатов. В их числе уже было много молодых, проверенных на деле партийных работников.

На ближайшем после съезда пленуме ЦК Сталин объяснил, почему надо было обновить состав Политбюро. К слову сказать, это его важнейшее выступле-

ние нигде не печаталось и не транслировалось по радио. Оно сохранено только в конспективных записях Константина Симонова, присутствовавшего на этом пленуме, и других его участников. Пленум длился чуть больше двух часов, из которых почти час тридцать говорил Иосиф Виссарионович. Симонов пишет:

«Говорил он от начала до конца сурово, без юмора, никаких листков или бумажек перед ним на кафедре не лежало, и во время своей речи он внимательно, цепко и как-то тяжело взглядывался в зал, так, словно пытался проникнуть в то, что думают эти люди, сидящие перед ним и сзади.

И тон его речи, и то, как он говорил, — все это привело всех сидящих к какому-то оцепенению».

Это небольшое симоновское замечание явилось эпилогом к тому, что сказал Иосиф Виссарионович.

— Итак, — сказал Stalin, — мы провели съезд партии. Он прошел хорошо, и многим может показаться, что у нас существует полное единство. Однако у нас нет такого единства. Некоторые выражают несогласие с нашими решениями.

Говорят, для чего мы значительно расширяем состав ЦК? Но разве не ясно, что в ЦК потребовалось влить новые силы? Мы, старики, все перемрем, но нужно подумать, кому, в чьи руки вручим эстафету нашего великого дела, кто ее понесет вперед? Для этого нужны более молодые, преданные люди, политические деятели. А что значит вырастить политического, государственного деятеля? Для этого нужны большие усилия. Потребуется десять, нет, все пятнадцать лет, чтобы воспитать государственного деятеля.

Но одного желания мало. Воспитывать идейно стойких государственных деятелей можно только на практических делаах, на повседневной работе по осуществлению государственной линии партии, по преодолению сопротивления всякого рода враждебных оппортунистических элементов, стремящихся затормозить и сорвать дело строительства социализма. И политическим деятелям ленинского опыта, воспитанным нашей партией, предстоит в борьбе сломить эти враждебные попытки и добиться полного успеха в осуществлении наших великих целей...

Говоря все это, Сталин понимал, что он уже не успеет выполнить поставленной задачи и подготовить настоящих деятельных политиков, стойких, умных и бескомпромиссно преданных делу социализма, а сидящие в зале его соратники могут дрогнуть перед суворой действительностью и сдать завоеванные позиции.

— Спрашивают, — продолжал Stalin свою речь, — почему мы освободили от важных постов министров, видных партийных государственных деятелей. Что можно сказать на этот счет? Мы освободили от обязанностей министров Молотова, Кагановича, Ворошилова и других и заменили их новыми работниками. Почему? На каком основании? Работа министра — это мужицкая работа. Она требует больших сил, конкретных знаний и здоровья. Вот почему мы освободили некоторых заслуженных товарищей от занимаемых постов и назначили на их место новых, более квалифицированных, инициативных работников. Они молодые люди, полные сил и энергии. Мы их должны поддержать в ответственной работе.

Перед выступлением на пленуме Сталин много думал, что он скажет о своих старых соратниках. С одной стороны, он был уверен в их преданности целям и идеям построения социализма, а с другой — не мог простить им ошибок, которые они допустили в последнее время. Причем, он считал, что это совершенно недопустимые ошибки.

И здесь, как свидетельствуют современники, не последнюю роль сыграл Хрущев.

— Все решения, которые принимаются на Политбюро, — докладывал Сталину Никита Сергеевич, — сразу же становятся известными жене Молотова Жемчужиной.

На вопрос Сталина, откуда такое ему известно, Хрущев дал однозначный ответ:

— Все об этом говорят.

Никита Сергеевич, несмотря на внешнюю пропстоту и скромность, был тонкий интриган и откровенный подхалим. Придет время, и он без зазрения совести будет всячески порочить и имя Сталина. В своем докладе XX съезду КПСС он так смешает правду и ложь, что содрогнется весь мир. Но это будет уже после смерти Иосифа Виссарионовича. А в 1952 году ему очень хотелось быть ближе к Сталину, и он старался, растопырив локти, как можно дальше оттолкнуть от него старых соратников и перессорить их между собой. С такой целью он нередко запускал о ком-нибудь какую-либо сплетню, которая начинала «гулять» в кругу близких ему людей, а потом выходила и за его пределы. В конечном итоге она воз-

вращалась к тому, от кого пришла, а Хрущев воспринимал ее с деланным удивлением и возмущением и вообще вел себя как человек, для которого эта сплетня являлась абсолютной новостью. Проходило какое-то время, и он подбрасывал ее Сталину. Молотов, которого Хрущев боялся и ненавидел, был не единственной его жертвой. Много наветов он возвел и на своего друга Микояна.

— Анастас Иванович, — говорил он Сталину, — недоволен положением дел на селе. Ему не нравится налоговая политика партии по отношению к крестьянам.

Выслушав его донос, Сталин молча несколько раз прошелся по кабинету.

— А что вы скажете на этот счет? — спросил он Хрущева. — Правильную мы ведем политику по отношению к крестьянам или нет?

Хрущев ждал этого вопроса и заранее подготовил ответ:

— Товарищ Сталин, на мой взгляд партия ведет правильную сельскохозяйственную политику, — сказал он. — Земля навечно отдана в пользование крестьянам, и они вечно должны за это благодарить партию.

Тогда Сталин ничего не сказал Хрущеву, но в своем выступлении на пленуме подверг резкой критике Молотова и Микояна. Участники пленума не могли понять, почему Сталин так беспощадно бьет своих соратников, обвиняя их в возможной трусости и капитулянтстве перед все возрастающим нажимом на Советский Союз капиталистических стран.

Что касается Молотова и Микояна, то критика Сталина застала их врасплох. Они были испуганы и,

поднимаясь на кафедру, нескладно оправдывались. После пленума Хрущев выразил им свое сочувствие, а затем окончательно добил.

Это случилось спустя два месяца после октябрьского пленума. По установившейся традиции день рождения Сталина и Новый год отмечали на даче Иосифа Виссарионовича. Обычно собирались ближайшие соратники. В тридцатые годы это были веселые компании. Stalin шутил, а Хрущев в косоворотке отплясывал украинский гопак. Его никто не принимал всерьез. Однажды Иосиф Виссарионович даже назвал его придурком. Никита затаил обиду, но не подал вида. Он был себе на уме.

Последние годы такие празднества не носили даже следы былого веселья. Stalin шутил редко. Сказывались годы, пережитая война, усталость. Пили разбавленное водой вино и говорили о делах. Так было и 21 декабря 1952 года, когда отмечали последний день рождения Иосифа Виссарионовича. Разъезжались уже под утро. Stalin тепло простился с гостями. А спустя несколько дней Хрущев (естественно, по секрету) сообщил Микояну неприятную весть.

— Знаешь что, Анастас, — сказал он, — Stalin сердился и возмущался, что вы с Молотовым пришли на его день рождения. Он обвинял меня и Маленкова в том, что мы хотим помирить его с вами. И строго предупредил, что ничего не выйдет. Он вам больше не товарищ и не хочет, чтобы вы к нему ходили.

Это был потрясающий удар для Молотова и Микояна. Естественно, они не пошли к Stalinу встречать 1953 год, что немного удивило Иосифа Виссарионовича. На вопрос Сталина, что случилось

с Молотовым и Микояном, Хрущев не задумываясь ответил:

— Обиделись за критику на пленуме.

Никита Сергеевич торжествовал. «Вот вам и при-
дурок, — говорил он себе, — я оказался умнее вас
всех».

* * *

Выступление Сталина на пленуме и критика Молотова и Микояна не на шутку встревожили Берию. Он знал, что Stalin в курсе всех его проделок, и боялся его гнева. Лаврентий Павлович чувствовал, что почва уходит из-под ног, и решил упредить возможный удар. Прежде всего он убрал самых близких и преданных Stalinу людей — Власика и Поскребышева. Такую операцию он осуществил путем многоходовых комбинаций. При этом Берия оставался в тени, а по его инструкции действовали его подручные или вовсе обманутые или несведущие люди. Вначале Власика обвинили в больших затратах средств на охрану и в злоупотреблении лиц, которые ее осуществляли. Потом добавили к этому обвинению разглашение государственной тайны и связь со «шпионом» Стенбергом (художником, оформлявшим Красную площадь в дни праздников). Естественно, ранее арестованного Стенберга подвергли таким пыткам, что он готов был дать показания не только против Власика, но и против родной матери. В такой ситуации Stalin уже не мог спасти своего генерала, многие годы охранявшего и оберегавшего его от всех бед. Говорят, когда арестовали Власика, тот сказал:

— Теперь и Stalinу осталось жить недолго.

С Поскребышевым, который двадцать лет был бессменным и преданным секретарем Сталина, сыграли злую шутку — подстроили утрату секретных документов. Его сменил «человек Берии» — Малин.

Во второй половине февраля 1953 года неожиданно и, как сообщалось, «безвременно» скончался молодой и полный сил генерал Косынкин, комендант Кремля, ответственный за безопасность Сталина и лично им назначенный на должность.

Тут же Берия организует «дело врачей». Среди арестованных был и академик Виноградов, много лет наблюдавший и лечивший Сталина. Этой акцией Берия пытается не только показать свою преданность Сталину, но и окружить его своими людьми.

Таким образом, все подступы к Сталину были открыты, можно было действовать в любом направлении. О том, что происходило дальше, существует множество версий. Более или менее правдоподобным является только то, что сообщает помощник коменданта дачи в Волынском (Кунцевская) Петр Лозгачев:

«С 28 февраля на 1 марта на ближней даче дежурили Хрусталев, Лозгачев, Туков и Бутусова.

Сталин приехал на дачу в Кунцево около 24 часов. Вскоре приехали Л. Берия, Г. Маленков, Н. Хрущев и Н. Булганин. Мы подали на стол только один виноградный сок. Что касается фруктов, то они всегда находились в вазах на столе. В пятом часу утра гости уехали. Прикрепленный полковник Хрусталев закрыл дверь. Хрусталев сказал, что якобы Сталин сказал ему: «Ложитесь спать все, мне ничего не надо, вы не понадобитесь».

Никогда Сталин такого не говорил, а тут почему-то сказал.

— Мы действительно легли спать, — продолжает свой рассказ Петр Лозгачев, — чем очень были довольны. Поспали до 10 часов утра.

Что делал Хрусталев с 5 часов утра до 10 часов утра, мы не знаем».

Итак, после ухода гостей Сталина уже никто не видел в добром здравии и на собственных ногах. Что происходило в апартаментах дачи, когда там были гости, и что случилось с Иосифом Виссарионовичем, когда они ушли, никто не знает. Неизвестно, в какой час первого марта его хватил смертельный удар. Неизвестно также, произошел он сам по себе или по воле гостей. Трусы с испугу могут пойти на любую подлость. Почему бы нам не предположить, что на их глазах полковник Хрусталев сделал плохо почувствовавшему себя Сталину смертельную инъекцию, а когда гости ушли, он предупредил охрану, чтобы она ложилась спать, так как Сталину ничего больше не надо. На такую мысль наводит и то обстоятельство, что вскоре крепкий и сильный полковник Хрусталев скончался. Умер тихо, по неизвестным причинам. Разве это не типичное устранение исполнителя — киллера?

Но если даже не на глазах Берии, Хрущева, Маленкова и Булганина и не по их заданию полковник Хрусталев убивал Сталина, то все равно они причастны к его смерти.

Вот что рассказывает двоюродный брат дочери Сталина, Светланы, Владимир Аллилуев. После ухода четверки Сталин дольше обычного не выходил после

сна. Это встревожило охрану. Члены охраны вошли в его комнату и увидели Сталина лежащим на ковре возле дивана. Сразу же доложили о случившемся Берии. Однако тотчас приехавшие Берия, Маленков, Хрущев и Булганин не подпускали долгое время к Сталину врачей, мотивируя свои действия тем, что товарищ Сталин спит и его не надо беспокоить.

Таким образом, в течение двенадцати-четырнадцати часов после того, как охрана обнаружила лежавшего без сознания Сталина, он находился без врачебной помощи. Если сюда прибавить пятнадцать-восемнадцать часов после отъезда с дачи четверки — никто ведь не знает, когда случилась с ним беда, — то картина получается просто чудовищная — после тяжелейшего удара Сталин более 30 часов находился без врачебной помощи. Четверка приезжала и уезжала, утверждая, что он спит, а охрана металась вокруг умирающего, не зная, что ей делать.

Когда, наконец, приехали врачи, они могли только констатировать безнадежное состояние. Светлана, которую вызвали к умирающему отцу, рассказывала:

— Отец был без сознания... Дыхание все учащалось... Лицо потемнело и изменилось — постепенно его черты становились неузнаваемыми, губы почернели... Агония была страшной. Она душила его у всех на глазах. В какой-то момент, не знаю так ли было на самом деле, но так казалось — очевидно, уже в последнюю минуту, он вдруг открыл глаза и обвел ими всех, кто стоял вокруг. Это был ужасный взгляд, то ли безумный, то ли гневный и полный ужаса перед смертью и перед незнакомыми лицами врачей, склонив-

шихся над ним. Взгляд этот обошел всех в какую-то долю минуты. И тут — это было непонятно и страшно, я до сих пор не понимаю, но не могу забыть — тут он поднял вдруг кверху левую руку (которая двигалась) и не то указал ею куда-то вверх, не то пригрозил всем нам. Жест был непонятен, но угрожающ и неизвестно к кому и к чему он относился... В следующий момент душа, сделав последнее усилие, вырвалась и отошла...

Сердце Сталина остановилось 5 марта 1953 года в 21 час 50 минут.

Теперь несколько слов о последнем жесте Сталина, который напугал Светлану и стоявших с ней рядом Берию, Хрущева, Маленкова и Булганина. Возможно, инсульт, лишивший Сталина дара речи и парализовавший его движения, не лишил его слуха и способности понимать и анализировать случившееся. Он не хотел умирать и ждал помощи от своих соратников. Однако, когда он услышал самоуверенный голос Берии, утверждающего, будто «товарищ Сталин спит, и его не надо беспокоить», он понял, что ждать помощи не от кого, что соратники ждут и желают его смерти. В это мгновение он до конца осознал свою беспомощность и безмерную подлость своих недавних соратников. Своим последним жестом, подняв вверх руку, которая могла еще двигаться, он сказал им: есть Бог, и все вы будете наказаны за содеянное.

И действительно, судьба четверки оказалась трагической. Берию расстреляли его же дружки, Маленков и Булганин кончили свою жизнь в изгнании, Хрущева предали его соратники и друзья. Больше того, его имя будет проклято в веках.

Сразу же после смерти Сталина 5 марта в 22 часа 30 минут была сделана опись его личного имущества. Она начинается словами: «Я, комендант Ближней дачи Орлов, старший прикрепленный Старостин, помощник Туков, сотрудник Бутусова составили опись личного имущества товарища Сталина И.В. по указанию товарища Берии.

1. Блокнот для записей, в обложке из кожи серого цвета.
2. Записная книжка, кожаная, красного цвета.
3. Личные записи, пометки, составленные на отдельных листах. Пронумеровано всего 67 листов (шестьдесят семь).
4. Общая тетрадь с записями, обложка красного цвета.
5. Трубки курительные — 5 штук. К ним: 4 коробки и спецприспособления, табак.

В кабинете товарища Сталина: книги, настольные принадлежности, канц. принадлежности, сувениры не включены в список. Спальня и гардероб.

6. Китель белого цвета — 2 шт. (на обоих прикреплена Звезда Героя Социалистического Труда).
7. Китель серый, п.дневной — 2 шт.
8. Китель темно-зеленого цвета — 2 шт.
9. Брюки — 10 шт.
10. Нижнее белье сложено в коробку под № 2. В коробку под № 3 уложены: 6 кителей, 10 брюк, 4 шинели, 4 фуражки. В коробку под № 1 сложены блокноты, записные книжки, личные записи.

Ванно-душевые принадлежности уложены в коробку № 4. Другое имущество, принадлежащее товарищу Сталину в опись не включалось.

Время окончания составления описи и документа — о часов 45 мин. 6 марта 1953 г.

Присутствующие: (подпись) Орлов;
(подпись) Старостин; (подпись) Туков; (подпись)
Бутусова».

В спальне была обнаружена сберегательная книжка, в ней записано 900 рублей. Вот и все личное богатство Сталина, которое он нажил за все годы как глава одного из самых могущественных государств мира. У него не было ни своей квартиры, ни своей дачи, ни своей машины, ни вкладов в заграничных банках.

Со времен учебы в Духовной семинарии Сталин помнил заповедь Христа: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют, и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют, и где воры не подкапывают и не крадут, ибо где сокровища ваши, там будет и сердце ваше».

Сокровища Сталина были размещены по всему необъятному Советскому Союзу, и там же было его сердце. За годы его правления были построены сотни тысяч заводов и фабрик, он создал могучую Советскую Армию, вооруженную современным оружием, укрепил советский рубль, в стране не знали безработицы, а у людей была уверенность в социальную справедливость и в свой завтрашний день. Все эти сокровища он оставил советскому народу. И не его вина, что после его смерти пришедшие к власти воры все растащили и разграбили.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сталин в оценке современников

Анри Барбюс, французский писатель

«...История его жизни — это непрерывный труд побед над непрерывным рядом чудовищных трудностей. Не было такого года, начиная с 1917, когда он не совершил бы таких деяний, которые любого бы прославили навсегда. Это — железный человек. Фамилия дает нам его образ: Сталин — сталь. Он несгибаем и гибок, как сталь. Его сила — это его несравненный здравый смысл, широта его познаний, изумительная внутренняя собранность, страсть к ясности, неумолимая последовательность, быстрота, твердость и сила решений, постоянная забота о подборе людей.

Если Сталин верит в массы, то и массы верят в него. В новой России — подлинный культ Сталина, но этот культ основан на доверии и берет свои истоки в низах. Человек, чей профиль изображен на красных плакатах — рядом с Карлом Марксом и Лениным, — это человек, который заботится обо всем и обо всех, который создал то, что есть, и создаст то, что будет. Он спас. Он спасает.

Человек с головой ученого, с лицом рабочего, в одежде простого солдата.

Сталин есть центр, сердце всего того, что лучами расходится от Москвы по всему миру».

Корделл Хэлл, государственный секретарь США в годы войны

«Сталин — удивительная личность. Он наделен необыкновенными способностями и разумом, а также умением схватывать суть практических вопросов. Он один из тех лидеров, наряду с Рузвельтом и Черчиллем, на плечи которых ложится такая ответственность, какой не будет знать ни один человек в ближайшие 500 лет».

Аверелл Гарриман, посол США в СССР

«...У него глубокие знания, фантастическая способность вникать в детали, живость ума и поразительно тонкое понимание человеческого характера... Я нашел, что он лучше информирован, чем Рузвельт, более реалистичен, чем Черчилль, и в определенном смысле наиболее эффективный из военных лидеров».

Ю.К. Паасикиви, президент Финляндии

«Сталин — одна из величайших фигур современной истории. Он прочно вписал свое имя не только в историю Советского Союза, но и во всемирную историю. Под его руководством старая история изменилась, обновилась, помолодела и превратилась в теперешний Советский Союз. Он поднял СССР до уровня могущественной мировой державы — сделал его могущественней, чем когда-либо была и могла быть Россия.

Сталин один из величайших созидателей государства в истории. В отношении Финляндии Сталин

проявлял симпатию и дружественность. Поэтому его уход из жизни вызывает искреннюю скорбь нашего народа. Я имел возможность много раз встречаться с генералиссимусом Сталиным и вести с ним переговоры. Об этих встречах я сохраняю самые наиприятнейшие воспоминания».

Гарри Гопкинс, американский государственный деятель и дипломат, ближайший помощник и доверенное лицо президента США Рузвельта

«...Сталин ни разу не повторился. Он говорил так же, как стреляли его войска, — метко и прямо. Он приветствовал меня несколькими быстрыми русскими словами. Он пожал мне руку коротко, твердо, любезно. Он тепло улыбался. Не было ни одного лишнего слова, жеста или ужимки. Казалось, что говоришь с замечательно уравновешенной машиной, разумной машиной.

Иосиф Сталин знал, чего он хочет, знал, чего хочет Россия, и он полагал, что вы также это знаете. Во время этого второго визита мы разговаривали почти четыре часа. Его вопросы были ясными, краткими и прямыми. Как я ни устал, я отвечал в том же тоне. Его ответы были быстрыми, недвусмысленными, они произносились так, будто они были обдуманы им много лет назад».

Христофор, Патриарх Александрийский
«Маршал Сталин... является одним из величайших людей нашей эпохи, питает доверие к Церкви и благосклонно к ней относится... Маршал Сталин,

Верховный Главнокомандующий, под руководством которого ведутся военные операции в невиданном масштабе, имеет на то обилие божественной благодати и благословения, и русский народ под гениальным руководством своего великого вождя с непревзойденным самоотвержением наносит сокрушительные удары своим вековым врагам». (1945 г.)

Пабло Неруда, чилийский поэт и общественный деятель

«...И вот моя позиция: темные стороны периода культа личности, о которых я не знал долгие годы, не могли вытеснить из моей памяти образ Сталина, который сложился у меня с самого начала, — образ строгого к себе, как анахорет, человека, титанического защитника русской революции. Помимо всего, война возвеличила этого невысокого человека с большими усами; с его именем бойцы Красной Армии шли на штурм гитлеровской крепости и не оставили от нее камня на камне». (Воспоминания. М., 1978.)

И так далее... Воспоминаний очень много, все привести невозможно. Из наших соотечественников дадим слово только одному человеку, которого трудно заподозрить в необъективности.

Алексей I, Патриарх Московский и Всех Руси

«Великого Вождя нашего народа Иосифа Виссарионовича Сталина не стало. Упразднилась сила ве-

ликая, общественная сила, в которой наш народ ощущал собственную силу, которою он руководился в своих созидаельных трудах и предприятиях, которою он утешался в течение многих лет. Нет области, куда бы не проникал глубокий взор великого Вождя... Как человек гениальный, он в каждом деле открывал то, что было невидимо и недоступно для обыкновенного ума». (1953 г.)

А. Керенский, известный русский политический деятель, премьер-министр России в 1917 году

«Сталин поднял Россию из пепла. Сделал великой державой. Разгромил Гитлера. Спас Россию и человечество». (Интервью)

Уинстон Черчилль, английский политический деятель, премьер-министр Великобритании в 1940—1945 и 1951—1955 годах

«...Хрущев начал борьбу с покойником и вышел из нее побежденным».

Передавая свое впечатление на реакцию Сталина при рассмотрении им плана операции «Торч» по высадке союзников в Северной Африке в 1942 году, Черчилль отметил следующую особенность стратегического мышления Сталина:

«Я затем точно разъяснил операцию «Торч». Когда я закончил свой рассказ, Сталин проявил жи-

вейший интерес... Сталин, по-видимому, внезапно оценил стратегические преимущества «Торч». Во-первых, это нанесет Роммелю удар с тыла; во-вторых, это запугает Испанию; в-третьих, это вызовет борьбу между немцами и французами во Франции; в-четвертых, это поставит Италию под непосредственный удар.

Это замечательное заявление произвело на меня глубокое впечатление. Оно показало, что русский диктатор быстро и полностью овладел проблемой, которая до этого была новой для него. Очень немногие из живущих людей смогли бы в несколько минут понять соображения, над которыми мы так настойчиво бились на протяжении ряда месяцев. Он все это оценил молниеносно».

**Адольф Гитлер,
канцлер и фюрер Германии**

Сейчас изданы так называемые «Застольные разговоры Гитлера» — стенографические записи его высказываний в тесном кругу приближенных. Вот запись за 22 июля 1942 года (вечер): «После ужина шеф в беседе исходил из того положения, что Советы представляли бы для нас страшную опасность, если бы им удалось с помощью выдвинутого КПГ (Коммунистической партии Германии. — Авт.) лозунга «Не бывать больше войне!» убить в немецком народе солдатский дух...

И чем больше мы узнаем о том, что происходит в России при Советах, тем больше радуемся тому, что

вовремя нанесли решающий удар. Ведь за ближайшие десять лет в СССР возникло бы множество промышленных центров, которые постепенно становились бы все более неприступными, и даже представить себе невозможно, каким вооружением обладали бы Советы, а Европа в то же самое время окончательно бы деградировала...

И было бы глупо высмеивать стахановское движение. Вооружение Красной Армии — наилучшее доказательство того, что с помощью этого движения удалось добиться необычайно больших успехов в деле воспитания русских рабочих с их особым складом ума и души.

И к Сталину, безусловно, тоже нужно относиться с должным уважением. В своем роде он просто гениальный тип... А его планы развития экономики настолько масштабны, что превзойти их могут лишь четырехлетние (немецкие. — Авт.) планы». (Застольные разговоры Гитлера. Смоленск, 1993. С. 450—451.)

**Генрих Мюллер,
начальник тайной государственной
полиции (гестапо) Третьего рейха**

Представляет определенный интерес оценка деятельности Сталина в ходе войны гитлеровцами. Так, после разгрома немцев под Сталинградом, по свидетельству В. Шелленберга, шеф гестапо Мюллер заявил ему: «Подумайте только, что пришлось перенести его системе (системе Сталина. — Авт.) в течение последних двух лет, а каким авторитетом он

пользуется в глазах народа. Stalin представляется мне сейчас в совершенно ином свете. Он стоит невообразимо выше всех лидеров западных держав...». (Цит. по: Ю. Мухин. Путешествие из демократии в дерьмократию и дорога обратно. М., 1993. С. 201.)

**Голованов А.Е,
главный маршал авиации СССР**

«...Изучив человека, убедившись в его знаниях и способностях, он доверял ему, я бы сказал, безгранично. Но не дай Бог, как говорится, чтобы этот человек проявил себя где-то с плохой стороны. Stalin таких вещей не прощал никому. Он не раз говорил мне о тех трудностях, которые ему пришлось преодолевать после смерти Владимира Ильича, вести борьбу с различными уклонистами, даже с теми людьми, которым он бесконечно доверял, считал своими товарищами, как Бухарина например, и оказался ими обманутым. Видимо, это развило в нем определенное недоверие к людям. Мне случалось убеждать его в безупречности того или иного человека, которого я рекомендовал на руководящую работу...

Stalin всегда обращал внимание на существование дела и мало реагировал на форму изложения. Отношение его к людям соответствовало их труду и отношению к порученному делу. Работать с ним было просто. Обладая сам широкими познаниями, он не терпел общих докладов и общих формулировок. Ответы должны были быть конкретными, предельно короткими и ясными. Если человек говорил долго,

попусту, Сталин сразу указывал на незнание вопроса, мог сказать товарищу о его неспособности, но я не помню, чтобы он кого-нибудь оскорбил или унизил. Он констатировал факт. Способность говорить прямо в глаза и хорошее и плохое, что он думает о человеке, была отличительной чертой Сталина. Длительное время работали с ним те, кто безупречно знал свое дело, умел его организовать и руководить. Способных и умных людей он уважал, порой не обращая внимания на серьезные недостатки в личных качествах человека».

(Из книги Ф.И.Чуева «Солдаты империи. Беседы. Воспоминания. Документы». М.,1998. С. 240–242.)

Гюнтер Блюментрит, немецкий генерал, участник сражений под Москвой

«Когда мы вплотную подошли к Москве, настроение наших командиров и войск вдруг резко изменилось. С удивлением и разочарованием мы обнаружили в октябре и начале ноября, что разгромленные русские вовсе не перестали существовать как военная сила. В течение последних недель сопротивление противника усилилось, и напряжение боев с каждым днем возрастало...

Из остатков потрепанных в тяжелых боях армий, а также свежих частей и соединений русское командование сформировало новые сильные армии. В армию были призваны московские рабочие... Сталин со своим небольшим штабом остался в столице, которую он твердо решил не сдавать. Все это было для

нас полной неожиданностью. Мы не верили, что обстановка могла так сильно измениться после наших решающих побед, когда столица, казалось, почти была в наших руках. В войсках теперь с возмущением вспоминали напыщенные октябрьские заявления нашего министерства пропаганды.

Стали раздаваться саркастические замечания по адресу военных руководителей, восседавших в Берлине. В войсках считали, что политическим руководителям пора побывать на фронте и своими глазами посмотреть, что там делается...

Воспоминание о Великой армии Наполеона преследовало нас, как привидение. Книга мемуаров национального генерала Коленкура, всегда лежавшая на столе фельдмаршала фон Клюге, стала его библией. Все больше становилось совпадений с событиями 1812 года...

Теперь политическим руководителям Германии важно было понять, что дни блицкрига канули в прошлое». (Статья «Московская битва», написанная по заданию Министерства обороны США в конце 50-х годов.)

**А.Т. Рыбин,
телохранитель И.В. Сталина**

«В 1941—1942 годах Сталин выезжал в прифронтовые полосы: на Можайский, Звенигородский, Солнечногорский оборонительные рубежи».

На Волоколамском направлении он заезжал в госпиталь, в 16-ю армию Рокоссовского, где осмотрел в натуре работу ракетных установок БМ-13 («ка-

тюша»), побывал в 316-й дивизии И. В. Панфилова. Через три дня после парада 7 ноября 1941 года на Красной площади Stalin выезжал на Волоколамское шоссе в одну из дивизий, прибывшую из Сибири, осмотрел ее боевую готовность. «В 1942 году Верховный Главнокомандующий, — продолжает А. Т. Рыбин, — выезжал за реку Лама на аэродром, где шли испытания самолета. 2, 3 августа 1943 года Stalin прибыл на Западный фронт к генералу Соколовскому и члену Военного Совета Булганину. 4, 5 августа он находился на Калининском фронте у генерала Еременко». Была проанализирована обстановка, разработан план операции обоих фронтов, особенно Калининского, и вопросы ее материального обеспечения.

Подчас по этому поводу иные авторы восклицают, что-де «мало ездил», а то и того хлеще — мол, «боялся». Либо делают вид, либо злоумышленно упускают, что Верховный Главнокомандующий чаще выезжать на фронты не мог: нельзя было оставлять общее руководство войной. А это главное». (Записки «Сталин на фронте».)

Дмитрий Устинов, народный комиссар вооружения СССР

«...В середине 1941 года И. В. Stalin указал на необходимость ускорить изготовление авиационных пушек Б. Г. Шпитального. «Полтора месяца — слишком долго. — Stalin посмотрел на висевшие на стене портреты Суворова и Кутузова и спросил: — Вы, товарищ Устинов, знаете, как ценил время Суворов? «Деньги дороги, жизнь человеческая — еще дороже,

а время — дороже всего». Так он говорил. Думаю, что правильно. В условиях войны выигрыш времени имеет особое, часто решающее значение. Это вопрос достижения технического превосходства над противником. К создателям оружия он относится не в последнюю очередь».

Сталину принадлежат крылатые слова: «Артиллерия — бог войны». В январе 1942 года Красная Армия впервые осуществила артиллерийское наступление. С тех пор это стало основной формой применения артиллерии во всех наступательных операциях». (Воспоминания.)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	5
--------------	---

Николай II. Конец августейшей династии

Кровавый знак судьбы	23
Первый наставник цесаревича	26
Наследник престола	27
Факты. Сопоставления. Размышления	29
Кругосветное путешествие	30
Поспешный брак	34
Глава дома Романовых	39
Помазанник Божий	44
Сопоставление и размышление	48
Явление «святого старца»	53
Сопоставления и размышления	56
Ставка верховного командования	60
Сопоставление и размышления	61
Под властью мародеров	67
Сопоставление и размышление	72
Отречение	77
Дневник царя	87
Персона « <i>non grata</i> »	90
Кто убил царя?	92
Конец династии Романовых	107

Сталин.
Страницы жизни

Вместо предисловия	109
Май сорок пятого	115
Отступления и размышления	130
«Гибель Спасителя»	131
Свет среди тьмы	140
Личная жизнь	143
Стратегический маневр Троцкого	149
Отступление к размышлению	152
Завещание Ленина	153
Борьба за власть	160
Дела семейные	169
Оппозиция	171
Если завтра война...	181
Противостояние	186
Отступление к размышлению	190
Надежда Аллилуева	191
Заговор	197
Николай Бухарин	202
Экономические «загадки» Бухарина»	207
Сцены семейной жизни	217
Заботы и тревоги	225
Трагедия	227
Сыновья и дочь Светлана	232
Тайна судьбы человека	242
Пророк в своем отечестве	244
Гитлер в объятиях Запада	253
Кульбиты истории	261
Оружие победы	273
Секретная папка	278

Разгаданная хитрость Черчилля	286
Союзники или противники	292
Дипломатические «уловки»	297
Франклин Рузвельт	303
Операция «Оверлорд»	306
«Ошибки» Сталина	315
Крепкий орешек	318
Парад в осажденной Москве	325
Случалось и такое...	328
Память, память...	329
Сталинградская битва	332
Его хранило пророчество	334
С нами — Бог!	338
Этапы великих сражений	341
Встреча в Ялте	343
Решающее сражение	353
Подлость по англо-американски	357
На вершине славы	361
Эпилог	363
Приложение. Сталин в оценке современников	385

Владлен Дорофеев

СТАЛИНИЗМ: НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ

«Мое имя будет оболгано, мне припишут множество злодеяний. Мировой сионизм всеми силами будет стремиться уничтожить наш союз, чтобы Россия никогда уже не смогла подняться. Острие борьбы будет направлено на отрыв окраин от России. С особой силой поднимет голову национализм. Появится много вождей-пигмеев, предателей внутри своих наций...» – сказал как-то Иосиф Виссарионович. Пророчество Сталина сбылось с необычайной точностью.

Человека, возродившего Советскую империю, победившего во Второй мировой войне, создавшего ядерный щит и меч нашей Родины, объявили садистом, пьяницей и дегенератом. Однако английский премьер-министр Уинстон Черчилль назвал Сталина «выдающейся личностью, величайшим диктатором, принявшим Россию с сохой, а оставившим с атомным оружием». Эта книга раскрывает истину о великой роли И. В. Сталина в российской истории XX века, рассказывает о его великих заслугах перед Россией, о безмерной любви советского народа к своему гениальному вождю в сравнении с личностью Николая II.